НОВАЯ ПОЛЬША

№11 (102) 2008

ЮБИЛЕЙ ЭРВИНА АКСЕРА

Гражданское движение: подробности

Российские следы в Варшаве

БЕСЕДА С КСЕНИЕЙ СТАРОСЕЛЬСКОЙ

Адольф Рудницкий о Достоевском

В Польше полно «Одноклассников»

Наталья Горбаневская — доктор honoris causa

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

Вы можете подписаться на «Новую Польшу», перечислив деньги на наш счет и отправив нам по почте, факсу или электронной почте копию подтверждения оплаты с пометкой: *prenumerata*.

Наш адрес:
Nowaja Polsza
Biblioteka Narodowa
al. Niepodległości 213
02-086 Warszawa

Подписка в Польше:
Название банка: BANK HANDLOWY SA I O/WARSZAWA
Номер счета: 55103010160000000003327001
Цена 1 экз. — 7 зл.
Цена годовой подписки — 84 зл.

Подписка за границей:
Название банка: BANK HANDLOWY SA I O/WARSZAWA
Адрес банка: ul. Traugutta 7/9 Warszawa
Номер счета: PL 55103010160000000003327001
SWIFT: CITIPLPX
Цена годовой подписки — 70 евро или 90 долларов

Информация о подписке за границей:
Тел. +48 22 608-27-95
Факс: +48 22 608-25-05
e-mail: nowpol@bn.org.pl

Информация о подписке в Польше:
Тел./факс: 22 608-24-88, 22 608-23-74
e-mail: czaspatron@bn.org.pl

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 11(102)
2008
ноябрь

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

Яцек Серадзкий 3
ВАРШАВЯНИН ИЗ ВЕНЫ

Виктор Кулерский 8
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

О ВАЖНОСТИ КРОПОТЛИВОЙ РАБОТЫ 18
Дискуссия о состоянии гражданского общества в Польше

Элиза Вольская 24
«НАШ КЛАСС»

НАЖИВАЯ ПРОШЛОЕ 26
Беседа с Петром Тадеушем Квятковским

Чеслав Милош 30
ШЕСТЬ ЛЕКЦИЙ СТИХОМ

Адольф Рудницкий 36
ВОКРУГ ДОСТОЕВСКОГО

Януш Майхерек 40
НАПОМИНАНИЕ

ДУМАТЬ НАД КАЖДЫМ СЛОВОМ 42
Беседа с Ксенией Старосельской

Мацей Новак 48
МОСКОВСКАЯ ВАРШАВА

Александра Клих, Юзеф Кшик 52
ПОЛЯК С АРХИПЕЛАГА ГУЛАГ

Галина Дубик 57
СОХРАНЕННЫЕ СЛОВА

Эльжбета Савицкая 59
КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

HONORIS CAUSA ДЛЯ НАТАЛЬИ ГОРБАНЕВСКОЙ 63

Ежи Помяновский 64
ПОЭТЕССА ГОРБАНЕВСКАЯ
ЗАСЛУЖИВАЕТ УЧЕНОГО ЗВАНИЯ

Жорж Нива́ 66
СЕВЕРНАЯ СТРЕКОЗА

Томас Венцлова 68
ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ СРОДСТВО

СТРАННОЮ ЛЮБОВЬЮ 71
«Докторская лекция» Натальи Горбаневской

ПИСЬМО ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬША
ЛЕХА КАЧИНСКОГО 72

СИЛЬНО СВЯЗАННЫЙ С ОТЧИМ ДОМОМ 73
Беседа с Томашем Маевским

ПАРАЛИМПИАДА 76

Лешек Шаруга 79
ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Магдалена Байер 82
КРАКОВ — ВАРШАВА — МИР

Переводчики: Е. Гендель, Н. Горбаневская, Н. Кузнецов, К. Старосельская, Е. Шиманская.
Фото ©: Archiwum (стр. 52), J. Pomianowski (стр. 3), Pocztówki z kolekcji Małgorzaty Baranowskiej (стр. 51), Agencja Gazeta (стр. 73, 75), N. Woroszylska (стр. 42, 63).

Редакционный совет
Стефан Братковский
Генрик Возняковский
Наталья Горбаневская
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Цёсек

Ежи Помяновский
(главный редактор)

Редколлегия
Элиза Вольская
Наталья Горбаневская
Галина Дубик
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Петр Мицнер ***(зам. гл. редактора)***
Кристина Пашек ***(секретариат)***
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих
(зам. гл. редактора, секретарь редакции)
Эльжбета Савицкая
Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

Графика и макет
Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция
Паулина Зеленая

Адрес редакции
BIBLIOTEKA NARODOWA
Al.Niepodległości, 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
02-086 Варшава
тел: **(0-22) 608 27 95; 608 25 65**
факс: **(0-22) 608 25 05; 608 27 96**
e-mail: **nowpol@bn.org.pl**

Информация о журнале для стран СНГ:
Издательство МИК, Москва,
ул. Большая Переяславская, д.15, кв.49
тел: **621-41-42**
e-mail: **mic@inbox.ru**

Журнал издается под патронажем Национальной Библиотеки по поручению Министра Культуры и Национального Наследия Республики Польша
Тираж 4800 экз.

Яцек Серадзкий

ВАРШАВЯНИН ИЗ ВЕНЫ

Эрвин Аксер

В прошлом году Нестору польской сцены исполнилось 90 лет. Уже много сезонов он не занимается режиссурой. С директорским креслом распрощался — по собственному решению — четверть с лишним века назад. Для старших поколений театралов он остался легендой — образцовым представителем определенного типа театра в его наилучшем варианте. Для тех, кто помоложе, — фамилией из учебника истории. Это вполне понятно: трудно рассчитывать, что театр, которого в материальном смысле уже давно нет, сохранится не только в памяти современников. А тут действует и еще один дополнительный фактор: для той разновидности театра, которую он культивировал, погода сегодня испортилась. Улучшится ли климат? Этого нельзя исключать: в искусстве ничто и никогда не движется лишь в одном-единственном направлении.

Эрвин Аксер — пожалуй, последний, кто еще жив, из выпускников режиссерского факультета ГИТИ, Государственного института театрального искусства, созданного в 1932 году. Этот варшавский институт стал поворотным этапом в истории польского театра. Одним из его крупнейших достижений стало то, что он вознес сценическое искусство прямо на Парнас, очистил его от звездно-развлекательных навыков предыдущего века, предоставил ему полную, современную автономию, включил польский театр в цикл деятельности под знаком Станиславского, Мейерхольда, Гордона Крэга, Адольфа Аппиа и многих других великих реформаторов театра. В Польше главным вдохновителем этой реформации был Леон Шиллер, создатель режиссерского факультета в ГИТИ. Все студенты и выпускники находились под его влиянием. Да и Аксер, спустя долгие годы, тоже посвятил учителю много вдумчивых, проницательных и уважительно сформулированных замечаний. Но в своей творческой практике он пошел собственным, совершенно особым путем. Как, вероятно, и все выдающиеся ученики выдающихся наставников.

До 1939 г. Аксер успел подготовить только учебный спектакль. Война застала его во Львове, где он прожил все свое детство, — теперь город заняла Красная Армия. В действовавшем там в то время польском театре и состоялся его фактический дебют. После вступления немцев Аксер не мог работать по профессии; ему, в частности, доводилось пробавляться в ту пору таким неожиданным занятием, как слесарное дело. В 1942 г. он бежал из Львова в Варшаву, а после Варшавского восстания прошел через немецкие лагеря военнопленных. В катастрофически разоренной, обескровленной после войны стране, потерявшей и человеческие ресурсы, можно было быстро сделать карьеру. Молоденький, неопытный режиссер стал в 1946 г. содиректором только что созданного в Лодзи Камерного театра, а три года спустя — художественным руководителем и директором Современного (Вспулчесного) театра в Варшаве. Аксер возглавлял его вплоть до 1981 г., установив тем самым рекорд, который трудно побить.

Как уже говорилось, он был учеником Леона Шиллера — неверным на всех возможных фронтах. Шиллер был фанатичным поклонником польской поэтической драмы эпохи романтизма, которая вписывает драматическую историю народа в космически-мессианское визионерство. Но занимался он и тем, что по-немецки называется «Zeittheater», — зрелищем, которое публицистически и не без резкости обращается к актуальным общественно-политическим вопросам. В нем сочетались крайние противоположности: католический мистицизм с коммунистическими склонностями, глубокое уважение к традициям с открытостью к новым течениям. Он мечтал о тотальном театре — с режиссером как вождем-визионером. Такой тотальный проект послевоенного устройства сценического искусства подготовил в самые мрачные годы войны вдохновлявшийся Шиллером Конспиративный театральный совет, где собрались важнейшие представители театральных кругов. Театр будущего должен был лишиться коммерческого окружения, проводить в жизнь самые возвышенные гуманистические мечты и национальные идеалы, расширять познание мира, благородно просвещать. Послевоенная коммунистическая действительность быстро ввела эти грезы в положенные рамки. Для Шиллера — особенно болезненные: национальная романтическая драма на много лет была запрещена, «Zeittheater» в его соцреалистическом варианте далеко отходил от своих образцов, а самого артиста задвинули на запасной путь. Многих визионеров из Конспиративного совета встретила схожая судьба.

Аксер же изначально двинулся своим личным путем. Его не интересовали ни вождистские чаяния постановщиков, ни разновидности тотального театра, ни благородная дидактика. На небольших, технически слабо оснащенных сценах как в Лодзи, так и в Варшаве он ставил прежде всего камерные драмы, главным образом психологические, хотя спустя какое-то время — со всё нарастающей примесью гротеска. Драмы хорошо скроенные, по построению большей частью риторические, пристойного литературного класса, в которых ясно — хотя и не обязательно буквально, иногда с применением развитых метафор, — ставились проблемы, требовавшие рассмотрения. Драмы, которые давали актерам возможность показать себя. Комментаторы пытались называть эту форму сценического искусства «интеллектуальным театром»; Аксера коробило от такого понятия. Он предпочитал, чтобы говорили об «интеллигентном театре». Вроде бы скромнее, хотя, если задуматься поглубже, то, может, и не совсем?

В любом случае это был театр, где зрительный зал всегда мог рассчитывать на интеллигентный дискурс, не отягощенный, с одной стороны, дешевыми упрощениями, а с другой — настолько, насколько это было возможно! — идеологией. Честное слово, это было отнюдь не мало для интеллигентской публики, которую ежедневно кормили манной кашей пропаганды, обвиняли в буржуазных пережитках и которая мечтала просто участвовать в художественном диалоге с современностью. Просто удивительно, что аксеровский анклав подобного диалога существовал так долго и непрерывно — и пережил худшие времена: первую половину 50-х, апогей сталинизма. Если говорить по совести, не без уступок. И все-таки дипломатический талант директора позволил не перейти в репертуарных уступках принципиально важную демаркационную линию: не было утрачено доверие зрителей — фундамент, на который феномен Современного театра опирался еще несколько десятилетий.

Доверие приносило дивиденды — когда пришла послесталинская оттепель, главную сцену страны поручили возглавить Эрвину Аксеру. Слияние двух театров: Национального («Народового») и Современного — продолжалось три года и закончилось отступлением Аксера в пределы анклава: артиста явно не привлекало сражение с клубком тех взаимно противоречивых ожиданий, которые неизменно порождаются вывеской «Национальный». Он предпочитал на уже проверенном редуте читать новую литературу театральными средствами. А ему было что читать. Середина прошлого века — это феноменально творческое время для мировой драматургии, которая, впрочем, на протяжении долгого периода оставалась недоступной польской публике: железный занавес холодной войны отгораживал груды драм, словно плотина. Тем более животворной стала волна, которая хлынула на польские сцены после 56-го. Зрители смогли увидеть помеченные директорско-режиссерской (а иногда только директорской) печатью Аксера пьесы Сартра, Ионеско, Дюрренматта, Фриша, Осборна, Петера Вайса. Образцовую постановку «В ожидании Годо» Беккета. Обретенного после многих лет «неблагонадёжности» Брехта, чья «Карьера Артуро Уи» с феноменальной ролью Тадеуша Ломницко-

го стала легендарной. Новый сценический язык, которого требовала от театра вторгающаяся в него свежая драматургия, язык карикатурной деформации, язвительного гротеска, чего-то вроде актерского сарказма, наложил во «Вспулчесном» отпечаток и на манеру прочтения классики, как иностранной (Чехов, Островский), так и отечественной (Александр Фредро).

Аксеру многим обязан Славомир Мрожек. Правда, мировую премьеру его пьесы «Танго» один из провинциальных театров успел дать раньше, но только варшавский спектакль в полной мере показал величие и визионерство мрожековской притчи о парадоксах современной культуры и положил начало ее триумфальному шествию по сценам всего мира. Сотрудничество писателя с режиссером вылилось в дружбу и доверие. Когда Мрожека, оставшегося на Западе и осудившего вторжение в Чехословакию, внесли в список авторов, запрещенных цензурой, Аксер — уже в 70-е, после очередного политического послабления, — без лишнего шума добивался от тех, кто принимал решения, возврата писателя на подмостки польских театров. В Современном было тогда впервые поставлено «Счастливое событие» и, главное, «Эмигранты». Однако причин для схваток с цензурой с каждым годом становилось все больше, а поле для разговора со зрителем резко сокращалось. Да и тот тип драматургии, который принес художнику больше всего удовлетворения, казалось, исчерпывал себя: новые пьесы Пинтера, Дюрренматта или Фриша были явно слабее, чем на рубеже 50-60-х. Большой бум заканчивался. И Аксер начал операцию по наследованию, готовя ее так, как это делается во всем мире, а у нас в Польше все еще заставляет восхищенно мотать головой. Своего актера и выпускника режиссерского факультета Мацея Энглерта Аксер послал в провинцию, чтобы там он освоил на практике основные директорские навыки, после возвращения сделал его своим заместителем, и наконец в 1981 г. отдал ему престол. После этого Аксер еще несколько раз становился в своем театре за режиссерский пульт, ведя репетиции новых спектаклей.

*

Эрвин Аксер — человек изысканно скромный. Когда его спрашивают, как ему удавалось так долго держаться на своем посту, сохраняя относительную независимость при всех политических бурях, прокатывавшихся над Варшавой, он никогда не подчеркивает того, что стороннему наблюдателю кажется очевидным: дипломатического таланта и высокого директорского класса. Он предпочитает говорить о случайности, о скромных размерах и технических возможностях своей сцены: коль скоро здесь не ставились масштабные зрелища, а адресатом была горстка интеллигентской публики, охранителям коммунистического правоверия легче было смириться с непокорным репертуаром. Аксер трезво подчеркивает еще один, простой и измеримый факт: его позицию в Польше укрепляла репутация, которую ему удалось за сравнительно короткое время заработать за границей. Причем как на западе, так и на востоке — в немецкоязычных странах и в Советском Союзе.

В СССР это было вначале сотрудничество, а потом близость и дружба с Георгием Товстоноговым. Они обменивались спектаклями: Товстоногов ставил в Варшаве, Аксер — в Ленинграде. В частности, он перенес туда «Карьеру Артуро Уи», проведя — уже после премьеры — довольно необычный эксперимент по обмену актерами. Исполнитель заглавной роли в Польше Тадеуш Ломницкий сыграл в Ленинграде с русскими актерами, Евгений Лебедев — с польскими в Варшаве.

Что же касается немецкого языкового пространства, то это был Дюссельдорф, Мюнхен, а потом и другие немецкие города, Цюрих, но в первую очередь — Вена, «Бургтеатр» с прославленной, получившей ряд премий постановкой «Праздника для Бориса» Томаса Бернхарда, «Мечтателями» Музиля и другими спектаклями. Впрочем, с Веной дело обстояло намного глубже, чем это могло бы вытекать из одного лишь факта регулярных работ зарубежного гостевого режиссера. Аксер родился в Вене — 17 января 1917 года. Воспитывался он во Львове, который был галицийским городом, очень прочно остававшимся в орбите столицы имперской Австрии даже в межвоенной свободной Польше. Можно сказать, что Аксер чувствовал себя в Вене, как у себя, в своем культурном питомнике. Можно сказать и еще сильнее: в маленьком театральном зальчике на Мокотовской улице в Варшаве он в каком-то смысле пытался создавать венский театр. Пытался делать театр для того мира, где для человека «на уровне» участие в театральной жизни, просмотр очередных премьер — нечто столь же естественное и очевидное, как ри-

туал чтения новостей в газете за утренним кофе; как благовоспитанный разговор, полный спокойных, мудрых мыслей, уложенных последовательно, продолжающих размышления из предыдущей встречи (предыдущей премьеры) — размышления, к которым еще несомненно предстоит возвращаться.

Сам этот исходный принцип предопределял исключительность аксеровского театра и его совершенно особое, необычное место на культурной карте Польши. Ибо не слишком-то была похожа на Вену послевоенная Варшава, столица полунезависимой страны, которую подчинили насильно навязанной идеологии и которая сопротивлялась — не всегда успешно — интеллектуальному порабощению: металась в тисках, любой ценой, иногда почти истерически пыталась расширять пространство свободы мысли. Город на берегах Вислы отличала от города на берегах Дуная еще и структура населения, огромная брешь в интеллектуальной элите, пробитая войной и сталинским послевоенным периодом, — брешь, которую заполняли мигрирующие из деревень и провинциальных городов интеллигенты в первом, самое большее во втором поколении. Слой просвещенной публики, глотавшей театр, словно пирожное к кофе по-венски, был, право слово, очень тонким. И, вне всякого сомнения, заслуживал защиты — заслуги аксеровского театра в этом неопровержимы. Однако у новой варшавской элиты этот слой встречал не только уважение, но и неприязнь, насмешки, то более, то менее благодушные. Ясное дело, всё это оставалось главным образом в кулуарных разговорах; немного найдешь таких письменных свидетельств, как высказывание Казимежа Деймека, выдающегося режиссера, но человека холерического и чрезвычайно несдержанного на язык, который в одном из интервью позволил себе прошипеть с бешенством на тему «парикмахерского салона 1-го разряда г-на Эрвина Аксера», куда зритель «ходит на духовный маникюр и интеллектуальную завивку».

В этом издевательском шипении вместе с враждебностью довольно ясно слышен и тон то ли зависти, то ли даже восхищения. Нечто, называющее себя элитарным, легко вызывает неприязнь у тех, кто не чувствует себя элитой — по крайней мере такого рода. А театр Эрвина Аксера был элитарным в хорошем смысле этого слова: он требовал от своих зрителей по меньшей мере сметливости, принятия предложенных обстоятельств. Этот театр не угодничал перед публикой и не льстил ей через силу.

При этом он обучал зрителя кардинальным добродетелям — таким, как скромность. Аксер никогда не высовывался на передний план. Свое место он видел в служении тем, кто был, по его мнению, основными «виновниками» театрального произведения, — автора и актера. Будем откровенны, это была немножко скромность напоказ: ответственности за строгую цельность спектакля ни кто-либо извне с него не снимал, ни сам от нее не избавлялся, а это и определяло ранг спектакля. Тем не менее, присущее Аксеру, можно сказать, старосветское почтение к писателям, произведениям которых — их букве и духу! — он старался служить как режиссер, было необычным, и сегодня оно встречается очень редко. Уже в анекдот превратилась история с постановкой какой-то из пьес Макса Фриша: желая изменить что-то в тексте, Аксер пригласил швейцарца в Варшаву, неделю угощал его и уговаривал внести правку. Я был бы рад увидеть представителя современного поколения режиссеров, которому такая учтивость вообще пришла бы в голову.

Актеров же — да и многих других, более или менее тесно связанных с театром, — он рассматривал как несколько особую мутацию рода человеческого. Отдельный подвид. С неслыханно развитой сферой эгоизма и самолюбования, далеких от рациональных поступков, соединяющих незаурядную проницательность с неимоверной наивностью, одновременно мудрых и инфантильных, и это в одну и ту же секунду, в одном и том же поступке или рефлексе. Отношение Аксера к актерам можно назвать оксюморонным: патерналистская снисходительность сочеталась у него с уважением, а иногда и с некоторой специфической боязнью. Это нетрудно понять у завзятого рационалиста, которому приходится сталкиваться с явлением, не вмещающимся в рассудочные формулировочки, но вместе с тем творческим, необузданным, иногда близким к полному величию. Он умел этим пользоваться; галерея необычайных, оригинальных ролей, при этом лишенных грошовой рисовки, в его театре неистощима. И он умел это видеть. Портреты актеров в литературных произведениях Эрвина Аксера — это всегда увлекательная попытка уловить феномен, о котором театральный режиссер знает куда больше любого другого и которое своей оригинальностью, похоже, превосходит размеры сцены.

Ну вот, еще же ничего не было сказано о его литературе. Начиная с 50-х годов Аксер писал короткие тексты, статейки для польских театральных журналов — «Театра», а потом «Диалога». В Висле должно было утечь много воды, прежде чем его читатели, с самого начала, разумеется, восхищавшиеся и преисполненные уважения, стали наконец отдавать себе отчет, что на самом деле это никакие не статейки, а прозаические миниатюры. Высокого класса, с такой взвешенностью слов и ритмов внутри предложений, как в самой лучшей поэзии, с мини-сценками и мини-портретами, слагающимися в экономное повествование.

Театра Эрвина Аксера в материальном смысле уже нет — он перешел в легенду, в сферу воспоминаний. Литература Эрвина Аксера существует — её можно брать в руки, читать. И видеть в ней захватывающего автора. Человека с открытыми глазами, необычайно живого наблюдателя людей и событий. Скептика и стоика, который, набравшись жизненного опыта, уже как будто ничему не удивляется и ничего не осуждает. Но, конечно, не бесстрастного наблюдателя — он всего лишь с безупречной элегантностью скрывает свои эмоции за подбором слов, неожиданной паузой в повествовании, тональностью, вопросительным знаком. И при этом эмоции — разумеется, вполне ясные и недвусмысленные — не бывают спущены с поводка, не резвятся по своей воле. Их держит твердая рука. Аксер смотрит и описывает. Он проницательно видит побуждения, которыми руководствуются ближние, но порой даже не пытается их упорядочить, соглашаясь с мнимой иррациональностью событий. Он не осуждает, хотя иногда и есть за что, и не поучает. Он улыбается — без горечи, но зато с бесконечной меланхолией. Он посмеивается и над самим собой, словно бы подчеркивая, что не выступает здесь в качестве всеведущего и всесильного демиурга, не оценивает, не исправляет, не обращает в свою веру — или чего там еще можно придумать эдакого революционного. Он лишь пытается ловить мгновение в его неповторимой странности. И человека — во всей многогранности его поступков.

Если мой читатель любезно пожелает теперь перенести это отношение к окружающему миру, вписанное в сочинительство Аксера, на театральную практику художника, и представить себе, как это проявлялось в театре, то удивится ли он словам из первого абзаца моего очерка — о том, что для той разновидности театра, которую он культивировал, погода сегодня испортилась? Во всем нашем искусстве, шумном, загнанном в бег наперегонки, крикливом, всё унифицирующем свете, влюбленно заглядевшемся в себя, подчиненном модам и рейтингам, ныне нет течений, способствующих такому взгляду на действительность. Нет хорошего климата для стоически-меланхолических наблюдений за чудачествами нашего мира. Они давно отправлены в единичные, «нишевые», как сегодня принято говорить, анклавы. Но — минуточку: тот аксеровский театр тоже был анклавом, не похожим на всё вокруг. Это «вокруг» было совершенно иным, чем наше «сегодня», но своеобразие анклава было ровно таким же. А значит, не может ли статься, что, как бы мы ни жаловались на ссучивание мира, всё попросту стоит на своих местах? И так и должно быть в искусстве? У меня есть тайное подозрение, что Эрвин Аксер такому допущению поддакнет с мудрым спокойствием.

Яцек Серадзкий — театровед, критик, главный редактор журнала «Диалог».

Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

■ **«Четверть века назад Леху Валенсе была присуждена Нобелевская премия мира. Он до сих пор остается единственным получившим ее поляком. Премия — дань всему, что сделал Независимый самоуправляющийся профсоюз «Солидарность» для свободы и демократии в Польше (...) Лауреат не приехал на вручение лично, опасаясь, что власти откажут ему в праве вернуться на родину. От имени лидера «Солидарности» награду получила его жена Данута».** ***(«Дзенник», 29 сент.)***

■ «Вчера Лех Валенса праздновал свое 65-летие и 25-ю годовщину присуждения ему Нобелевской премии (...) Торжества прошли в варшавском Королевском замке и в Большом театре. «Это был великий день для «Солидарности». Это был глоток надежды и знак международного признания. Я помню огромную радость», — вспоминал бывший премьер-министр Тадеуш Мазовецкий (...) На вопрос, заданный ЦИОМом в день юбилея: «Кто для тебя Лех Валенса?» — 55% опрошенных ответили: «лауреат Нобелевской премии и символ Польши в мире», 49% — «легендарный лидер «Солидарности»», 48% — «бывший президент, символ польских преобразований», 18% — «политик, над которым тяготеют невыясненные обвинения в связях с госбезопасностью»». *(«Дзенник», 30 сент.)*

■ **Лех Валенса: «При демократии у человека есть право на многое, теперь ему нужно добавить обязанностей».** ***(«Политика», 27 сент.)***

■ «Возобновившийся процесс по делу инициаторов военного положения продолжает будоражить общественное мнение. Одни считают суд над генералом Ярузельским оправданным, другие полагают, что такой процесс вообще не должен иметь места». *(Роман Грачик, «Тыгодник повшехный», 21 сент.)*

■ **Богдан Борусевич, маршал Сейма, бывший член Комитета защиты рабочих (КОР), один из лидеров забастовки на Гданьской судоверфи в августе 1980 г., в ходе которой был создан независимый профсоюз «Солидарность», во время военного положения член подпольного правления «Солидарности», впоследствии арестован и заключен в тюрьму: «Это восстановление справедливости. Ярузельский должен понести наказание за введение военного положения. Из-за него Польша потеряла десять лет, а беспрецедентная гражданская активность, родившаяся на волне 1980 г., была загублена. Погибло полтора десятка человек. Польша понесла большие политические и экономические потери. Если бы не военное положение, в 1989 г. мы были бы совсем на другом этапе (...) Ярузельский защищал не Польшу, а коммунистический строй. Он защищал не государство, а коммунистическую диктатуру, свою власть (...) По этому делу суд должен вынести приговор на основании доказательств, предоставленных Институтом национальной памяти».** ***(«Газета выборча», 9 окт.)***

■ Проф. Ежи Едлицкий, интернированный во время военного положения: «Это было скверное время, спору нет, — бесконечно тянувшееся время уныния и депрессии. Но, оценивая его, нужно помнить о пропорциях. Тот, кто называет генерала преступником, пусть сперва снесет три варшавских памятника Пилсудскому, который поднял [в мае 1926 г.] вооруженное восстание против законного правительства (за что проигравшие заплатили жизнью) и за три дня устлал улицы Варшавы четырьмя сотнями солдатских трупов». *(«Газета выборча», 14 ноября)*

■ **«Судить генерала Войцеха Ярузельского со товарищи обычным судом — как создателей «преступной вооруженной группировки» — это фарс (...) Военное положение было введено вопреки конституции того времени (...) За это генерал Ярузельский и члены Государственного совета должны отвечать перед Государственным трибуналом, а не перед обычным судом, поскольку то были типичные преступления, связанные с исполнением высоких государственных и правительственных функций».** ***(Петр Смилович, «Ньюсуик-Польша», 21 сент.)***

■ «Бывший пресс-секретарь Ватикана Хоакин Наварро-Вальс решил высказаться на тему процесса генерала Войцеха Ярузельского. На страницах «Республики» (...) он критикует «спорную польскую люстрацию», а Институт национальной памяти (ИНП) называет «очень опасным трибуналом». Наварро-Вальс протестует против «суда над этим человеком, к тому же очень старым»». *(«Жечпосполита», 29 сент.)*

■ **«Институт национальной памяти. 2065 сотрудников, 135 прокуроров, бюджет — 208 млн. злотых, прокурор получает 9535 злотых, средняя зарплата — 4629 злотых, семь зданий в Варшаве, десять местных отделений, четыре представительства. «Это учреждение живет репрессиями и шантажом. Оно применяет наказания, не предусмотренные Уголовным кодексом, прикрываясь лозунгами о праве общества знать правду», — говорит проф. Бронислав Лаговский. «Сегодня я готов просить у людей прощения за то, что когда-то голосовал за закон о создании ИНП», — сказал в июне этого года Владислав Фрасынюк, один из исторических лидеров «Солидарности» (...) «На ИНП пала тень оруэлловского министерства правды», — пишет Анна Богуская-Сковронская, бывший судья Конституционного суда, в 1980-е годы связанная с «Солидарностью» (...) «Во времена правительства Ярослава Качинского институт был полностью захвачен «Правом и справедливостью» (ПиС). Десять из 11 членов коллегии ИНП — члены ПиС», — говорит проф. Анджей Фришке». *(«Пшеглёнд», 28 сент.)***

■ «В своем письме в газету «Коррьере делла сера» (...) итальянский евродепутат польского происхождения Ясь Гавронский написал: «Мое предположение, что Ярузельский невиновен, подтверждают мои беседы с Иоанном Павлом II. Он высказывался о генерале с большим уважением, однажды даже назвал его патриотом». По словам Гавронского, «эту точку зрения Папа Войтыла подкрепил и тем, что дважды принял Ярузельского, когда не было такой необходимости, когда генерал был уже не президентом, а обычным пенсионером»». *(«Газета выборча», 1 окт.)*

■ **Вальдемар Кучинский, в августе 1980 г. советник бастующих судостроителей в Гданьске, во время военного положения интернирован, после 1989 г. министр в кабинете Тадеуша Мазовецкого: «В нашей истории есть генералы, которые — несомненно, из патриотических побуждений — обрекли столицу на уничтожение, а варшавян на гибель, и им ставят памятники. И есть генерал хоть и коммунистической, но все-таки Польши, в котором Иоанн Павел II видел патриота и который, вероятно, предотвратил что-то очень трагическое, — так вот ему приходится уже двадцать лет сидеть на скамье подсудимых. Я считаю, что это месть, а не правосудие». *(«Газета выборча», 8 окт.)***

■ Профессор Гданьского университета Стефан Хвин: «Понимание того, что советы могут появиться в любой момент, было в 1981 г. у всех. Считать, что Ярузельский этого не понимал, не спрашивал самого себя: «Войдут? Не войдут?», не помнил резни в Будапеште и смерти Имре Надя — председателя компартии Венгрии, своего партийного товарища, который в 1956 г. отважился перейти вместе с венгерской народной армией на сторону борющегося за свободу венгерского народа, после чего по советскому приказу был довольно быстро убит, — значит путать наивность с цинизмом. Он помнил, хорошо помнил. «Смертельный поцелуй» Брежнева он тоже хорошо прочувствовал на собственной шкуре. Никаких особых иллюзий относительно СССР у него не было. Сибирь он видел еще в молодости (...) Впрочем, требования общественной жизни таковы, что всё это не имеет никакого значения. Потому что, когда «народ требует» кого-то публично наказать, то его накажут вопреки фактам и мотивам (...) Надо наказать вождя, чтобы обелить тысячи и миллионы людей, принимавших участие в темных делах, тех, кого этот вождь возглавлял. Власть отдают под суд, чтобы снять обвинения с тысяч и миллионов. А заодно эти тысячи и миллионы сплотить». *(«Газета выборча», 4-5 окт.)*

■ **Президент России Дмитрий Медведев: «Я уже говорил об этом, повторю и еще раз: у России есть зоны, в которых находятся ее интересы (...) Наши соседи — это близкие нам государства, которые представляют традиционную сферу интересов Российской Федерации (...) Невозможно сказать, что у России один путь, а у соседей — другой». *(«Газета выборча», 20-21 сент.)***

■ После визита Сергея Лаврова в Польшу Лаборатория социологических исследований (ЛСИ) задала своим респондентам два вопроса. На вопрос: «Меньше ли вы боитесь России?» — 23% опрошенных ответили «да», 52% — «нет». На во-

прос: «Улучшились ли польско-российские отношения?» — 25% ответили «да», 54% — «нет». *(«Газета выборча», 13-14 сент.)*

■ **Эдвард Лукас: «У таких государств, как Польша, возникает вопрос: «Можем ли мы в случае проблем с Россией рассчитывать на помощь ЕС и НАТО?» Хотелось бы ответить: «Конечно!» Но в свете последних событий я могу только сказать: «Будем надеяться»». *(«Дзенник», 4-5 окт.)***

■ «Генерал Джон Крэддок, командующий войсками НАТО в Европе, пришел к выводу, что после российского вторжения в Грузию Североатлантический союз должен подготовить план действий в случае нападения на балтийские страны или Польшу». *(«Жечпосполита», 8 окт.)*

■ **Министр национальной обороны Богдан Клих: «В будущем НАТО должно быть готово к своей традиционной оборонной роли, вытекающей из пятой статьи Вашингтонского договора. Основная задача союза, каковой является защита стран-членов, не может быть отодвинута на второй план. Поэтому мы считаем, что подготовленный штабами НАТО анализ угроз должен быть обновлен с учетом последствий российско-грузинского конфликта. Должен быть соблюден также принцип совместного оборонного планирования с учетом потребностей стран Центральной Европы, таких как Польша». *(«Дзенник», 19 сент.)***

■ Проф. Станислав Козей, генерал в отставке, бывший министр национальной обороны: «Увеличение российского ядерного потенциала угрожает международной безопасности, а косвенным образом уменьшает и нашу безопасность. Наша стратегия безопасности не может не учитывать географического положения Польши, а также исторического опыта, показывающего, что наша страна всегда была полем битвы России и Запада». *(«Газета выборча», 8 окт.)*

■ **«Вчера российский МИД подверг Прагу и Варшаву резкой критике за их требования, выполнение которых позволило бы российским офицерам инспектировать противоракетные установки в Польше и радар в Чехии. Согласно информагентству АП, чешский министр иностранных дел Томас Пояр и польский замминистра Пшемыслав Грудзинский заявили, что наши страны могут согласиться на российские инспекции только на двусторонней основе». (*«Газета выборча», 29 сент.*)**

■ «По всей Польше прошли памятные мероприятия по случаю 69-й годовщины нападения СССР на Польшу». (*«Жечпосполита», 18 сент.*)

■ **Согласно опросу ГфК «Полония», «только каждый второй поляк знает, что́ произошло 17 сентября 1939 года. Всего половина опрошенных выбрала ответ, что в этот день Советская Россия напала на нашу страну (...) 53% респондентов считают, что масштаб советских преступлений против польского населения сравним с немецкими преступлениями». (*«Жечпосполита», 17 сент.*)**

■ «Ян Клята дебютировал в Москве (...) В воскресенье в рамках фестиваля «Новая драма» был показан спектакль вроцлавского Современного театра «Трансфер» (...) По окончании спектакля половина зрителей в Центре им. Мейерхольда благодарила актеров стоя, а вторая половина вышла, гремя креслами (...) Дискуссия была жаркой, а следовало из нее прежде всего, что молодые россияне (остались в основном они) не знают, каковы были практические последствия акта Молотова—Риббентропа (...) Впервые за 50 лет часть зрителей покинула зал. А играли спектакль в Варшаве, Брюсселе, Словакии (...) Спектакль «Трансфер» оказался единственным, на котором рецензент «Независимой газеты» Григорий Заславский, известный тем, что на премьерах он дремлет, не сомкнул глаз». (*Анна Жебровская, «Газета выборча», 24 сент.*)

■ **Ян Клята, режиссер, лауреат многих премий: «Я из Варшавы (...) Идя на прогулку с детьми, я слышу из-под асфальта стоны людей, которые тут погибли (...) Немцев воспитывали в уверенности, что их культура лучшая, потому что другой они совсем не знали, — только Шуберт, Вагнер и Гете... Наши были уверены, что только Сенкевич, «Трилогия»... Мы друг друга вообще не знали. В моем поколении это меняется (...) Для меня важно, чтобы польско-немецкая граница не была концом цивилизованной Европы (...) Я бы хотел, чтобы мои внуки могли поставить памятник строителю метро, а не ребенку в слишком большой каске, который погиб сражаясь». (*«Дзенник», 20-21 сент.*)**

■ «Председатель Центра международных отношений Эугениуш Смоляр принял участие в Польско-российском форуме гражданского диалога во время визита министра Сергея Лаврова в Варшаву. Встречу он оценивает положительно: «Это было свидетельство готовности обеих сторон вести

диалог как таковой, а не только покрикивать и грозить, как это часто случается с российскими генералами и политиками (...) Министр Лавров представил в Варшаве два предложения: продолжение диалога и облегчение культурного обмена (...) Но российские представители были настроены скорее на то, чтобы изложить свою точку зрения, нежели выслушать другую сторону (...) Нужно встречаться и представлять мнение не только дипломатов. Министра Лаврова удивили свежие данные, свидетельствующие о том, что 74% поляков самой большой угрозой считают сегодня Россию. В 1991 г. так считало лишь чуть более двадцати процентов»». (*«Газета выборча», 15 сент.*)

■ **Антон Моисеев, зам. директора Российско-европейского центра экономической политики: «Не вызывает сомнений, что если политические отношения будут оставаться плохими, то быстро ухудшатся и экономические. В случае политической оттепели ухудшение им не грозит. И дело тут не в договорах. У ЕС и России есть прекрасные договоры, все утверждено и подписано. Ну и что? И ничего из этого не следует (...) Наше сырьевое оружие было с успехом применено один раз — когда Польский нефтяной концерн «Орлен» купил Мажейкяйский НПЗ и Россия прекратила поставки нефти в Литву». *(«Жечпосполита», 22 сент.)***

■ «Россия предложила польскому предприятию «Центрозап» заняться поставками древесины из Сибири. Компания начала там строительство комбината стоимостью 300 млн. злотых. АО «Центрозап» — единственная польская фирма, получившая доступ к российскому лесу на ближайшие 49 лет». *(«Жечпосполита», 17 сент.)*

■ **«На форуме ООН президент Лех Качинский призвал к соблюдению принципов демократии, свободы и солидарности в международной политике (...) Качинский уже в третий раз со времени своего избрания президентом выступил на ежегодной сессии Генеральной ассамблеи ООН (...) Больше всего комментариев вызвали фрагменты, касающиеся России и Грузии. «Проблема Грузии — это проблема всех нас. Это проблема каждой страны, которая пытается справиться с преимуществом более сильных соседей», — убеждал президент. Он призвал также к энергетической солидарности, указывая на то, что одно «очень сильное государство» стремится «достичь политических целей с помощью нефти и газа»». *(«Дзенник», 26 сент.)***

■ «Польша — самая влиятельная страна среди новых членов ЕС и седьмая по влиянию во всем Евросоюзе. Таковы результаты опроса, проведенного фирмой «APCO Worldwide» (...) На вопрос: «Как бы ты охарактеризовал роль Польши в ЕС?» — целых 48% опрошенных в Брюсселе ответили, что эта роль «трудная и воинственная». «Оценка Польши как трудной и воинственной — след эпохи Качинских. Стиль действий вашей страны уже изменился, например, во время грузинского кризиса вы сыграли конструктивную роль», — утешает Даниэль Грос, возглавляющий влиятельный брюссельский Центр изучения европейской политики (CEPS)». *(«Газета выборча», 19 сент.)*

■ **Яцек Сариуш-Вольский, председатель комиссии по внешней политике Европарламента: «Сегодня на Западе нам, полякам, говорят: вы были правы. Западная Европа говорит теперь с Москвой на том языке, какого мы ожидали от нее уже давно». *(«Ньюсуик-Польша», 21 сент.)***

■ «Во время двухдневного саммита в Пещанах (13-14 сент.) лидеры Польши, Чехии, Словакии и Венгрии смогли прийти к соглашению по вопросу Кавказа только в том, что «его нельзя решать силой» и что нужно помочь этому региону». *(Анджей Невядомский, «Жечпосполита», 15 сент.)*

■ **«Десять польских полицейских вылетели на миссию в Грузию, чтобы контролировать соблюдение перемирия. В общей сложности миссия насчитывает 300 человек из разных стран». *(«Дзенник», 27-28 сент.)***

■ «Однодневный визит премьер-министра Туска в Киев (...) В присутствии польского гостя Тимошенко сделала политическое заявление. Она заверила, что считает европейскую интеграцию Украины содержанием своей политической жизни». *(«Газета выборча», 20-21 сент.)*

■ **«Без политической стабильности и соблюдения принципов демократии не может быть речи о продолжении проекта европейской интеграции Украины», — сказал Туск, обращаясь к Тимошенко. *(«Дзенник», 20-21 сент.)***

■ «Украина уже много месяцев задерживает начало ранее согласованных раскопок в Быковне под Киевом. В Быковне погребено, в частности, около трех тысяч поляков, убитых по приказу Сталина в 1940 г. (...) Лесистая территория Государственного историко-мемориального заповедника «Быковненские могилы» — это огромное кладбище жертв сталинского террора 30-40-х годов. По некоторым

оценкам, там может покоиться 150 тыс. человек — в основном украинцев, русских и евреев (...) С недавнего времени стало известно, что и поляков (...) Исследования начались в июле 2007 года (...) В массовых захоронениях археологи обнаружили, в частности, останки защитников Львова в 1939 г. и охранявших восточную границу Второй Речи Посполитой солдат Корпуса пограничной охраны. Всего в Быковне может покоиться даже тысяча польских военных, полицейских и чиновников, расстрелянных НКВД в киевской тюрьме на ул. Короленко (...) Осталось изучить еще 15 могил». *(Гжегож Жечковский, «Дзенник», 17 сент.)*

■ **«Летом 1938 г. (...) закончилась продолжавшаяся два месяца операция по разрушению православных церквей, часовен и молитвенных домов в Хелмском и Люблинском регионах. Храмы уничтожали солдаты и полицейские, которым помогали государственные чиновники и множество простых граждан. Разрушители надругались над иконами, кирпичи продали, а дерево пустили на дрова. Все это делалось именем Второй Речи Посполитой (...). За 60 дней, как сообщил тогдашний люблинский воевода (...) было разрушено 127 церковных объектов. Хотя, по мнению историков, их могло быть и 150. Размеров разрушений не подсчитал никто (...) Если Третья Речь Посполитая — в каком-то смысле правопреемница польского межвоенного периода, то она должна с этим что-то сделать (...) Именно так рассуждал депутат Эугениуш Чиквин (левый, православный, белорус), предлагая Сейму принять в связи с разрушением церквей соответствующее постановление (...) Двенадцать членов парламентской комиссии проголосовали за то, чтобы отложить дебаты по проекту Чиквина. Девять человек воздержались (...) По мнению депутата Казимежа Куца, проблема (...) в том, как мы относимся к своей истории (...) Если Польша кого-то обидела — тихо, тс-с-с, не будем об этом говорить (...) Ведь это нас обижали больше всего, нас третировали, это мы самые несчастные (...) мы находим тысячи оправданий, чтобы только не высказать сожаления, не признать свою вину (...) Поэтому, если проект постановления Эугениуша Чиквина будет поставлен на голосование, Куц проголосует «за». Даже если это будет единственный голос». *(Павел Смоленский, «Газета выборча», 4-5 окт.)***

■ «Коллегия Восточной Европы им. Яна Новака-Езёранского выпустила необычайно нужную в Польше книгу — сборник интервью Малгожаты Носунь и Анджея Бжезецкого с представителями белорусской интеллигенции (...) Относительно Белоруссии в Польше существует набор штампов — столь же устойчивых, сколь и ложных. Между тем книга «Ограбленный народ» показывает нам более сложную и оттого ценную картину: белорусы знают, кем они не являются (поляками, русскими), но в том, кто же они на самом деле, уже не уверены (...) Лукашенко примитивен, но в то же время рационален в своем стремлении удержать власть. А благодаря этому — вопреки царящему в Польше стереотипу — он укрепляет государственность и белорусское самосознание (...) Мы должны согласиться и с тем, что уход Лукашенко не решит проблем Белоруссии, а некоторые может даже обострить». *(Бартош Цихоцкий, «Тыгодник повшехный», 5 окт.)*

■ **«В пятницу во второй половине дня в Вискулях (Беловежская пуща) — историческом месте, где было подписано соглашение об упразднении СССР, — встретились министры иностранных дел Польши и Белоруссии Радослав Сикорский и Сергей Мартынов (...) Это очередная польско-белорусская встреча на высоком уровне — на Экономическом форуме в Кринице с вице-премьером Белоруссии Андреем Кубяковым встретились премьер-министр Дональд Туск и вице-премьер Вальдемар Павляк. «ЕС знает об этом визите и поддерживает его», — сказал министр Сикорский (...) подчеркнув, что он стал возможен после освобождения белорусских политзаключенных и обещания «большей прозрачности» приближающихся выборов». *(Петр Косцинский, Войцех Лоренц, Роберт Мицкевич, «Жечпосполита», 13-14 сент.)***

■ «Сикорский предложил Сергею Мартынову план по углублению сотрудничества с ЕС (...) Согласие на эту миссию Сикорский получил на прошлой неделе во время встречи министров иностранных дел ЕС в Авиньоне (...) Лукашенко (...) согласился допустить на выборы около 300 наблюдателей ОБСЕ и [тогда еще] не признал независимости Абхазии и Южной Осетии (...) Кроме того, Минск молниеносно выполнил условия подписания договора о малом приграничном движении между Польшей и Белоруссией». *(«Пшеглёнд православный», сентябрь)*

■ **«С сентября жители тридцатикилометровой приграничной зоны могут ездить из Польши в Белоруссию и обратно без виз. Достаточно иметь пропуск за 20 евро, действительный в течение трех лет. Об этом заявили министерства иностранных дел Польши и Белоруссии».** ***(«Жечпосполита», 8 окт.)***

■ «Европарламент призвал Минск «признать законно избранное правление Союза поляков Белоруссии, возглавляемое Анжеликой Борис»». *(«Жечпосполита», 10 окт.)*

■ **Согласно опросу ЦИОМа, в сентябре Дональду Туску доверяли 63% поляков, а не доверял 21%, Леху Валенсе соответственно — 59 и 21%, Радославу Сикорскому — 58 и 10%. Президент Лех Качинский занял девятое место с 33% доверия и 51% недоверия, а Ярослав Качинский оказался на 11-м, получив 27 и 55%.** ***(«Газета выборча», 23 сент.)***

■ Согласно опросу ГфК «Полония», «Гражданскую платформу» (ГП) поддерживают 39% поляков (что соответствует 304 местам в Сейме), ПиС — 20% (154 места), крестьянскую партию ПСЛ — 4%, Союз демократических левых сил (СДЛС) — 4%, «Польскую социал-демократию» — 2%. 21% опрошенных не определился с ответом, а 10% отказались отвечать или же будут голосовать за какую-либо иную партию. Избирательный порог составляет 5%. *(«Жечпосполита, 8 окт.)*

■ **«Высокий рейтинг ГП — следствие трезвого расчета граждан. Лучше, чтобы власть не делала ничего, чем делала плохо и только нас раздражала. В условиях благоприятной конъюнктуры пассивность властей мы предпочитаем чрезмерному усердию (...) Посмотрим на наши упущения в области политики сквозь призму наших социальных достижений. Мы — страна экономического успеха. Повторяю: мы, поляки, достигли индивидуального и коллективного успеха. Но мы не смогли оздоровить государственный сектор. Все еще орудуют монополии — дорогие, малоэффективные, часто убыточные. Политические власти не умеют перенести опыт частного сектора ни в собственную администрацию, ни на предприятия, находящиеся в государственной собственности. Почему? Политики называют много причин, но в основном недооценивают две важнейшие: собственность и деньги (...) Любая государственная администрация будет приватизировать доходы и национализировать убытки».** ***(Чеслав Белецкий, «Тыгодник повшехный», 28 сент.)***

■ «Польша получила 6,78 балла из 10 возможных во всемирном Индексе экономической свободы. Мы заняли 69-е место среди 141 страны. Индекс ежегодно составляет т.н. Сеть экономической свободы — группа независимых институтов из 70 с лишним стран под руководством Института Фрейзера из Ванкувера в Канаде. Польским членом Сети является Центр им. Адама Смита. Индекс этого года рассчитан на основании данных конца 2006 года (...) Годом раньше мы были на 66-м месте (тоже среди 141 страны), два года назад — на 58-м (из 130 стран). Авторы отчета измеряют экономическую свободу в пяти областях: размеры правительства (тут Польша заняла 103-е место), правовое государство (62-е), устойчивость валюты (9-е!), свобода международной торговли (68-е), регулирование деятельности фирм, рынка труда и рынка капитала (88-е)». *(Петр Сковронский, «Газета выборча», 18 сент.)*

■ **«Наши крестьяне в массовом порядке покупают за границей семена генетически модифицированной кукурузы. Так они обходят запрет на продажу генетически модифицированного посевного материала, вот уже два года действующий в Польше (...) По объемам выращивания ГМП Польша уже догнала Германию (...) Биотехнологические концерны действуют в рамках закона и рекламируют сорта кукурузы, которые содержат разрешенную в странах ЕС технологию «Мон-810». Одновременно они информируют крестьян, что в Польше этих семян не продают, но их без труда можно купить в Чехии, Германии и Словакии».** ***(Магдалена Козмана, «Жечпосполита», 13-14 сент.)***

■ «Страны Вышеградской группы согласились с аргументами Польши и заняли общую позицию, не поддерживающую генетически модифицированных продуктов питания (...) Решение было принято в пятницу на встрече министров окружающей среды Польши, Чехии, Словакии и Венгрии. Польский министр Мацей Новицкий убедил остальных членов группы сообща противостоять на форуме ЕС выращиванию ГМП. Теперь уже вся Вышеградская группа присоединилась к кругу скептиков». *(«Газета выборча», 22 сент.)*

■ **Президент Центра им. Адама Смита Роберт Гвяздовский: «Заседание Экономического форума в Кринице открыл сам премьер Дональд Туск. Состоялись важные дискуссии, в т.ч. об энергетической безопасности, государственном интервенционизме, валютном кризисе и ста-**

реющем обществе. Министр Александр Град объявил о планируемой полной приватизации химической промышленности. И это лучшая новость из Криницы». ***(«Впрост», 21 сент.)***

■ Экономический форум в Кринице. «В тени Грузии. Особенно горячими темами стали поставки нефти и газа, а также энергетическая безопасность ЕС (...). Важно, что в Криницу приехали умеренно настроенные российские представители, которые не смотрели на международное сообщество с великодержавных позиций (...) Впрочем, настоящей звездой криницкой конференции была в этом году Центральная Европа (...) Голос Центральной Европы слышен при принятии важнейших политических и экономических решений. Неоднократно случалось, что опыт наших стран, например по отношению к России, влиял на изменение отношений «15-ти» с Москвой». *(Данута Валевская, «Жечпосполита», 15 сент.)*

■ **«Согласно последнему отчету «Climate changes your business», представленному аналитической фирмой KPMG на Экономическом форуме в Кринице, изменение климата влияет на польскую экономику. Наиболее чувствительными в этом смысле сферами признаны транспорт, туризм и здравоохранение. Транспорт пострадает в результате введения оплаты за выброс углекислого газа. Аналитики обращают также внимание на опасность ухода клиентов из фирм, деятельность которых неблагоприятна для экологии, а также на то, что загрязняющие окружающую среду концерны подвергают себя риску компенсационных выплат».** ***(«Дзенник», 13-14 сент.)***

■ Согласно последнему отчету Всемирного экономического форума (ВЭФ), «Польша, которая год назад заняла среди проанализированных экономических систем 48-е место, в этом году оказалась на 53-м (...) Точно так же год назад в Польше ухудшился показатель прозрачности решений власти (мы опустились со 113-го на 128-е место) (...) Конкурентоспособность по уровню расходов на сельскохозяйственную политику — 129-е место, эффективность государственных расходов — падение со 105-го на 115-е место, инфраструктура — 110-е, в т.ч. состояние дорог — 127-е место. Наша сильная сторона — это объем рынка: 19-е место». *(«Жечпосполита», 9 окт.)*

■ **«Большим успехом Польши закончилась выставка «Экспо-2008» в Сарагосе. 13 сентября (...) комиссар «Экспо» Эмилио Фернандес Кастаньо (...) вручил комиссару польской секции Мацею Павлицкому награду за польскую экспозицию, занявшую третье место в категории привлекательности павильонов. Решение приняло международное жюри после многократного осмотра ста с лишним павильонов. Это первая медаль за экспозицию в истории участия Польши в выставках «Экспо» (...) Польский павильон осаждали 12 часов в день, а в Сарагосе и во всем Арагоне ходили слухи, что его нужно обязательно увидеть».** ***(«Жечпосполита», 25 сент.)***

■ «Все, что находится в публичном пространстве, должно быть прочным и защищенным от вандалов. Это касается не только затрат на изготовление и ремонт. Испорченная скамейка становится опасной (...) На стуле «Стоп ворам!» спереди сиденья сделаны два надреза — на них можно повесить сумочку между ногами, благодаря чему вор не сможет до нее добраться. Крючки «Гриппа», прикрепленные под баром, затрудняют похищение сумочки со стула в ресторане или баре (...) Выставка в Тешине заставляет нас задуматься, как изменить окружающую нас обстановку». *(Мария Тынец, «Жечпосполита», 17 сент.)*

■ **«За последние 20 лет число людей с высшим образованием увеличилось в Польше более чем вдвое и теперь составляет 5,2 млн. человек. Этого образовательного бума удалось достичь путем открытия вечерних и заочных отделений государственных вузов, а также частных учебных заведений. В настоящее время у нас 448 вузов — больше всего в Европе. Более 300 их них — частные; в них работают 16 тыс. преподавателей. На преподавателя в этих вузах приходится более 40 студентов, втрое больше, чем в государственных учебных заведениях».** ***(«Впрост», 5 окт.)***

■ «Ежегодно из Польши уезжает по крайней мере тысяча врачей. С момента нашего вступления в ЕС мы потеряли 7 тыс. специалистов. Их пытаются привлечь, и небезуспешно, заграничные «охотники за головами». По поручению больниц и органов местного самоуправления стран Западной Европы, они всячески соблазняют наших врачей: оплатой выезда всей семьи, помощью в устройстве ребенка в детсад или школу, языковыми курсами, во время которых платятся карманные деньги, обеспечивается жилье и питание». *(«Дзенник», 29 сент.)*

■ **«Финансовый кризис никоим образом не угрожает сбережениям поляков, — уверяют в один голос представители наших банков (...) К счастью, перед банками не стоят очереди желающих снять со счетов сбережения, но вопросов о безопасности вложений множество (...) 277 млрд. злотых — именно столько домашние хозяйства держат сегодня на банковских счетах. В этом году на счета было внесено 33 млрд. злотых».** ***(«Газета выборча», 1 окт.)***

■ Лешек Бальцерович: «К счастью, наши банки оказались не слишком изощренными и, по имеющимся сведениям, не вложили капиталов в сомнительные американские ценные бумаги. Кроме того, они законодательно отделены от своих [зарубежных] владельцев и подчиняются польскому финансовому надзору». *(«Газета выборча», 1 окт.)*

■ **Тадеуш А. Мош, публицист и экономический комментатор Польского телевидения: «Поляки вовсе не тонут в долгах (...) У нас т.н. проблемные кредиты составляют лишь 5%, что свидетельствует о высокой дисциплине клиентов». Войцех Пачинский, Центр социально-экономических исследований (CASE): «Пропорция стоимости ипотечных кредитов и стоимости недвижимости у нас пока вполне приличная. Колебания на валютном рынке тоже не угрожают тем, кто взял кредит в иностранной валюте». Пшемыслав Барберих, советник председателя Союза польских банков: «Благодаря базам данных Бюро кредитной информации, «Инфо-Монитора» и Союза польских банков мы можем быстро оценить кредитоспособность клиента банка (...) Теперь база содержит истории покрытия всех предыдущих кредитов, а с 1 октября там будут и истории других обязательств, например выплаты алиментов. Благодаря такой системе банки имеют возможность оценивать своих клиентов. Лишь чуть больше 1% кредитов на жилье считаются проблемными. Испытывающих проблемы с погашением задолженностей клиентов насчитывается около 30 тысяч — из более чем 3,5 млн. взявших кредиты».** ***(«Пшеглёнд», 28 сент.)***

■ «Согласно опросу исследовательской фирмы SMG/KRC (...) почти две трети респондентов высказываются за открытие рынка труда для иностранцев, не являющихся гражданами ЕС. Противоположного мнения придерживается треть опрошенных. Из тех, кто хотел бы открыть границы для трудовой иммиграции, 34% считает, что Польша должна принимать иностранцев независимо от их происхождения, а 27% — что согласие на легальную работу должны получать только граждане соседних стран, т.е. Украины, Белоруссии и России». *(«Дзенник», 23 сент.)*

■ **«Польские предприятия объявили о готовности принять на работу еще почти 100 тыс. человек из-за восточной границы. В настоящий момент плата за разрешение на работу в Польше сроком более трех месяцев составляет 100 злотых».** ***(«Жечпосполита», 22 сент.)***

■ «Фирмы в Польше создают всё меньше рабочих мест. В первом полугодии этого года их было создано почти 295 тысяч, — сообщило вчера Главное статистическое управление (ГСУ). Это на целых 24,9% меньше, чем год назад (...) В конце второго квартала в стране было 172 тыс. вакансий (...) но и их количество было на 20,6% меньше, чем год назад». *(«Дзенник», 27-28 сент.)*

■ **«Только в первом полугодии польские предприниматели подали в центры занятости 90 тыс. именных приглашений для иностранцев из-за восточной границы. Почти все они касались украинцев. На их основании польские консульства на Украине выдали 45 тыс. виз с разрешением на сезонную работу (...) В первом полугодии воеводы выдали 8,2 тыс. разрешений на постоянную работу: украинцам — 2511, китайцам — 697, вьетнамцам — 664, белорусам — 625, молдаванам — 614, туркам — 443».** ***(«Жечпосполита», 8 окт.)***

■ «Консульство Польши во Львове отказалось выдать польскую визу украинскому писателю Тарасу Прохасько. Он не смог доказать, что пишет книги (...) Год назад Прохасько стал лауреатом польского литературного конкурса им. Джозефа Конрада». *(«Жечпосполита», 3 окт.)*

■ **«Вьетнамская госбезопасность снова в Польше. Ее сотрудники ловят пребывающих в нашей стране деятелей оппозиции. И вновь это происходит при участии нашей Пограничной охраны (...). Первый визит офицеров отдела А-18 Народной милиции, занимающегося слежкой за вьетнамскими эмигрантами (...) состоялся в феврале (...) Было задержано около сотни вьетнамцев (...) В мае милиционеры вернулась. На этот раз они допросили в Перемышле 120 своих соотечественников (...) И вот они снова здесь (...) Пограничники опять привезли несколько десятков вьетнамцев (...) Допросы**

проходят в помещениях Пограничной охраны (...) На этот раз госбезопасность навещает в Польше семьи арестованных (...) Северин Блюмштайн [бывший член Комитета защиты рабочих. — *Ред.*]: «Мне уже давно не было так стыдно за мою страну»». *(Гжегож Лисецкий, «Газета выборча», 8 окт.)*

■ Из беседы с министром национальной обороны Богданом Клихом в самолете по пути из Ирака: «Для меня моральные категории в политике настолько очевидны, что нет смысла о них напоминать. Мы были в Ираке прежде всего потому, что поддержали проект построения демократии в большом арабском государстве с другими традициями (...) 871 млн. злотых, в которые обошлась нам пятилетняя миссия в Ираке, — это немного. Реальная стоимость этой операции была намного выше, но нам помогли американцы (...) Я уверен, что те 15 тыс. солдат (более 10% нашей армии), которые прошли через Ирак, будут стимулировать модернизацию наших вооруженных сил». *(«Газета выборча», 7 окт.)*

■ **«Вчера польский контингент начал процедуру выхода из Ирака. К концу октября в Польшу вернется около 630 военнослужащих. На месте останутся полтора десятка офицеров, которые в рамках миссии НАТО будут обучать иракских солдат (...) Поляки находились в Ираке с мая 2003 года (...) За это время через Ирак прошли десять т.н. смен (...) Самыми многочисленными были первые три контингента, насчитывавшие приблизительно по 2,5 тыс. военных. В составе пяти последних было уже только по 900 человек (...) За всю иракскую миссию погибли 22 польских военнослужащих». *(«Дзенник», 2 окт.)***

■ Дорота Пудзяновская из Хельсинского фонда прав человека: «Хельсинский фонд и Польский Красный крест уже давно обеспокоены отрицательной позицией польского правительства по вопросу (...) конвенции, полностью запрещающей кассетное оружие (...) Намерения польского правительства действительно связать себя договором об ограничении производства, использования и складирования этого оружия можно поставить под сомнение: в Польше не только производятся кассетные боеприпасы (предприятия группы «Бумар»), но польская армия все время ими оснащается и, что хуже всего, использует их в Афганистане». *(«Жечпосполита», 3 окт.)*

■ **«Предписание, дающее право сбить захваченный террористами пассажирский самолет, нарушает конституционный принцип охраны жизни и достоинства человека, — такое решение вынес Конституционный суд. КС подчеркнул, что государство не может принимать законы, разрешающие убивать одних людей ради защиты других (...) Речь идет о статье, добавленной в польский авиационный закон в 2004 г. (...) после атаки на Всемирный торговый центр 11 сентября 2001 года (...) Иск о его отмене подал в КС первый председатель Верховного суда Лех Гардоцкий». *(«Газета выборча», 1 окт.)***

■ «Государство не имеет права сознательно лишать жизни пассажиров угнанного самолета только потому, что он может быть использован для теракта (...) — написал в заявлении в КС проф. Гардоцкий — (...) Не соответствует конституции и то, что уничтожение гражданского самолета поручается армии, ибо это не входит в ее конституционные обязанности». *(«Жечпосполита», 1 окт.)*

■ **«Польские мусульмане в специальном заявлении осудили захват пакистанскими талибами польского инженера. «Похитители нарушили принципы ислама, которые запрещают сеять зло и страх среди людей», — подчеркнули они. Заявление подписали председатель Верховного совета Мусульманской лиги Польши Самир Измаил, председатель Совета имамов Мусульманской лиги Недаль Абу Табак и председатель Союза студентов-мусульман в Польше Шакер Альсейфи». *(«Тыгодник повшехный», 12 окт.)***

■ Данные отчета, подготовленного по заказу Фонда Бертельсмана: «Среди семи обследованных стран (Австрия, Франция, Германия, Польша, Швейцария, Великобритания и Италия) наибольшая доля христиан — 97% — отмечается в Польше (...) 87% поляков — религиозные люди (...) В вопросах воспитания детей на христианские ценности опираются 74% поляков (...) а при принятии политических решений — 29%». *(«Жечпосполита», 18 сент.)*

■ **Согласно опросу «Pew Research Center», проведенному весной 2008 г. в 24 странах, «в Испании, Польше и России отмечено самое негативное в Европе отношение к евреям — соответственно 46, 36 и 34%. В каждой из этих стран настроения такого рода за последний год значительно усилились — в Польше они выросли на 6%, а в Испании — в два раза». *(«Газета выборча», 19 сент.)***

■ «Заместитель директора Польского телевидения Славомир Сивек разослал директорам региональных центров распоряжение, чтобы в осенних программах они отвели на католические передачи по меньшей мере час в неделю. Тематику абортов (...) следует согласовывать с местными епископами (...) В 2007 г. религиозные передачи занимали в два раза больше времени, чем спектакли Театра телевидения или концерты классической музыки». *(«Ньюсуик-Польша», 21 сент.)*

■ **«В Щецине перед судом предстали две женщины, которые загорали на пляже с обнаженной грудью».** ***(«Ньюсуик-Польша», 21 сент.)***

■ «Решением суда строительство шоссе через долину Роспуды приостановлено (...) Следствие по делу о строительстве кольцевой дороги вокруг Августова должно начаться с начала — такое постановление вынес Высший административный суд (...) Против шоссе, которое могло уничтожить бесценные, охраняемые программой «Натура-2000» природные зоны, протестовали экологи, 150 тысяч человек подписались под письмом президенту Леху Качинскому. Следствие по делу о нарушении Польшей принципов охраны окружающей среды возбудила Еврокомиссия». *(Данута Фрей, «Жечпосполита», 17 сент.)*

■ **«Российская топливная база в Беловежской пуще? Это не шутка. Войт и депутаты гмины Наревка потихоньку договорились с «Лукойлом». Опасная для экологии база может появиться в зоне охраняемого ландшафта пущи (...) На купленном «Лукойлом» участке находятся наводняющие каналы. В случае аварии и утечки может быть отравлена вся пуща. Осуществление этой инвестиции — катастрофа для окружающей среды: оно повлечет за собой усиленное движение фур и загрязнение местности (...) Охраняемые программой «Натура-2000» леса занимают 70% поверхности гмины Наревка (...) Российская фирма заметает (...) за собой следы: 25 гектаров она купила при посредничестве другой, подставной фирмы».** ***(«Дзенник», 20-21 сент.)***

■ «В Западнопоморском воеводстве должен пройти (...) автопробег по бездорожью. Главным пунктом программы будет преодоление джипами речек и ручьев на территории двух лесничеств (...) Именно в это время там нерестится речная форель. Для икрометания она выбирает мелкие места с галечным дном. В этих водоемах встречаются и охраняемые виды (...) Как раз в период, когда рыбакам запрещается не только ловить, но и просто ходить по рекам и ручьям (чтобы не замутить икру), туда въедут джипы». *(Адам Вайрак, «Газета выборча», 11-12 окт.)*

■ **«В число видов, которые, по данным Всемирного фонда дикой природы, находятся или в ближайшее время окажутся под угрозой исчезновения, вошла царица мазурских озер, в последнее время все реже встречающаяся ряпушка (Coregonus albula) (...) До войны популяция мазурской ряпушки была настолько многочисленна, что эту рыбу ели во всей Германии (...) Сегодня всё идет к тому, что если польское рыболовство не изменится (...) то от ряпушки не останется и следа».** ***(«Тыгодник повшехный», 28 сент.)***

■ «На территории всей Польши живет 500 тыс. диких зайцев. В начале 90-х годов их популяция насчитывала более 1,1 млн. особей, а еще в 1970 г. их было более 3,2 млн. В Польше живет 218 тыс. лис, хотя еще двадцать лет назад их было только 55 тысяч. Такой рост (...) численности — результат сбрасывания прививок против бешенства. 20% животных, гибнущих в Польше под колесами автомобилей, — это именно зайцы (...) Под нашими дорогами, пересекающими леса и луга, отсутствуют специальные пропускники для животных». *(«Дзенник», 30 сент.)*

■ **«4 октября, в день св. Франциска Ассизского, празднуется — вот уже 10 лет во всем мире и два года в Польше — День животных (...) Коалиция защиты животных (сообщество нескольких десятков организаций, добивающихся внесения дополнений в закон об охране животных, чтобы он мог реально их охранять) предложила праздновать в этом году также всепольский день под девизом «Приюти животное». «Речь идет о том, чтобы этот праздник не ограничивался мероприятиями, праздниками, но чтобы его почувствовали и животные — бездомные собаки и кошки. А лучше всего это получится, если мы предложим им место в собственном доме», — сказал Гжегож Линденберг, возглавляющий коалицию».** ***(«Политика», 4 окт.)***

О ВАЖНОСТИ КРОПОТЛИВОЙ РАБОТЫ

Откуда мы вышли, куда идем

Дискуссия о состоянии гражданского общества в Польше с участием Янины Охойской-Оконской, Радослава Гавлика и Кубы Выгнанского.

— С каким багажом опыта и переживаний вы принимались в 1989 г. за строительство гражданского общества?

Янина Охойская-Оконская: Я пришла, в частности, с багажом всего, чему научилась на лекциях Товарищества научных курсов*; что пережила, участвуя в создании структур «Солидарности»; что вынесла из важнейшей книги того времени — «Родословной непокорных» Богдана Цивинского; что вытекало из необходимости самой сделать что-то для других. Помню, как я была восхищена организациями по оказанию помощи, которые приезжали к нам во время военного положения. Я не могла понять, что привозимые ими дары берутся не с какого-то склада, а со сборов, организованных множеством людей, которые по собственной инициативе хотят что-то сделать.

Я участвовала в организации июньских выборов 1989 г. и в создании «Демократической унии», которая была для меня тогда скорее общественным движением, нежели партией. Потом был Фонд «EquiLibre» («побратим» французского), с помощью которого мы помогали местным сообществам. Помню, как премьер-министр Тадеуш Мазовецкий был у нас на распродаже полученной из Франции одежды, которую мы организовали, чтобы, с одной стороны, можно было за несколько злотых купить хорошую одежду, а с другой, как бы заодно, помочь одной детской больнице с покупкой медицинского оборудования. Я хотела показать людям, что можно организовать праздник, собрать деньги, сделать что-то самому.

Радослав Гавлик: Для меня школой общественного и оппозиционного мышления было движение «Свобода и мир», но гражданскую позицию формировал еще за десять лет до этого еженедельник «Политика». Я даже ссорился с отцом, который слушал радио «Свободная Европа»: «Посмотри, в этом совке что-то меняется». Потом, когда я стал читать «Культуру», «Жиче литерацке» и сотрудничать с оппозицией, у меня открылись глаза. Впрочем, я и сегодня считаю, что в «Политике» встречались тогда тексты, формирующие гражданскую позицию. В середине 80-х меня вытащили Барбара Лабуда и Владислав Фрасынюк, включив в «Солидарность». Работая на партнерской основе с предприятиями, мы укрепляли связь между профсоюзом и обществом. Продолжением этого «переговорного процесса» было участие в «круглом столе».

Куба Выгнанский: Мне многое дал лицей, общение с такими учителями, как Анна Радзивилл, а кроме того — книги о. Юзефа Тишнера, например «Этика солидарности» (это было возвращение к простым понятиям и напоминание об их истинном смысле). В конце 80-х я работал с Генриком Вуецом, организуя Гражданский комитет при Лехе Валенсе. Во время «круглого стола» я был секретарем молодежной секции, которая занималась, в частности, вопросом свободы объединений (регистрация Независимого объединения студентов!). Я до сих пор считаю — хотя это может выглядеть по-детски, — что Валенса, взобравшись в 80-м году на ворота Гданьской судоверфи и объявив о конце забастовки словами: «У нас есть профсоюзы, остального мы добьемся», — дал определение некоего институционального двигателя. Нога уже в дверях, теперь дело пойдет — ведь профсоюзы были чем-то большим, чем просто рабочими структурами. Точ-

* Товарищество научных курсов, или «летучий университет» — общественное оппозиционное начинание конца 70-х. Лекции ТНК проходили в частных квартирах, нередко сопровождались обысками и прямыми погромами. — *Ред.*

но так же, когда за «круглым столом» мы добились свободы объединений, мне казалось, что это институциональный двигатель, который позволит людям включиться в тысячи дел. Я до сих пор в это верю.

Когда началась «война в верхах», а «Солидарность» стала душить Гражданские комитеты, я размышлял, должны ли изменения в Польше идти сверху и управляться верхами (что вполне в ленинском духе) или лучше, чтобы они происходили органично и снизу? Тогда появилось огромное количество организаций, начинаний и надежд у людей, которые хотели наконец-то взять дело в свои руки. Я помню это по письмам, приходившим в отдел переписки при Гражданском комитете. Именно благодаря этому нам удавалось связать тех, кто мог что-то предложить, с нуждающимися. Сколько всего этого было! Настоящая революция!

Охойская: Однако никто из нас не отдавал себе отчета в формальных ограничениях — нам казалось, что всё возможно и зависит только от нашего рвения.

Выгнанский: Но, как известно, полякам завода надолго не хватает...

Гавлик: Возможно, если бы оппозиционеры были более опытными политиками, это гражданское движение продержалось бы дольше — несмотря на роспуск Гражданской парламентской фракции.

Выгнанский: Сравните это с историей Чехии, где президент Вацлав Гавел и его окружение сразу, в самом начале 90-х, сделали ставку на гражданское общество.

Охойская: У чехов гораздо раньше появился закон, дававший возможность поддерживать неправительственные организации. Впрочем, общественная активность, по крайней мере в известных мне областях, у них намного выше. Если на помощь Бирме чехи собрали около миллиона злотых, а поляки только 200 тысяч, то это о чем-то свидетельствует... К НПО, по крайней мере во времена Гавела, относились не как к обузе, а как к тому, что стоит поддержать, что своей инициативностью ускоряет общественное развитие.

Выгнанский: Чехи, единственные на всем посткоммунистическом пространстве, пошли на по-настоящему смелый шаг: 2% доходов от приватизации они предназначили на т.н. неприкосновенный капитал нескольких десятков фондов, поддержавший развитие независимых институтов, которые по мере необходимости удовлетворяют насущные, но не охваченные административными структурами потребности общества. Может, стоит помнить об этом, реформируя Фонд гражданских инициатив?

— Какие события особенно повлияли на ваш образ деятельности и развитие третьего сектора?

Охойская: Принятие в 2003 г. закона об общественно-полезной деятельности и волонтерстве. Стоит напомнить, хоть это может шокировать, что самый важный для этого сектора шаг сделали экс-коммунисты. А вот т.н. «наши», как правило, считали, что есть дела поважнее, чем третий сектор. Когда экс-коммунистические левые пришли к власти, было и сотрудничество между министерствами, и регулярные встречи для выработки стратегии развития, и разнообразные встречи по конкретным вопросам. Почему так получилось?

Выгнанский: Может, потому, что у экс-коммунистов был опыт гражданского бунта, когда люди сказали власти «хватит»? Может, подсознательно они до сих пор боятся такого бунта?

Охойская: И все-таки жаль, что именно «наши» нас недооценили — значение третьего сектора и гражданских инициатив.

Гавлик: Я был одним из «наших» в парламенте, и, к сожалению, в словах Янки есть много правды. А ведь ни Гражданской парламентской фракции, ни «Демократической унии», ни «Унии свободы» не откажешь в понимании значения демократического общества! Может, они считали, что демократическое общество у нас уже есть, а значит, к чему эти неправительственные организации? Чтобы хоть как-то оправдаться, скажу, что во времена правительства Ежи Бузека мы создали прочную основу для сотрудничества министерства охраны окружающей среды с НПО: были встречи, курсы, начало настоящего партнерства. И Союз демократических левых сил, который потом формировал правительство, это партнерство продолжил. А уже в начале 90-х Сейм облегчил деятельность экологических организаций, вписав в закон об охране окружающей среды задачи экологических фондов (в т.ч. образование, охрану природы). Более того, закон предусматривал введение представителя неправительственных экологических организаций в контрольный совет Национального и воеводских фондов охраны окружающей среды.

Охойская: Но внеэкологическая часть третьего сектора не имела представителя в парламенте, хотя мне, Кубе и другим людям не раз предлагали участвовать в выборах. Мы отказывались, потому что хотели остаться в третьем секторе. Может, ошибкой был отказ от предложения баллотироваться, например, в Европарламент, но своего мнения об участии в каких-либо выборах я не изменю.

Гавлик: Может, поэтому и нет в парламенте таких людей, как Ежи Хауснер, который умеет дисциплинировать, подгонять, поддерживать, но при этом еще и понимает, что такое НПО.

Выгнанский: Однако не стоит забывать, что за последние 20 лет, независимо от того, кто был у власти — левые или правые, — все проявляли склонность к централизации государства. Поэтому союзники — это не правые или левые, а те, кто хочет идти вперед, думает о модернизации страны и о том, что хорошее управление часто опирается не на иерархию и приказы, а на мобилизацию энергии граждан.

Профессор социологии Эдвард Мокшицкий назвал момент перелома «договорной демократией». Так оно и было, а ее наследием остается, например, трехсторонняя комиссия, хотя с первого взгляда видно, что этот механизм уже не эффективен. Кто, скажем, представляет в ней безработных? Профсоюзы? Два человека приложили много усилий, чтобы сделать комиссию более открытой и действенной в ведении гражданского диалога, — это были Яцек Куронь и Ежи Хауснер. Они же, хоть и принадлежали к столь разным политическим лагерям, лучше других понимали третий сектор и поддерживали его.

Между тем люди под влиянием таких событий, как, например, наводнение 1997 года или акции Оркестра Юрека Овсяка, сориентировались, что сами могут многое сделать, причем именно тогда, когда не срабатывают правительственные структуры. Во время наводнения правительство открыло одну (!) горячую телефонную линию, да и то работавшую только до четырех часов дня. Неправительственные организации (совместно с фирмой «Бэнком») создали за неделю компьютерную систему сбора информации о потребностях и предложениях помощи. Ежедневно ею пользовались десятки тысяч человек.

Охойская: Правительство даже обещало дать деньги, чтобы на базе этого создать систему сообщения, которой в случае катастроф пользовались бы органы местного самоуправления. В результате оказалось, что тётки с карандашом и телефоном привычнее...

Раз уж речь зашла о наводнении... Многие организации залезли тогда в долги, потому что не знали, как взяться за дело, а ведь это «как» очень важно. Где-то далеко от наводнения проводился сбор вещей для потерпевших, арендовались грузовики, а когда вещи привозили на место, оказывалось, что они совершенно бесполезны. Людям казалось, что это благое дело, что делается оно от чистого сердца, а значит, деньги на его осуществление наверняка найдутся. До сих пор можно услышать, особенно летом: приехали дети из Белоруссии, но организаторы не собрали всей суммы, и теперь детям негде спать или не на что вернуться. Третьему сектору, изобилующему разнообразными гражданскими начинаниями, продолжает не хватать знаний о том, как действовать.

Гавлик: Я бы добавил в список ключевых для нашего общества событий вступление Польши в ЕС в 2004 г.: появились деньги (что, к сожалению, имеет две стороны медали), а также механизмы дискуссий, общественных консультаций, разработки стратегий. Люди начали понимать, что нужно думать на четыре шага вперед и следить за выполнением принятых решений.

Охойская: А такой нестандартный вопрос, как роль Яцека Куроня? Будучи первым министром [труда] и харизматической личностью, он говорил по телевизору о необходимости включиться в общественно-полезную деятельность, будил гражданское сознание, учил, как нужно помогать, а заодно убеждал поляков, что это у них получится. Эти разбуженные устремления направил в нужное русло лишь один из его преемников на должности министра труда Ежи Хауснер, когда добился принятия закона об общественно-полезных организациях, — только тогда появилась возможность широкой общественной деятельности.

Выгнанский: Важно и то, что Яцек пытался объяснять, чего добивается правительство, что собирается делать Мазовецкий и его команда, как это может отразиться на людях. Позднее были уже только речи или выступления пресс-секретарей — никто другой не смог достучаться до всех, не имел и достаточно смелости, чтобы говорить трудные вещи.

— Довольны ли вы тем, чего добился в Польше третий сектор? Что получилось, а чего по-прежнему не хватает?

Охойская: Удалось воспитать сознание того, что такое волонтерство, хотя сознание это по-прежнему остается слабым. Удалось привлечь множество людей — я была в жюри премий «Тотус», «Общественник года», «Благотворитель года», где познакомилась со многими маленькими местными организациями, делающими потрясающие вещи, — это просто подвижники. Этих организаций множество, но их всё еще недостает. Ситуация лучше, чем в 89-м, но ведь с тех пор прошло уже 20 лет...

Серьезным препятствием остается отсутствие целого ряда правовых актов, поэтому, принимаясь за что-нибудь новое, мы действуем вне юридических механизмов. Так было, например, с налогом на сбор средств, с освобождением от НДС высланных на благотворительные цели эсэмэсок (чехи и словаки, сориентировавшись, сколько денег можно таким образом собрать, сразу это сделали). Часто мы не в состоянии добиться соблюдения стандартов, связанных с предоставлением организациям сертификата. Тот факт, что многие организации не пишут отчетов, однако сертификаты у них остаются, — одна из неудач третьего сектора. И последнее: прекрасно, что есть возможность переводить благотворительным организациям 1% от налога, но мы не умеем достучаться до людей с этой информацией, убедить их, что дело того стоит.

Гавлик: Несмотря на все твои «но» (впрочем, справедливые), можно сказать, что мы стали более зрелыми. Однако проблемой остается партнерство внутри третьего сектора, партнерство между ним и правительством, органами местного самоуправления, бизнесом. Еще 5-10 лет назад трудно было склонить организации внутри сектора к сотрудничеству. Это изменило вступление в ЕС — прежде всего масштаб финансирования из европейских фондов. Просто-напросто вместе можно было больше получить. Мне мешает жить бюрократия, когда дотошные расчеты или организация тендеров поглощают три четверти времени, необходимого для выполнения задачи. Неужели доверие уже ничего не значит? В Голландии, если твоя организация пользуется доверием и ты занимаешься полезной деятельностью, тебе дают деньги, а потом ты должен показать эффекты — их и проверяют. А у нас? Я боролся с министерством сельского хозяйства, которое требовало от партнерских НПО не только составления финансовых отчетов по всем расходам, но и ксерокопирования счетов для чиновников Агентства реструктуризации и модернизации сельского хозяйства, которые должны были их просматривать.

Охойская: Это естественно, мы занимаемся этим каждый раз.

Гавлик: Но здесь шла речь о десятках тысяч счетов! Из-за этой бюрократической волокиты люди потом месяцами ждали денег. Это, впрочем, придумали наши чиновники, еврократы такого не требуют.

Столь же сильно мешает политизация. При предыдущем правительстве, хотя была запущена предусмотренная законом процедура присуждения грантов на проекты экологических организаций, бывало, что приходила дама из политического кабинета министра и говорила: «Эти проекты пройдут, а эти — нет». По этой причине все, кто подписался под протестом против строительства шоссе через долину Роспуды, денег не получили. И, наконец, миссия — люди приходят к нам с простыми делами: сброс отходов в реки, дымящая котельная, старые шины, выброшенные на границе национального парка. Помощь в таких ситуациях очень важна, а у нас часто не хватает времени и денег.

Выгнанский: На этом долгом пути нужно второе или третье дыхание... Всё не так плохо, но мы должны расстаться с иллюзией, что, совершенствуя закон, мы всё изменим. Есть еще подходы и навыки, имеющиеся, например, у работников администрации. Как писал Ральф Дарендорф, комментируя изменения в этой части Европы: система меняется за шесть месяцев, рынок за шесть лет, а подход к делу — за шестьдесят. А самый волнующий момент прошел, ветры истории уже не дуют...

Что касается денег, то здесь я вижу другую проблему: организации становятся конформистскими, мы делаем не то, что вытекает из нашей миссии, а то, что на «рынке» спонсоров можно продать. Даже на рынке индивидуальной благотворительности на одни проекты люди дадут деньги (особенно на эмоционально окрашенные), а на другие — нет. Таким образом оказывается, что суверенность организации сильно зависит от способа финансирования ее деятельности. Мы себе часто льстим, что у нас не просто еще одна организация, что мы более человечны, однако всё показывает, что люди часто видят в нас именно еще одну организацию, не так уж и отличающуюся от остальных.

Охойская: Я бы добавила к списку проблем «проектность»: мы можем получить деньги на определенные проекты, вдобавок спонсоры определяют свои приоритеты, и мы в них либо вписываемся, либо нет. Из-за этого мы не всегда можем делать то, что на самом деле считаем необходимым. Проблема тут в несоответствии законодательства ситуациям, в которых мы работаем: например, как организовать торги в Южном Судане, если там нет ни одной фирмы, которая могла бы делать то, что нам нужно? Каким чудом тендер может сработать в стране, где процветает коррупция и где, если бы даже мы получили море предложений, у нас не было бы возможности их проверить.

У нас нет закона о поддержке развития, который Польша как член ЕС обязана принять, — поэтому помощь должна укладываться в календарный год. Соответственно, если в рамках поддержки развития «Польская гуманитарная акция» получит дотации на Судан, где сезон дождей кончается в ноябре, то у нас есть два месяца на их осуществление. Конечно, нельзя сделать это за столь короткое время — приходится действовать на грани закона, но так, чтобы закон не нарушить, а деньги потратить с пользой и по назначению. Само собой, это мешает, потому что вместо того, чтобы биться над проблемами, для решения которых мы существуем, мы бьемся над тем, как быть с тем или иным требованием закона. И уж полнейшее безобразие, когда, например, проект начинается в апреле, а финансирование неправительственная организация получает в августе, или когда организация вкладывает в проект огромные деньги, а потом должна многие месяцы ждать возмещения расходов. Или изменение законоположений в ходе проекта, о чем мы узнаем, когда уже выслали отчет.

— Мы начали с концепции общества, а закончили конкретными болячками. Вероятно, мы пошли в верном направлением, но есть препятствия, которые необходимо устранить, — не так ли?

Охойская: Именно так. Впрочем, я жду от каждой организации и от всего сектора осознания того, что своей работой они формируют образ Польши, общественное сознание. Невероятно важно, что только такая перспектива придает соответствующий вес нашей кропотливой работе. Наша роль меняется и в самих организациях: мы создали организмы, собственно говоря, уже крупные институты, которыми должны управлять специалисты, а нам нужно поискать другое место. Не обязательно в кресле директора этой организации.

Гавлик: За последние 20 лет выжить удалось не более чем 30 экологическим организациям, но зато специализированным, можно сказать профессиональным, в которых работает от двух до 15 человек. Это и хорошо, и плохо, потому что не видно, чтобы появлялись новые. Заметно то, о чем говорят опросы: склонность поляков к общественной деятельности — одна из самых низких в Европе. Перед нами стоит большая задача — преодолеть невидимую преграду, отделяющую нас от тех, кого нужно поощрять к действию. Но здесь мышление должно изменить само государство, премируя тех, кто хочет включиться в общественную деятельность, сделать что-то для других, а не для прибыли. Тем временем вместо атмосферы, поощряющей бескорыстие, появляются опасения, как бы эти неправительственники не урвали слишком много денег. А ведь мы обо всем отчитываемся, да еще так дотошно!

Общество станет гражданским, если будут созданы условия, в которых смогут расцветать разнообразные человеческие инициативы — только тогда в секторе и в обществе родится что-то новое.

Охойская: Я бы добавила еще одно: мы так заняты нашими проектами, что не оставляем места и времени на распространение идей, во имя которых работаем, на то, чтобы заразить ими других. Так, как делает это, например, Юрек Овсяк. Тут уж никто не виноват, только мы — мы, кто на этих идеях вырос, для кого они важны.

Выгнанский: Меня беспокоит нечто иное: парадокс, что в Польше — иконе «Солидарности» — самый низкий уровень общественного доверия (я говорю о доверии, выходящем за рамки семьи). Уменьшается и число волонтеров, особенно в этом году. Польская благотворительность — это скорее ритуализация хорошего самочувствия, чем постоянная практика. Мы замотаны, у нас нет времени для самих себя, и мы не требуем от себя многого. Я не так боюсь за организации, как за индивидуальную гражданскую активность — ведь мы продолжаем жить в стране, которая больше лишает граждан воли, чем наделяет правами. А без этой активности мы не справимся, потому что весь мир институтов слишком мал по сравнению с тем, что надо сделать. Третий сектор и отдельные люди умеют действовать в смысле ноу-хау, то есть всё лучше пользуются инструментами, только вот часто хромает «ноу-уай» — зачем всё это? Необходимо пространство для мышления и воспитания, создание хорошего лидерства — места, где люди столкнутся с тишиной, подумают, как, что и зачем делать, чему посвятить жизнь. Нужны духовные упражнения.

Гавлик: Вот-вот, духовные упражнения для неверующих...

Беседу вел Петр Фрончак
Подготовила к печати Анна Матея

TYGODNIK POWSZECHNY
KATOLICKIE PISMO SPOŁECZNO-KULTURALNE

Янина Охойская-Оконская — директор «Польской гуманитарной акции».
Радослав Гавлик — эколог, член Всепольского совета «Зеленых-2004», президент экологического общества «Эко-уния». Депутат Сейма в 1989-2001 г., замминистра охраны окружающей среды в правительстве Ежи Бузека.
Куба Выгнанский — связан с многочисленными гражданскими начинаниями, в особенности с Форумом неправительственных инициатив.

Элиза Вольская

«НАШ КЛАСС»

(В российском Интернете это называется «Одноклассники»)

«Что случилось с нашим классом?» Когда Яцек Качмарский задавал этот вопрос в своей песне «Наш класс», он даже не мог предположить, что через тридцать с лишним лет после того, как он ее написал, ответ окажется таким простым, а название песни о судьбах школьных друзей благодаря молодым информатикам станет названием самого популярного сегодня польского социального сервиса. Прошло уже больше года с тех пор, как вся Польша зациклилась на портале «Наш класс». К компьютерам прилипли не только молодые люди, поднаторевшие в пользовании подобными сервисами, но и люди постарше, для которых игра в интернет-форумы, вклеивание своих фотографий и компьютерные сплетни со знакомыми до сих пор была чем-то сложным и ребяческим. Все это увенчалось лавиной встреч. Впрочем, достаточно заглянуть в любую пивную или ресторан. Почти два года их заполняют товарищи со школьной скамьи, зачастую уже весьма старой...

В ноябре 2006 г. Мацей Попович, студент факультета информатики Вроцлавского университета, вместе с сокурсниками-программистами Павлом Ольхавой, Михалом Бартошкевичем и Лукашем Адзинским после многомесячного программирования открыли сайт «Наш класс».

Как известно, поляки — экстра-класс среди программистов всего мира, а в рейтинге вузов, студенты которых показывают лучшие результаты, первое место занимает Варшавский университет, а шестое — Вроцлавский. Создавая портал, студенты мечтали о десяти тысячах пользователей. Спустя три месяца это число перевалило за сто тысяч. Сегодня «Наш класс» — это более 11 млн. пользователей, здесь размещено более полумиллиарда фотографий и более миллиарда записей (по состоянию на сентябрь). Согласно Alexa.com, самому известному в мире сервису, публикующему рейтинги популярности порталов WWW, «Наш класс» в Польше — второй по посещаемости после google.pl: на него заходит больше половины пользователей Интернета.

Небывалый успех создал основателям портала немалые трудности. Огромное количество посещений сайта вызвало перегрузку серверов, и в какой-то момент зайти на сайт стало практически невозможно. Понадобились новые серверы и, следовательно, крупные инвестиции. «Нашему классу» грозило банкротство. Спас ситуацию немецкий инвестор «European Founders», совладелец, в частности, европейского аукционного сервиса E-bay, — он выкупил 20% акций. Затем 70% акций (включая те, что были проданы немцам) получил латвийский контент-провайдер «Forticom». Эту продажу долго скрывали, что вызвало негативную реакцию и множество комментариев. Были даже высказывания о том, что якобы с перекупкой базы «Нашего класса» (кстати, одной из крупнейших, содержащих подробные личные данные поляков) были связаны российские спецслужбы. Факты выглядят следующим образом: один из главных акционеров «Forticom'a» — «Digital Sky Technologies», во главе которого стоит Юрий Мильнер, создатель netBridge (того, что потом стало Mail.ru). В свою очередь с Mail.ru

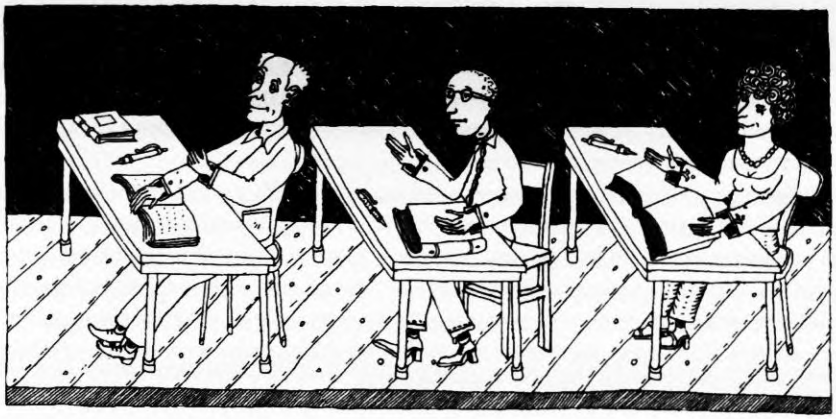
(принадлежащем фонду «Naspers») связана передача новому владельцу самого популярного польского скоростного коммуникатора «Gadu-Gadu» (примерно 8 млн. пользователей). Собственник портала сделал на перепродаже сервиса прекрасный бизнес. Уже после первой продажи акций, хоть она и была продиктована необходимостью спасти портал, Поповича окрестили самым молодым польским миллионером. Стоимость последней сделки оценивается в 200 млн. злотых.

«Наш класс» покорил сердца поляков — и жителей больших городов, и обитателей городков и деревень — в самой Польше и за ее пределами... Возможность найти старых знакомых, родственников и связаться с ними на портале «Наш класс», привела к тому, что в Интернет, медиум заведомо анонимный (например, на форумах и в чатах, где пользователи скрываются под т.н. никами), поступило неожиданно много информации о пользователях. «Наш класс» (в некоторых, самых необдуманных случаях) превратился в настоящую ярмарку тщеславия. Заинтересованные могли не только узнать имена и фамилии тех, кто зарегистрирован на портале, но и узнать всё об их образовании, семье, состоянии. Довольно быстро это привело к настоящему бедствию — кражам со взломом, ограблениям и т.п. В СМИ о портале стали писать всё более критически, хотя не проходило дня без очередных упоминаний о нем. Самый большой скандал, однако, вызвали снимки из Афганистана, которые разместили шестеро офицеров из военной контрразведки. Фотографии военных в форме, с оружием в руках, были подписаны их фамилиями и снабжены соответствующими комментариями и разъяснениями. Да уж, было чем похвастать!

То же случилось и с полицейскими, которые, разместив на сайте свои фотографии, сделанные в полицейских школах, и снабдив их подписями, раскрыли своих коллег, работающих секретными агентами. Вследствие крайней безответственности и неблагоразумия опасности могли подвергнуться не только законспирированные полицейские, но и их семьи. Однако и сама полиция частенько заглядывает в «Наш класс», благодаря чему ей удалось обнаружить многих преступников.

С другой стороны, огромная популярность портала используется, например, для поиска пропавших без вести. Семья или друзья создают «профиль» пропавшего, который затем другие люди размещают в числе своих знакомых. Благодаря этому сведения о нем и его фотография становятся известны миллионам людей. За недолгую историю существования сервиса случалось, что находились братья и сёстры, давным-давно потерявшие друг друга.

У «Нашего класса» столько же сторонников, сколько и противников. Однако для многих портал — нечто куда большее, чем просто множество сведений о классах и школах. Именно здесь обнаруживаются местные историки-энтузиасты со множеством рассказов не только о школе, но и о целых местностях. Создаваемые ими школьные форумы бывают настоящим кладезем знаний об уже забытых людях, местах, зданиях. Благодаря воспоминаниям других мы можем узнать историю наших школ, прекрасных старых учителей, людей, которые жили до нас в наших краях, в наших домах. Если кому-то хочется найти свои корни, найти себя, пусть он заглянет в «Наш класс» и «пороется» там — среди этих рассказов, старых фотографий и карт он наверняка найдет что-нибудь для себя.



Ignacy Czwartos

НАЖИВАЯ ПРОШЛОЕ

Беседа с социологом Петром Тадеушем Квятковским о коллективной памяти поляков

— По Польше то и дело прокатываются бурные дискуссии на темы новейшей истории, например дискуссия, связанная с попыткой пересмотреть роль Леха Валенсы в ПНР и Третьей Речи Посполитой. Означает ли это, что в коллективной памяти польского общества происходят какие-то существенные изменения?

— Эти дискуссии — наверняка очередной пример использования споров о прошлом в сегодняшней политической борьбе. Кроме того, они показывают, как трудно полякам говорить о том, что было плохого в нашем прошлом. Когда от публичных диспутов мы перейдем к повседневной коллективной памяти, т.е. к тому, что думают о прошлом обычные люди, то увидим, что лишь каждый третий поляк, обычно с довольно высоким уровнем образования и исторических интересов, способен указать какого-нибудь отрицательного героя или постыдное событие из нашего прошлого. А положительных героев и факты способны назвать около 80%. Как будто большинство из нас не допускает и мысли, что в людях, а стало быть, и в нас, поляках, есть и добро, и зло. Следующее, что бросается в глаза, — это трудность, связанная с выражением и оценкой сложности польских судеб. Наша коллективная память любит однозначность, черное и белое. Ей трудно справляться с подлинными человеческими судьбами.

— А можно ли вообще говорить о какой-то общности коллективной памяти польского общества, если иметь в виду последние несколько десятков лет и отдельно — последние два десятка?

— Да, разумеется. Если мы говорим о национальной истории, то находим в ней определенное число личностей и событий, ставших теми символами, которые объединяют поляков. Некоторые из них, например, Иоанн Павел II или свержение коммунизма в 1989 г., — это недавние времена, но большинство — родом из далекого прошлого. Кстати говоря, историк, глядя на этот наш канон национальных героев, пожалуй, слегка улыбнется и призадумается. Кто у нас в этом каноне? Литовец Владислав Ягайло (Ягелло), Николай Коперник — с бесспорными немецкими корнями, Мария Кюри-Склодовская — полька, но польская ученая приблизительно по такому же принципу, как Подольский [из мюнхенской «Баварии»] — польский футболист. Фредерик Шопен... В нашей памяти закрепились многообразные связи с судьбами других европейских народов. Однако общность памяти не всегда означает всеобщее согласие в истолковании прошлого. Часто она опирается на спор: одни и те же факты и личности важны для всех, но разные круги видят их по-разному. Такую общность, в основе которой лежит спор, составляют, в частности, те, кто задумывается над смыслом польских национальных восстаний XIX в. или пытается подвести итоги Третьей Речи Посполитой.

— Из исследований, результаты которых вы приводите в своей книге, вытекает, что историческая политика, которая велась польскими властями на протяжении последних двух лет, не революционизировала нашу память. Оценка ПНР во времена правления ПиС («Права и справедливости»)» была такой же, как до этого.

— Поляки глубоко разделены, если говорить об оценке ПНР; столь же эмоциональны споры о реальном социализме и в других посткоммунистических странах. Опросы, проводившиеся в 2006 г., показывают, что по сравнению с 2004 г. количество людей, позитивно оценивающих этот период, несколько уменьшилось. Но это колебания на несколько процентов, а не перелом. Революции в этом, кстати, и не могло случиться, потому что массовая, повседневная коллективная память не меняется под воздействием одной кампании. Ее формируют многие факторы, а изменения она претерпевает в течение длительных периодов, измеряемых поколениями.

— Меня удивляет, что происходит с памятью тех политических лидеров, которые участвовали в заседаниях «круглого стола», а сегодня говорят о них как о национальном предательстве? Психология знает явление регрессивного искажения воспоминаний — но возможно ли, чтобы их память претерпела столь далеко зашедшую деформацию?

— У меня такое впечатление, что это вопрос скорее политики, чем памяти. Публично высказываемые взгляды о недавних исторических событиях подчиняются сиюминутным интересам. Лидеры некоторых политических партий хотят отличаться от конкурентов. Радикальные, отрицательные оценки периода, условно называемого Третьей Речью Посполитой, служат тому, чтобы подчеркнуть различия и обосновать некоторые цели в политических программах. Я бы не смешивал этого с тем фактом, что на разных уровнях общественной жизни функционируют механизмы согласования вариантов событий прошлого. Люди говорят: «Было так, как я сейчас помню», — между тем на их личные воспоминания накладывается то, что они знают из чужих рассказов и из СМИ.

— Например, будто Валенса говорил, что он был агентом.

— Например.

— Как вы думаете, может ли этот спор вокруг Валенсы оставить какой-то след в повседневной польской памяти?

— Валенса — спорная фигура, так было всегда. В 2003 г. 16% поляков спонтанно называли его героем, который сыграл положительную роль в нашей истории. Вместе с тем 9% оценивали его негативно. Боюсь, что для части людей Валенса так и останется агентом по кличке Болек. Хотя для большинства (как показывают опубликованные в «Газете выборчей» результаты опроса, проведенного PBS DGA) он будет тем Лехом, которого они когда-то поддержали.

— Если не официальные сведения в СМИ, то каков же тогда главный способ формирования коллективной памяти? Откуда черпает информацию самое молодое поколение, которое по собственному опыту не помнит ни военного положения, ни ПНР?

— В какой-то степени оно по-прежнему выносит знания из школы, телевидения и кино. И все чаще — из компьютерных игр. Часть молодежи обращается к книгам, другие беседуют с родителями и их родителями, которые помнят XX век. Однако вообще-то младшие поколения о временах ПНР и о военном положении знают мало. В то же время в последние двадцать лет развиваются новые формы контактов с прошлым, происходит любопытная метаморфоза исторического восприятия. Важным становится то, что близко отдельному человеку. Любознательность к прошлому выражается не только в приобретении знаний об истории в академическом понимании, но еще и в поисках опыта прошлых времен. Фантастически развиваются в Польше историко-реконструктивные движения. Мы обратили на это внимание, когда привлекали к нашим опросам лиц, каким-либо образом заинтересованных историей. И тут появлялись люди, которые говорили: «У меня такое особое хобби: мы с приятелями — рыцари». Или одна из участниц призналась, что она играет роль ведьмы и её сжигают на костре — самым настоящим образом поджигая этот костер.

— Это уже поиски экстремальных впечатлений.

— Это такой туризм во времени, тоже немного экстремальный, но всё более популярный, о чем свидетельствуют археологические празднества, фестивали викингов, рыцарские турниры. Реконструкции Грюнвальдской битвы или битвы на Бзуре* — это уже настоящие институты. Касается это и времен ПНР — в районе 25-й годовщины введения военного положения по Варшаве ходили мальчики, переодетые в польских ОМОНовцев.

— Да, устраивались и сюжетные игры.

— Вот именно. С другой стороны, принято говорить, что родители и дети сегодня разговаривают меньше, чем когда-то. Но вместе с тем становятся всё популярней семейные истории. Мы интересуемся предками, отслеживаем их судьбы уже не ради того, чтобы надеть перстень прадедушки-магната. И когда мы родом из крестьян, нас все больше интересует их жизнь. Может быть, это связано с тем, что сегодня живы предыдущие поколения, от которых можно кое-что узнать, — давно не было войны, жизнь удлиняется, повсеместной стала фотография и техника звуко- и видеозаписи.

* Крупнейшая битва оборонительной войны Польши против гитлеровской Германии, проходившая 9-22 сентября 1939 г. на реке Бзуре, к северо-западу от Варшавы, и начавшаяся наступлением польских войск. — *Ред.*

Другое проявление такого нового подхода к прошлому — это его коммерциализация. Достаточно взглянуть, какой успех приносит сегодня обращение к кулинарным традициям. Во времена моей молодости, если люди даже и любили немудрящие «свойские харчи», то стыдились этого — они хотели питаться, как им казалось, изысканно. Теперь, когда мы едим колбасу, о которой знаем, что она изготовлена по традиционному рецепту, то еще и немножко «пожираем историю». Существуют у нас и сотни гостиниц, которые хвалятся тем, что могут предложить нечто, чего не даст самый лучший отель: «Здесь ты прикоснешься к истории, потому что мы — единственная гостиница в старинной водяной мельнице на берегу реки».

— Откуда берется такой голод по истории?

— В этом есть тоска по чему-то подлинному — такому, что можно потрогать. Мы устали от сообщений СМИ, где трудно отличить правду ото лжи. Мы хотим сами, собственными чувствами испытать нечто настоящее. Отчасти это и реакция на то, что в наш мир врываются глобальные товарные знаки, унифицированная еда, сотовые телефоны, компьютеры. В этой глобализованной жизни все-таки немного полегче, когда ты можешь определить себя хотя бы тем, что пьешь лонцкую сливовицу, ешь подгальский копченый сыр или подлясскую телячью кишку, фаршированную картошкой.

— Однако этот спрос на прошлое касается не всех.

— Мы живем в настоящем, а память обладает ограниченной емкостью. Однако бесспорно, что некоторые ценности прошлого не нужны следующим поколениям, от них отрекаются. Около 20% поляков прямо говорят, что история их не касается. Половина наших респондентов никогда не говорит о прошлом в семейном кругу или делает это редко. Но и те, кто нуждается в различных формах контактов с прошлым, тоже многочисленны — примерно 25-30% заявляют о наличии у них исторических интересов, приблизительно 40% говорят с близкими о минувшем. Благодаря интенсивной исторической политике люди теперь реже признаются в отсутствии интереса к истории.

— В последнем номере журнала «Карта» Збигнев Глюза, не отвергая самого понятия «исторической политики», резко критикует предпринятые действия государства в этой сфере. Считаете ли вы, что государственные учреждения должны играть какую-то роль в сохранении коллективной памяти?

— Думаю, да. Государство должно открыто и сдержанно формировать единый, ортодоксальный канон памяти, но при этом создавать рамки, которые люди наполняют самым разнообразным содержанием и в которых правом голоса обладают различные круги.

— Как это могло бы выглядеть на практике?

— Это должно включать в себя разумные учебные программы в школах, расходование общественных средств, поддержку научных исследований, ведение документации, проведение юбилеев, популяризацию знаний о польском наследии за рубежом. Надо предоставить людям возможность списывать с налогов взносы в пользу высоко ценимых музейных учреждений. Учредить кафедры при хороших университетах в разных странах или провести сбор средств на это. Активно противостоять публикациям, выдвигающим ложные или разительно односторонние взгляды... Можно и нужно сделать очень многое. Государственные учреждения должны искать союзников и стимулировать общественные начинания.

— Но можно ли отделить эти действия от политики?

— Часто они могут как-то соприкасаться с политикой. Историческая политика наверняка должна быть долгосрочной, избавленной от нажима текущей политики, она не может ограничиваться исключительно политической историей. Поляки — это, с одной стороны, общество, которое склонно к национальной мании величия, но с другой — весьма не уверено в своем культурном наследии. Для меня символ такой неуверенности — дворец в Козлувке, старая магнатская резиденция, в начале XX в. обустроенная одним из потомков рода Замойских. Можно было бы ожидать, что владелец наполнит дворец картинами Герымского, Выспянского, закажет витражи Мехоффера. А он купил массу копий итальянской и французской живописи. Представитель польской элиты предпочел приобрести третьесортные вещи, нежели сделаться послом и меценатом польской культуры. Эта наша неуверенность проявляется в самых разных контекстах. Поэтому я думаю, что разнообразные институты общественной жизни должны способствовать преодолению польских комплексов. Не забудем, что наше прошлое — это не только воинские подвиги, но и литературно-художественные свершения и, разумеется, будни миллионов поляков, которые не совершили ничего из ряда вон выходящего, но памяти заслуживают.

— Но, пожалуй, эта часть памяти, относящаяся к повседневности, как раз и приобретает всё большее значение.

— Отчетливо видно, что в памяти поляков все меньше господствуют военные времена, а всё большее место занимают поиски значения Польши в мире или же образцов демократии. Если принять, что в том мощном ресурсе, каким является прошлое, мы ищем чего-то такого, что может нам пригодиться, то сейчас для нас важнее всего наши европейские связи. Наше национальное самосознание создается не в конфронтации с врагом, а в соперничестве, иногда — в сотрудничестве. Думаю, что этот процесс яснее обозначится в нашей памяти и оставит в ней более прочные следы, нежели те бури в СМИ, свидетелями которых мы были в последнее время.

Беседу вела Иоанна Цесля

POLITYKA

Чеслав Милош

Перевод Натальи Горбаневской

ШЕСТЬ ЛЕКЦИЙ СТИХОМ

Из сборника «Хроники», 1987

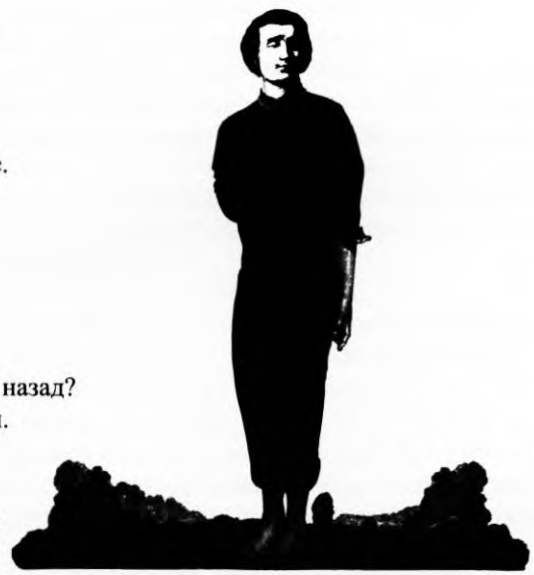
Лекция I

Как же рассказать вам? На какую сослаться летопись?
Представьте себе юношу, идущего берегом озера
В жаркое позднее утро. Посверкивают русалки
Над камышом, как обычно. Но ничего еще нету,
Чему предстояло быть. Поймите: ничего.
Или, может быть, есть, но не довершилось:
Тела, обреченные ранам, города — разрушенью,
Боль необъятных чисел, и всякая боль — иная,
Цемент на крематорий, страны на расчлененье,
Убийцы по воле жребия — ты, и ты, и ты.
Вот так. И реактивный. Транзистор. Видеопленка.
И люди на Луне. А этот идет и не знает.

Он подходит к мелкой заводи, вроде бы пляжу.
Там загорает компания из усадебки-пансионата,
Скучающие дамы, скучающие господа,
Болтая о кто-да-с-кем, о бридже и новом танго.
Этот юноша — я. Я им был, а может, остался,
Хоть полвека минуло. И помню я, и не помню
Его и их разделенными. Он другой, он чужой, чужой.
Замкнувшись в его уме, они уезжают, гибнут,
Он презирает их, судья и наблюдатель.
Так-то вот болезненность возраста созревания
Угадывает болезнь исторической стадии,
Которая хорошим не кончится. Чего не сознающие
Заслуживают наказанья: желали жить, и только.

Волна, обломки камыша на гравии, облака.
За водой деревенские крыши, лес — и воображение.
А в нем еврейские местечки, поезд на равнине.
Abyssus. Земля шатается. Неужто лишь теперь,
Когда я тут открываю лабиринты времени,
Как если бы знать означало понимать,
А за окном колибри танцуют свой танец?

Я должен был. Что́ должен был, пятьдесят пять лет назад?
Жить в радости. В гармонии. В вере. В примирении.
Как будто можно было. А потом удивленье:
Почему они не были умными? Будто бы слагается
Игра причины и следствия. Нет, и это сомнительно.
Ответственность ляжет на всякого, кто дышал.



Paulina Zielona

Воздухом? Неразумьем? Миражем? Идеей?
Неясный, как и всякий, кто жил там и тогда,
Исповедуюсь перед вами, мой молодой класс.

Лекция II

Нежные сестры и матери, возлюбленные и жены.
Подумайте о них. Они жили и носили имена.
Я видел на раскаленном адриатическом пляже
Тогда, между войнами, девушку такой красоты,
Что хотел остановить ее в невозвратном мгновенье.
Ее стройность, обтянутая шелковым костюмом
(До эры синтетических тканей) цвета индиго
Или же ультрамарина. Глаза фиалковые,
Волосы белокурые, рыжеватые — дочь патрициев,
Рыцарских, может, родов, ступающая твердо.
Светловолосые юноши, тоже пригожие,
Были ей свитой. Сигрид или Инге,
Из дома, где запах сигар, благополучие, порядок.

«— Не уезжай, безумная. В иератические статуи
Укройся, в мозаики соборов, златоцветные зори,
Останься эхом на водах при закате солнца.
Не губи себя, не вверяйся. Не возвышенность и хвала,
Тебя зовет обезьяний цирк, твой племенной обряд».

Так я мог бы сказать ей. Сущность? Личность?
Душа неповторимая? А день рождения
И место рождения, как положение звезд,
Контролируют, кем она будет? Чтоб ее соблазнила
Любовь к обычаям, послушание-добродетель?

Ошибался, однако, Данте. Не так оно творится.
Приговор — коллективный. Вечному осуждению
Следовало бы предать их всех, да-да, всех.
Что, пожалуй, невозможно. Супротив Иисуса —
Чайники в цветочек, кофе, философствованье,
Ландшафт, бой часов на ратушной башне.
Никого не убедит он, жалкий, черноглазый,
С горбатым носом, в нечистой одежде
Пленника или раба, один из бродяг, которых
Справедливо отлавливает и изгоняет государство.
Теперь, когда я знаю много, я свои же грехи
Вынужден себе прощать, их грехам подобные:
Я хотел сравняться с другими, быть всегда как они,
Замкнуть слух, не слушать призыва пророков.
Поэтому я понимаю. Уединенный дом, зелень,
И из глубин ада фуга Себастьяна Баха.

Лекция III

Бедное человечество кочует по вокзальным плитам,
Шапки-ушанки, платки, ватники, тулупы.
Спит вповалку, поезда ждет. От дверей тянет морозом.
Входят новые, стряхивают снег, прибывает грязи.

Я знаю, не для вас это знание о Саратове или Смоленске,
Что и к лучшему. Кто сумеет, пускай избегнет
Состраданья, этой боли воображения.
Так что не буду точен. Едва лишь обрывки, набросок.

Появляются. Их четверо. Трое мужчин и женщина.
Сапоги из мягкой кожи, первого сорта,
Куртки из дорогих отрезов. Шагают уверенно, ловко.
Ведут на поводке овчарок. Поглядите на нее,
Широкую, чуть сонливую, недавно из-под мужика,
Презрительно поглядывающую из-под бобровой шапки.

Это ли не доказательство, кому принадлежит власть,
Кто здесь получает награду? Идеологическую,
Если кому так хочется. Ибо здесь ничто
Не явлено, всегда переодето в ритуальные фразы,
Хотя страх настоящий, а люди покорны,
И там, откуда едут эти четверо, в снежной метели,
Настоящая колючая проволока, лагерные вышки.

На Конгрессе защитников культуры в Париже
Весной тридцать пятого года, мой товарищ-студент,
Странствовавший по Европе, Гюнтер из Марбурга,
Смеялся. Поклонник Стефана Георге,
Он писал стихи о рыцарских доблестях
И носил карманное издание Ницше.
Ему предстояло погибнуть, может под Смоленском.
От чьей пули? Одного из этих спящих?
Надзирателя с овчарками? Зэка из-за колючки?
Этой Нади или Ирины? Он ничего о них не знал.

Лекция IV

С действительностью что мы сделаем? В словах где она?
Едва мелькнет и уже исчезает. Несочтенные жизни,
Никогда не вспоминаемые. Города на картах
Без лица во втором этаже дома на рыночной площади,
Без них двоих в кустах у газового завода.
Времена года возвращаются, горные снега, моря,
Оборачивается синий шар земной,
И молчат те, что бежали под артобстрелом,
Припадали к сырой земле, чтоб она спасла,
И те, кого увозили из дома на рассвете,
И те, кто выполз из-под груды окровавленных тел.
А я здесь, инструктор по делу беспамятства,
Поучаю, что боль проходит (потому что боль — чужая),
Мысленно продолжая спасать панну Ядвигу,
Маленькую горбунью, библиотекаршу,
Что погибла в бомбоубежище того большого дома,
Считавшемся надежным, но обвалился,
И никто не сумел дорыться сквозь пласты стены,
Хотя много дней был слышен стук и голоса.
И вот навеки, навсегда потерянное имя,
Ее последние часы неизвестны никому,
И время, что унесло ее в слое плиоцена.
Истинный враг человека — обобщение.
Истинный враг человека, так называемая История,
Предписывает и пугает множественным числом.
Не верьте ей. Предательская и коварная,
Она не анти-Природа, как нас учил Маркс,
А если и богиня, то слепого Рока.
Скелетик панны Ядвиги, место,
Где пульсировало сердце. Одно это кладу
Против необходимости, права, теории.

Лекция V

Христос воскрес из мертвых. Всякий, кто в это верит,
Не должен вести себя так, как ведем себя мы,
Растерявши верх и низ, право и лево, небеса и бездны,
Но пытаясь как-то пробраться, в автомобилях, в ложах,
Мужчины хватаясь за женщин, женщины за мужчин,
Проваливаясь, подымаясь, заваривая чай,
Намазывая хлеб, ибо снова день.

И снова год. Возвращается время подарков.
Елки в огнях, гирлянды, музыкальность,
Нам, пресвитерианам, католикам, лютеранам,
Сладко петь на церковной скамье с другими,
Благодарить за то, что мы по-прежнему вместе,
За дар вторить Слову, ныне и во веки веков.

Мы радуемся, что нас миновало несчастье
Стран, о которых читаем, где несвободные
Поклоняются идолу-государству, с его именем на устах
Живут и умирают, не зная, что несвободны.
Как бы оно там ни было, с нами повсюду Книга,
А в ней чудесные знаки, советы и наказы,
Негигиеничные, правда, и противоречат рассудку,
Но и то хорошо, что есть они — на немой земле.
Это как будто костер греет нас в пещере,
Когда снаружи стоят огни холодные звезд.

Молчат богословы. А философы
Не осмелятся даже спросить: «Что есть истина?»
И так, после великих войн, в нерешимости,
Почти что по доброй воле, но не совсем,
Трудимся с надеждой. А теперь пускай каждый
Исповедует себе. «Воскрес?» — «Не знаю, воскрес ли».

Лекция VI

Безграничная история продолжалась в то мгновение,
Когда Он преломил хлеб и выпил вино.
Люди рождались, жаждали, умирали.
Такие толпы, Господи помилуй! Как это возможно,
Что все хотели жить, а нет их?

Воспитательница ведет цепочку дошколят
По мраморным залам музея.
Усаживает послушных мальчиков и девочек
На паркет перед большой картиной.
Объясняет, говорит: шишак, меч, боги,
Гора, облака, орел, молния.
Она умеет, а они видят в первый раз.
Ее непрочное горло, ее женские органы,
Цветное платье, кремы и украшения
Объяты прощением. А что не объято
Прощением? Неведенье, беззаботность невинных
Вопияли бы о мести, взывали к приговору,
Если бы я был судьей. Не буду, не есмь.
В славе обновляется бедное мгновенье земли.
В одновременности, здесь, теперь и во все дни
Хлеб обращается в плоть, вино в кровь.
А то, что невозможно и непереносимо,
Становится снова принятым, опознанным.
Наверное, утешаю вас. Утешаю и себя.
Не слишком утешен. Деревья-канделябры
Несут зеленые свечи. И магнолии цветут.
Это тоже действительность. Гулкий шум затихает.
Память замыкает свои темные воды.
А те, как за стеклом, смотрят, молчат.

Адольф Рудницкий

Перевод Ксении Старосельской

ВОКРУГ ДОСТОЕВСКОГО

Тридцать первого января 1881 года, когда останки писателя были погребены на кладбище в Александро-Невской лавре в Петербурге, Россия — и вместе с ней Лев Толстой (два величайших русских писателя лично никогда не встречались) — поняла, кого она потеряла. Похороны автора «Братьев Карамазовых» стали яркой манифестацией чувств петербургского люда и надолго остались в его памяти. Со дня похорон слава писателя — которая так и не упрочилась при жизни — начала расти и до сих пор не померкла. Именно благодаря Достоевскому русская литература в глазах всего мира поднялась на недосягаемую высоту. Писатели, *подобные* Тургеневу, Чехову, даже Льву Толстому, на Западе имелись — Достоевский ни на кого не был похож, был уникален. Сам он с уважением относился к Виктору Гюго, очень любил Дон Кихота — считал его одним из прекраснейших персонажей мировой литературы. Быть может, он и поддавался чьему-то влиянию, но умел переплавить в своем творческом тигле следы любого влияния так, что они становились незаметны. Все, что вышло из-под пера Достоевского, похоже только на Достоевского.

Нет другого писателя, которым бы так же восхищался Запад. Ни о ком там не отзывались столь же благоговейно. Герои Достоевского вошли в западную литературу и живут в ней по сей день — не как уважаемые, но попахивающие нафталином фигуры, а как личности, чьи проблемы остаются насущными для современников. Сам Достоевский о Западе всегда писал с презрением и ненавистью, осуждал Тургенева за то, что тот преклонялся перед Европой, на весь Запад смотрел как на окраину своего огромного отечества. Вся история литературы последних пятидесяти лет — по сути, история приближения и отдаления от Достоевского. О нем, как о недосягаемом образце, о творце, секреты мастерства которого непостижимы, писали разные литераторы, независимо от уровня своего таланта: над всеми в равной мере тяготел груз его индивидуальности. Отзвуки его стиля чуткое ухо улавливает у всех европейских писателей последнего времени. Экзистенциализм вырос из Достоевского. И даже если сейчас отходит от него по форме, по манере, то заимствованные у великого писателя проблемы остаются. Быть может, лишь американцы, чье искусство родом из кинематографа, свободны от его влияния.

Притягательная сила Достоевского сегодня ничуть не меньше, чем полвека назад, когда Европа только начала с ним знакомиться. Его никогда, ни секунды не воспринимали как писателя, принадлежащего истории. Тем, кто поедет на февральские торжества в Москву, не понадобится ходить по музеям или рыться в библиотеках, чтобы к нему приблизиться, заново погрузиться в его творчество, в его личную жизнь. Чтение книг Достоевского — не просто чтение: это тяжелая болезнь, оставляющая неизгладимый след. Его герои навсегда поселяются в душе. И как классика Достоевского никогда не читали. Он со своей проблематикой более актуален, чем новости в утренней газете, пахнущей свежей типографской краской. На его произведениях по-прежнему не найти ржавчины. Они по сей день повергают в трепет небо и землю. В его сражениях с Богом нет ничего от *техницизма* поэта. Он — человек с обнаженными нервами, швыряющий в небо *всю совокупность* человеческих мыслей, к которой ничего нельзя прибавить. Поставленные им вопросы будут ждать ответа до конца жизни на земле.

На февральских торжествах в Москве над президиумом будет возвышаться гигант, о котором присутствующие в зале смогут сказать то, что некогда сам Достоевский сказал о Гоголе: все мы вышли из его шинели. Будет отмечаться семидесятипятилетие со дня смерти писателя, рядом с которым живые сочинители кажутся мертвецами, эпигонами, лишь «разбавляющими» его мысли. Только явный спор с Достоевским, только нескрываемое полемическое отношение к нему, к его проблемам, к его персонажам, к его творческому методу может превратить писателей в *инженеров человеческих душ.* Каковыми они никогда не станут, если не окажут отпор этому жестокому вивисектору, которого взя-

ли на откуп все реакционеры мира. Пройти мимо Достоевского, обойти его молчанием равнозначно самоубийству. Февральские торжества докажут, что мы намерены сражаться с Достоевским и за Достоевского. Для писателей это счастье!

Я рос как сорняк. На тропы Достоевского попал еще подростком и до сих пор с них не свернул. На этом пути — всю жизнь — я находил друзей, завороженных им не меньше меня. В моем родном городишке молодые коммунисты принимали Достоевского — икону реакционеров, черносотенцев и мракобесов — милостиво: «несмотря ни на что», его любили. К.Ф. — гениальный математик, гениальный теоретик кино — мечтал сделать свой первый фильм о Раскольникове. На нелепых извилистых улочках нашего местечка он делился со мной своими замыслами. Во время Второй мировой войны тифозные вши съели гениального К.Ф. — он так и не успел снять «Преступление и наказание». К.Ф. умер во сне. Достоевский погубил его прежде, чем его погубила история. Достоевский направил взгляд К.Ф. слишком глубоко внутрь, обострил его чувствительность, погрузил в мир иллюзий — но не научил сопротивляться жестокости людей. Так же он обошелся со всеми своими героями. Мы должны это помнить. А также помнить о том, что на Украину Гитлер шел с Библией и... с Достоевским.

Рано началась моя любовь. Потом, когда я, уже молодой литератор, оказался в Варшаве, меня поразило, что в кругу моих ровесников, из которого — несмотря на препятствия — вышли неплохие художники слова, мало кто разделял мое восхищение. Достоевский для них был одним из многих — но ни в коем случае не единственным. Приглядевшись к польской литературе, я убедился, что с подобным моему благоговением к Достоевскому относился, пожалуй, один лишь Бжозовский. Ижиковский* обожал только своих немцев. По его мнению, Достоевский был первоклассным, но отнюдь не великим писателем: куда ему до Геббеля! Я еще помню суждение Ижиковского о «Бесах»: хорошая книга, хоть и многовато длиннот, — но не великая.

Я долго не мог понять, почему мои друзья не принимают писателя, которым восхищается весь мир. И однажды понял: ведь Достоевский — несмотря ни на что — был *москалем*, который поляков называл не иначе как *полячишками*. Он терпеть не мог также немцев, относился к ним пренебрежительно, французов неизменно именовал *французиками*, собственно, обливал помоями всех, за исключением англичан. Но над этой слабостью великого писателя *французики* могли только посмеяться. Они были далеко, едва ли что-нибудь слыхали о медных рудниках в Сибири, в Париже никогда не было генерал-губернатора, а у них за спиной — ста лет неволи и страха, как бы это не повторилось в будущем.

Неприязнь возникала у моих друзей всякий раз, когда они натыкались на *полячишек*. У меня самого появлялось подобное ощущение, когда я в «Записках из Мертвого дома» встречал строки про Бумштейна — «каторжного из евреев». Бессмысленно утверждать, что существует объективное отношение к искусству! Именно к искусству, которое рождается из чувств ради чувств, объективного отношения быть не может. Национальные, личные чувства — это очки, которые мы ни на минуту не снимаем с носа. Больнее всего ранят оскорбления, прозвучавшие из чужих уст. Своему дозволено нести, что на ум взбредет, — он ведь и о себе говорит, и себя оскорбляет! Столетнее рабство, сотни страхов из прошлого, которые так и не рассеялись, мешали по достоинству оценить великого писателя.

И еще одно: стремление додумывать всё до конца, муки размышлений, тирания мысли, свойственные автору «Карамазовых», вероятно, и в самом деле (как утверждают некоторые) чужды польскому читателю. Польский читатель, к тому же, верит в культуру как в панацею, спасающую от любых темных сил. А ведь нет писателя, который столь жестоко издевался бы над культурой, как Достоевский. Возможно, и это тоже отталкивало моих друзей, смотревших на Достоевского как на варвара. То, чем восхищалась Европа, они считали *неевропейским*.

Постоянное трепетание крыл смерти над головой — вот откуда у Достоевского этот надрыв, несвойственный здоровому человеку. Подобная подлинность страданий ощущается и у горбуна Кьеркегора. Здоровый человек никогда не станет медиумом определенного рода сил. Если он хочет услышать некие

* Кароль Ижиковский (1873-1944) — прозаик, литературный критик, германист, автор монографии о немецком драматурге Фридрихе Геббеле (1813—1863).

голоса, если хочет обострить свое восприятие неких проблем, он должен что-то в себе сломать. Но и тогда кое-какие двери останутся перед ним закрыты. Мальро всю жизнь пытается пройти через закрытую дверь — тщетно! И он относится к числу тех, кто безуспешно старается вытравить из себя русского писателя.

До войны я был замкнут в Достоевском как в гробу. И только во время оккупации впервые вырвался из-под его власти: глубины Достоевского начали вызывать раздражение, всё им написанное — казаться неправдой, вымыслом; я больше в нем не нуждался, не нуждался в этой его усложненности, путанице. Я перестал понимать, какая в этом необходимость: в годы оккупации смысл жизни был ясен, граница между добром и злом, как это всегда бывает во время войны, рисовалась четко. Когда миллионы погибали в печах, художники дружно обратились к Вермееру, но вот имени Пикассо я не услышал ни разу. Лишь звучный, красивый, немудреный гимн жизни — и ничто другое — достигал сердец! Читатели возвращались к Толстому, к Прусту, но не к Достоевскому, он только раздражал и ничем не мог помочь. Оно и понятно: слишком много вокруг было смертей, трудностей, слишком многое не укладывалось в уме — и интерес ко всему из ряда вон выходящему пропал. Жизнь в ее простейшем, безыскусном, обыденном обличье казалась самой полнокровной, самой прекрасной, самой достойной, самой желанной. Никто не искал женщин типа Настасьи Филипповны, сердцам милы были совсем иные образы, совсем иной стиль жизни. Глубина и красота повседневного существования, от которого остались одни развалины, — только это восхищало, влекло к себе. Каждый час мог закончиться неведомо как, мог стать последним, поэтому солдат на фронте, летчик в самолете, миллионы в концлагерях и миллионы в городах под градом бомб заново полюбили обыкновенную серую жизнь, сутью которой были отечество, мать, жена, ребенок, дом, работа. У Достоевского не найти описаний чуда этой жизни; нет другого такого писателя, которому всё это было бы столь же чуждо, потому он и вызывал раздражение. На первый план выступило мошенничество, в чем Достоевского постоянно обвиняют враги.

Однако, едва закончилась война, мои былые чувства ожили. И не только мои. Достоевский стал, как прежде, дорог — и не одному мне!

Так я на собственном опыте убедился, что блеск этого великого эсхатологического писателя померк с наступлением эсхатологических времен, когда жизнь обратилась в руины. А вся его многокрасочность вновь заиграла в мирное время, полное своих тревог, когда мысль опять получила право хвастливо заявлять о себе, когда она начинает заменять — кое-кому из знаменитых художников слова — саму жизнь. Достоевский — писатель идеи.

Что имеют в виду те, кто говорит о мошенничестве Достоевского? А то, что всё им написанное вырастает из его ребра и, кроме своего ребра, он ничего больше не показывает. Тот, кому бы захотелось увидеть «картину общества» (по красивому выражению некоторых), с разочарованием покинет стены Достоевского. Не было никогда ни таких, как у него, людей, ни таких ситуаций, все это родилось в воображении автора «Сна смешного человека». А поскольку такого мира *нет*, каждый, кто пытается его подделать, уходит в область фикции — потому и столь сокрушительны поражения в кругу эпигонов Достоевского. Упреки писателя в мошенничестве основаны на том, что всякое произведение должно *поддаваться проверке*, причем вполне достаточным мерилом обвинители считают собственный опыт, с высоты которого, как они полагают, им всё видно. И всегда, в конце концов, ударяют по Достоевскому Толстым, который и в самом деле — образец добросовестности, *поддающейся проверке.* Неудивительно: Толстой принадлежит к числу художников, лишенных *горба.* У него горб *искусственный*, и, хотя кажется, что Толстой поднимает проблемы, подобные проблемам Достоевского, они всего лишь подобны им, но не идентичны!

Нет среди приверженцев Достоевского ни одного, кто бы рано или поздно не перешел на сторону его антагонистов, утверждающих, что «за всем этим ничего не стоит, что все вымышлено и подогнано под идею». Однако их измена недолговечна — обвинения быстро поблекнут. И даже если потом иной раз прозвучат, то без былого блеска, и не станут препятствием для возрождающегося восхищения, которое на всю жизнь остается в цепких клещах памяти, как остается в памяти городских жителей море. Грозный шум морских волн порой заставляет человека проснуться среди ночи и содрогнуться!

Без Достоевского нынешняя молодежь зашла в тупик, дозрела до «проклятых вопросов» — да, да, хотя на первый взгляд это не так; о технических сторонах бытия сейчас, собственно, говорят беспрерывно. Эти вопросы были поставлены перед молодежью реальными условиями жизни и объединили в себе все то, о чем до вчерашнего дня рассуждали лишь теоретически. Уровень современной техники сглаживает даже различия в общественном строе — в результате у нас много проблем, подобных проблемам на Западе, и наоборот: Запад тоже не справляется со своей молодежью. Современная техника стала частью метафизики, подпорой души. Укрепляя наши глаза и уши, она помогла раскрыть сотни тайн и приказывает ждать появления новых, пока еще от нас скрытых. Вопросы родом с пограничья, «проклятые вопросы» возникают повседневно, а молодежь всегда особенно чувствительна к тому, что происходит здесь и сейчас. Не беда, что пока мы не находим ни слова на эту тему в нашем искусстве; в один прекрасный день слова появятся. И тогда окажется, что самый современный писатель — Достоевский и с чем-то в его творчестве необходимо изо всех сил бороться, а что-то нужно принять со всеми вытекающими последствиями.

Мне не кажется, что Достоевский сегодня может быть столь же опасен, как прежде, когда отваром из своих произведений он усыплял многих, и кое-кого навеки. В конце прошлого столетия человек был другим — *более слабым*. Сейчас на дворе 1956 год — мы, возможно, несем в себе больше трагизма, но, вопреки видимости, не слабы. Мы хорошо понимаем, что вступили на совершенно новый путь, и сердца наши тверды. Гимн смерти нас уже не влечет — слишком много ее было в аду Треблинки, Бжезинки и Освенцима! Не знаю, каким должен быть сегодня отвар из литературного произведения, чтобы подтолкнуть молодого человека к самоубийству. Не представляю себе такого произведения — хотя, быть может, именно с этой целью модные романы пишутся таким брутальным языком! Конец прошлой эпохи можно сравнить со старым разваливающимся плюшевым диваном. Наша действительность — не плюшевый диван, она не поместится в мансарде со скошенным потолком, где в углу на подстилке лежит человек, мудрый как ангел и безвольный как старец. Эта кафкианская картина тоже родом из вчерашнего мира.

Есть еще одна причина, по которой, мне кажется, Достоевского не следует опасаться: ведь читатель, отложив книгу, снова оказывается в нашем, сегодняшнем, мире, где ничто из потрясшего его минуту назад повториться не может. Нельзя любить, как любили у Достоевского, когда всё, что у женщины под юбкой — как недавно написал поэт Ружевич, — сходит за любовь. Нет уже мира Достоевского, нет давешних общественных институтов и установлений, изменилась модель жизни — а что сильнее модели эпохи?!

Ядовитые чары Достоевского десятки лет были опасны потому, что впадавшие в транс читатели *могли* следовать образу жизни его героев. А это ведь одно из чудеснейших наслаждений: оседлать волну повторов, оказаться в кругу образцов и символов, сознавать, живя собственной жизнью, что кто-то другой, тобою любимый, жил точно так же. Ничто так не обостряет впечатлений, как ощущение, что ты верен своим корням, следуешь традициям, образцам. Образцы, символы, торжества, праздники вырывают человека из его замкнутого мирка, освобождают от биологических изъянов, разрушают и изгоняют одиночество и, к его радости, объединяют с другими людьми.

А вот в отсутствие сокровищницы образцов и символов жизнь становится пресной. Человек тогда не живет, а бредет по пустой и скучной дороге без единого деревца. Без символов и образцов он живет как в прихожей. На месте вице-премьера Минца я бы предназначил половину госбюджета на создание для людей *образцов,* сотворение *положительного героя*. Это великое слово! Величайшее из всех существующих! И не вина членов Союза писателей, что они не могут справиться с этой задачей.

Я уже не помню, кто, кажется, Лебедев в «Идиоте», молится за душу мадам Дюбарри. Пьяница, мошенник и потаскун объясняет князю не без лукавого самодовольства: кто знает, может, со дня смерти этой великой грешницы никто за нее не помолился...

Поистине немногого будут стоить те, что придут после нас, если они однажды за нас не помолятся. Свою безмерно трудную жизнь мы прожили ради того, чтобы когда-нибудь другим стало лучше. Мы никогда никому не жаловались на свою судьбу. Наше поколение действительно было великим, нравственным и справедливым!

«Свят», 1956

Адольф Рудницкий публиковал свои «Голубые странички» в журнале «Свят». Печатая одну из них, обращаем внимание читателей на дату первой публикации.

Януш Майхерек

НАПОМИНАНИЕ

Адольф Рудницкий

Адольф Рудницкий после смерти дорого расплачивается за славу и популярность, которыми пользовался при жизни. В 1990 году он умирал писателем из числа тех, кто — как он сам любил говорить — добрых несколько лет пребывал в чистилище. На его похороны пришли немногочисленные друзья и, по-видимому, пожилые читатели. Молодых у него тогда уже не было. Не знаю, в чистилище ли сегодня Рудницкий или это уже ад забвения.

Однако же много лет он был баловнем судьбы. Родившийся в 1909 году в галицийском местечке Жабно под Тарновом, он быстро порвал связи с семьей и средой еврейских ортодоксов, откуда был родом. В начале 30-х Арон Хиршхорн отказался от отцовской фамилии (которую он впоследствии тщательно скрывал — так же, как место и дату рождения, мистифицируя собственную биографию, будто хотел стереть все следы своего прошлого) и стал выступать в печати под именем Адольфа Рудницкого.

Блестящий прозаический дебют — рассказ «Крысы» (1932) — позволил ему занять место в кругу уже прогремевших писателей молодого поколения: если не рядом с Бруно Шульцем и Витольдом Гомбровичем, то недалеко от них. Ему покровительствовали — и в творческом плане, и, скорее даже, чисто по-женски — гранд-дамы польской литературы Зофья Налковская и Мария Кунцевич. Его привечал самый влиятельный в то время критик Кароль Ижиковский. Он дружил с выдающимся художником и эссеистом Юзефом Чапским, печатался в литературной периодике, был завсегдатаем модных кафе, сиживал за одним столиком с Гомбровичем. Мобилизованный в 1939 году, сражался в рядах защитников крепости Модлин. После капитуляции попал в плен, но вскоре бежал и оказался во Львове, где, как и многие польские писатели, принял участие в стремительно советизировавшейся литературной жизни. Был членом оргкомитета профсоюза польских литераторов, вошедшего в состав Союза писателей Украины. Публиковался в прокоммунистическом журнале «Новые горизонты». В мае 1942 года пробрался в Варшаву, где, благодаря фальшивым документам и так называемым хорошим внешним данным, оставался на «арийской» стороне. Принимал участие в деятельности польской подпольной организации «Совет помощи евреям».

Сразу по окончании войны Рудницкий провел четыре года в Лодзи, где жил в знаменитом доме литераторов, а в 1948 году переселился в Варшаву и включился в буйно расцветавшую и еще сохранявшую видимость свободной литературную жизнь новой Польши. Рудницкий, безусловно, принял народную власть, однако однозначной политической позиции, по мере возможностей, старался не занимать — для этого он был, пожалуй, слишком экзотичен и недаром пользовался репутацией Нарцисса (и одновременно Дон Жуана). За исключением одного единственного рассказа, представляющего в ложном свете катынскую трагедию, он тогда не написал ничего, за что впоследствии ему было бы стыдно. Через период сталинизма и соцреализма Рудницкий, как мало кто из польских писателей, прошел не замаравшись. Написанные им в послевоенные годы рассказы из цикла «Эпоха печей», собранные в солидный том «Живое и мертвое море», по сей день принадлежат к числу классических, прекраснейших страниц литературы о Катастрофе. Свою главную тему Рудницкий — Иеремия XX века — не оставлял до конца жизни, только со временем стал искать все более метафорическую, приближенную к параболе или притче форму, явно отсылающую к библейской, каббалистической и хасидской традиции: его произведения некоторым образом схожи с миниатюрами Франца Кафки. Незачем добавлять, что с нарастанием герметичности параболических текстов Рудницкого сужался круг его читателей. Популярность, честно говоря, он завоевал благодаря своим ранним рассказам, в которых не стеснялся лиризма, переплетая, впрочем, тему любви с темой страдания. Я бы даже рискнул сказать, что Рудницкого-писателя больше всего ценили за произведения, посвященные Катастрофе, в особенности те, где он с большим психологическим мастерством описывал любовные страдания. Эти два направления, впрочем, редко выступали в его творчестве в чистом виде.

Была у него еще одна тема: искусство. Назначение искусства и призвание художника. Игра Истории с искусством. Самым главным для Рудницкого всегда была литература, но у него есть незабываемые страницы о театре, да и о кино тоже. В свое время варшавские актеры мечтали, чтобы об их ролях написал Рудницкий. Но он не занимался театральной критикой, брался за перо из любви, то есть писал, когда хотел и о чем хотел. И оставил нам не рецензии, а прозу, в которой искусство слова воздает почести искусству театра. Для этой особого рода прозы он изобрел особую форму и назвал ее «Голубые странички». Это была форма-гибрид, объединяющая дневниковые записи с эссе, лирические признания с фельетоном, поэтическую прозу с публицистикой, афоризм с острым словцом. «Голубые странички» регулярно печатались в популярном еженедельнике «Свят» с середины 50-х вплоть до — сыгравшего важную роль в польской новейшей истории — 1968 года, когда еженедельник закрыли. Вперемешку с новеллами и рассказами они складывались в отдельные сборники — таких сборников Рудницкий опубликовал более десятка.

Форма-гибрид позже породила еще одну форму, ставшую блестящим образцом поэтики фрагмента. Это были записи — наполовину дневниковые, наполовину эссеистические, импрессионистски-философские, очень личные, нарочито субъективные и прихотливые, формально несвязанные, если не сказать небрежные, растянутые до размеров отдельной книги в сто пятьдесят — двести страниц. Последнее десятилетие в жизни Рудницкого принесло три таких книги-портрета, по сути являющихся зыбким автопортретом, составленным из обрывков и обломков. Это «Строптивый варшавянин» (в центре которого — поэт Антоний Слонимский), «Театр всегда живой», посвященный знаменитой еврейской актрисе Иде Каминской, и «Сто лет назад умер Достоевский».

Достоевский был любимым писателем Рудницкого, и он открыто писал о своем увлечении, попутно формулируя — не в первый и не в последний раз — собственное кредо: «Единственный жанр искусства, который не боится времени, — это доведенное до крайности переживание. *Искать страдания* — эта цель Достоевского выше цели Толстого *искать правду*, которая изменчива, про которую не известно, есть ли она. (...) В доведенных до крайности переживаниях, в страдании и радости проявляется прекраснейший облик человека, который также — прекраснейший облик искусства».

У заметок о Достоевском своя история. Впервые они были опубликованы в виде ответов на опрос, который ежемесячный журнал «Знак» провел по случаю столетия со дня смерти Достоевского, но со временем разрослись, и автор в виде книги представил их в издательство. Писались эти заметки в бурную эпоху «Солидарности», когда тиски цензуры ощутимо разжались. Рудницкий, который с начала 70-х по семейным обстоятельствам часть года проводил в Варшаве, а часть — в Париже, наблюдал за развитием событий после августа 1980-го отстраненно (что всегда было ему свойственно), с осторожностью человека, достаточно проницательного, чтобы не любить власть, но при этом достаточно умного и опытного, чтобы открыто ее не раздражать. Учитывая все это, можно сказать, что Рудницкий всегда был скептиком, никогда не был оппозиционером и охотнее всего занимал позицию аутсайдера. Однако в записках о Достоевском он рискнул проявить отвагу — во всяком случае, высказывался смелее, чем обычно. Но еще до того, как книга была отправлена в печать, в стране ввели военное положение, и на пути нового произведения Рудницкого возникли препятствия. Один из высоких партийных чиновников, отвечавший тогда за культуру, на совещании издателей заявил, что цензура запретила книгу Адольфа Рудницкого «Сто лет назад умер Достоевский», изобилующую «антисоциалистическими рассуждениями, имитирующими философскую значительность».

Этим дело не кончилось. Кто-то извлек рукопись из государственного издательства и в 1984 году опубликовал в одном из многочисленных тогда подпольных издательств, снабдив напечатанные на стеклографе экземпляры ритуальной формулой: «Издано без ведома и согласия автора». В данном случае это, по-видимому, было правдой. Я тогда переписывался с Адольфом Рудницким и в одном из писем с восторгом сообщил ему, что «Достоевский» вышел в самиздате. Из Парижа пришел ответ, в котором Рудницкий выражал свое изумление и даже неудовольствие; можно было подумать, что нелегальное издание помешало ему вести какую-то свою игру с властью.

В конце концов цензура сняла запрет, и книга «Сто лет назад умер Достоевский» была официально опубликована в середине 1989 года. Потенциальные читатели в то время были заняты строительством свободной Польши. Рудницкий скептически наблюдал за всеобщим энтузиазмом. В ноябре следующего года он скончался. Его смерть, как и его книга о Достоевском, осталась незамеченной.

ДУМАТЬ НАД КАЖДЫМ СЛОВОМ

Беседа с Ксенией Старосельской, лауреатом премии «Трансатлантик»

Ксения Старосельская, которая только что получила очень важную и престижную польскую премию «Трансатлантик», была гостьей Натальи Ворошильской в студии Русской службы Польского радио. Премию «Трансатлантик» присуждают выдающимся переводчикам, издателям, т.е. популяризаторам польской литературы за рубежом, и уж кто-кто, а Ксения Старосельская в России действительно сделала и делает очень много.

— Я не буду притворяться, что мы видим друг друга в первый раз, — мне просто странно было бы разговаривать с тобой официально, мы же знакомы очень давно, и именно с этого я хочу начать.

Не помню, была ли это наша первая встреча, но наверняка одна из первых: мы вместе пошли в кино на фильм Марека Пивовского...

— ...«Рейс».

— Теперь его называют не иначе как «культовым». Тебе его посоветовал мой отец, а я тогда была школьницей и не сомневалась, что этот фильм обязательно надо посмотреть.

— Когда я познакомилась с твоими родителями в 67-м, ты была совсем еще девочка. В кино, наверно, уже ходила, но скорее на детские фильмы.

— То есть это была наша первая «взрослая» встреча — я имею в виду себя. Для меня тогда Ксения Старосельская была человеком, который очень внимательно следит за всем, что происходит в Польше, в польской культуре, не только в литературе, но и в кино. А как все это началось?

— Моя дружба с польской литературой и с Польшей, да? Довольно спонтанно. Надо учитывать, что моя юность, студенческие годы пришлись на период оттепели в Советском Союзе. Это 56-й и последующие годы, когда для нас — советских граждан — немножко приоткрылся мир и Польша играла роль того самого окна, через которое мы в этот мир заглядывали. Мало того, что все набросились на польские журналы, которые тогда, как и книги, можно было купить в книжном магазине «Дружба» в центре Москвы, — мы также впервые услышали польский джаз и увидели польские плакаты. Те, кто умел читать по-польски, читали переводы западных писателей, недоступных в то время в Советском Союзе. А в Польше они существовали. Так что Польша, можно сказать, была в центре внимания, во всяком случае молодежи. А для меня лично все началось с того, как я в первый раз увидела вживую картины французских импрессионистов. Были открыты запасники наших музеев, и в Манеже в 56-м году впервые были показаны наши замечательные собрания. Меня это страшно увлекло. И вдруг я увидела то ли у мамы, то ли у тети, короче, в собственном доме, книжку французского автора Анри Перрюшо о Тулуз-Лотреке на польском языке. Мне безумно захотелось ее прочитать. Мама и тетя читать мне ее отказались, сказали, чтобы я прочла сама. Они родились в Лодзи, в детстве были двуязычными, а потом, полвека спустя, моя тетя вспомнила язык и стала переводить с него, и была замечательной переводчицей — Юлия Мирская, очень известная и очень любимая в Польше. И очень любившая Польшу. Так вот, с их помощью, я прочла книгу на польском языке. С тех пор и началось мое увлечение Польшей.

— Интересно, Польша — посредством французских импрессионистов.

— Да, такой вот неожиданный поворот.

— Ну, а как случилось, что ты стала переводить?

— Мне всегда нравилось заниматься языками. У меня явно были гуманитарные способности, однако родственники считали, что необходимо иметь нужную и надежную профессию. «А книжки ты можешь читать всегда, занимаясь чем угодно», — говорили они мне. Я была послушной девочкой, поэтому поступила в химический институт и училась в нем, но признаться, без особого энтузиазма. Хотя институт закончила и даже четыре года работала в лаборатории. Между прочим, я прекрасно помню, что первые мои переводы относятся примерно к четвертому классу школы, когда я учила дома английский и мы по истории проходили Робин Гуда. А я читала со своей учительницей детскую адаптированную книжечку о нем. И потом, приходя в класс, на уроках истории рассказывала, что я там прочитала. Это считалось внеклассным чтением. Я даже что-то записывала. Так что переводчиком я стала действительно довольно давно *(смеется)*. Но меня всегда к этому тянуло. Когда я начала более или менее прилично читать по-польски, конечно же, мне показалось, что я владею языком, и я решила начать переводить. И однажды в какой-то польской газете, а может быть, в небольшом сборнике, нашла рассказ Анджея Шипульского «Brzuch» («Живот»), перевела его, отнесла в приложение к «Известиям» — еженедельник «Неделя», где этот рассказ был напечатан к великой моей радости и гордости. Дело было в 1963 году, и это была моя первая публикация.

— Ну и с тех пор, с первого рассказа Шипульского, писателей на твоем счету уже несколько десятков, да?

— В общей сложности, наверно, да. Кого-то я переводила больше, кого-то меньше.

— Ты принадлежишь к числу переводчиков, которые переводят почти исключительно — а уж прежде всего, это точно — таких писателей, которые тебя заинтересовали, а не по заказу. Возможно ли заниматься только тем, что любишь?

— Думаю, мне повезло в жизни. Я действительно занимаюсь тем, что люблю. И даже, как правило, особенно в последние годы, сама предлагаю издательству какие-то книги, издательство соглашается, и я их перевожу. Т.е. выбор полностью мой. Но даже раньше, когда я еще только начинала и получала какие-то предложения: это мог быть сборник молодых переводчиков или какая-то книжка, которую почему-то понадобилось очень срочно перевести и к работе над ней подключали еще не очень известных переводчиков (так я несколько книг перевела с кем-то совместно), — каждый раз это были книги, которые мне нравились. Поэтому я всегда получала — и продолжаю получать — удовольствие от того, что делаю.

— С чем мы, конечно, все в Польше тебя поздравляем и чему мы очень рады. Переводы — это только часть твоих заслуг перед польской литературой. Ты ведь долгие годы работаешь в редакции «Иностранной литературы» и там тоже не забываешь о Польше?

— В журнале я занимаюсь главным образом американской литературой. Но и польской тоже. Постоянно!

— Ты также ведешь польскую серию НЛО.

— Издательство НЛО с 2003 года издает серию, которая называется «Современное европейское письмо». В ней есть как бы подсерия — Польша, новейшая польская литература. Основана она была не мной, составителем и редактором была Татьяна Изотова, а с конца 2005 года я ее сменила. Мы хотим показать российскому читателю, что сегодня происходит в польской литературе. И издательство предоставляет составителю полную свободу. Причем, если вначале это была в основном литература художественная, то в последнее время в серии появляются документальные книги и публицистика. Мне кажется, что, если мы говорим о «современном польском письме», обойти это никак нельзя. В Польше всегда была сильна публицистика, репортаж, и сейчас эта ситуация сохраняется. Что обязательно нужно показать.

— У меня есть несколько книг из этой серии, может, около десяти.

— Сейчас их уже больше — я думаю, общее число приближается к двадцати. Некоторые, как мне кажется, должны заинтересовать нашего читателя. Сейчас вот-вот выходит «Валтасар» Мрожека. Поскольку российский читатель Мрожека прекрасно знает и знает с разных сторон: как драматурга, как

автора коротких рассказов, — то теперь очень уместно представить его автобиографию. Эта последняя написанная Мрожеком книжка должна появиться в начале осени. Кроме того, мы как бы отдаем долг Рышарду Капустинскому, которого при жизни в России, к сожалению, печатали мало. Разные издательства теперь выпускают его книги. Я включила в серию НЛО «Путешествия с Геродотом» (они вышли в июне).

— Да, хороший литературный репортаж у нас считается вполне достойным названия «художественная литература». Я говорю не только о Капустинском, чьи произведения, вне всякого сомнения, принадлежат к высокому литературному жанру. Некоторые репортажи регулярно участвуют в гонке за самые важные литературные премии, как, например, премия «Нике».

— Должна сказать, что в конце года или в самом начале следующего в НЛО выходит «Готтленд» Щигела.

— Я как раз об этой книге и думала. Есть еще одно подтверждение тому, что ты заботишься о судьбе польской литературы в России, — ты также воспитываешь переводчиков.

— Я стараюсь объяснить и показать начинающим переводчикам, что такое перевод художественной литературы. И не только показываю — кое-что конкретное мы уже сделали. Наш семинар, который называется «Семинар молодых переводчиков», работает уже шесть лет. Некоторые его участники успели «вырасти» и стать вполне самостоятельными. Но мы не расстаемся и выпустили уже несколько книг, несколько сборников.

— Например?

— Вот только что мы отдали в печать книгу «Раса хищников», которая выйдет очень скоро. Это фельетоны Лема, которые он в последние годы перед смертью регулярно печатал в «Тыгоднике повшехном». Теперь они выходят отдельной книжкой в издательстве АСТ, которое вообще выпускает его полное собрание сочинений. Книга, которую мы сделали, станет очередным томом этого собрания. А за все время существования семинара мы подготовили к печати (они уже изданы) сборники рассказов Корнеля Филиповича, Ольги Токарчук, Ежи Сосновского, Юзефа Хена. Хорошие книги.

— Да, есть чем похвалиться, конечно. Эти семинары начинались, я помню, в Польском культурном центре.

— Да, московский Польский культурный центр их организовал и поддерживает нас, помогает с изданием книг. Мы всё собираемся придумать семинару какое-то название, чтобы подписывать им наши общие сборники.

— Я думаю: «Школа Ксении Старосельской».

— Девочки даже это предлагали, но нет, мне неловко... А, забыла сказать, что мы издали сборник «Польские трупы». Это детективные рассказы, написанные разными авторами, причем необязательно прозаиками: один из них, например, — Петр Братковский [поэт и публицист]. Есть там и Иоанна Хмелевская. И Рафал Групинский, который, по-моему, теперь у вас министр или какой-то чиновник. В общем, собраны самые разные авторы, которые вдруг взяли да попробовали, кое-кто впервые, написать детектив. А мы этот сборник перевели и издали. Это было забавно.

— Да, сейчас вообще многие «серьезные» польские авторы стали специализироваться в детективах — и книги пишут хорошие, увлекательные. Например, Марек Краевский. Впрочем, и в России наблюдается подобное явление.

— У нас опубликованы две книжки Краевского.

— Премия «Трансатлантик» сейчас, наверно, самая значительная, но ты уже раньше успела получить много польских премий за популяризацию и перевод польской литературы?

— Да, у меня есть премия ПЕН-клуба, премия ЗАИКСа [агентства по охране авторских прав] и есть кавалерский крест ордена Заслуги.

— До «Трансатлантика» главной, наверное, была премия ПЕН-клуба.

— Пожалуй, но это разного рода премии. Если премия ПЕН-клуба — знак признания коллег за чисто литературную деятельность, то «Трансатлантик» также и за деятельность просветительскую, популяризаторскую. Вероятно, так следует сформулировать. Так что охват несколько шире.

— Кроме твоей работы на этом поприще, кто еще в России занимается переводом с польского?

— В России одно время было много замечательных переводчиков с польского. Увы, это уходящее поколение: мои ровесники или люди чуть старше, но они не порывают с польской литературой. В первую очередь назову супругов Наталью Астафьеву и Владимира Британишского, они очень немолодые люди, однако продолжают активно работать, много делают именно для популяризации польской литературы. У них выходит книжка за книжкой, одна другой лучше. А кроме них мой коллега, друг и замечательный переводчик, а также поэт и прозаик Асар Эппель, с которым мы одновременно получили премию ПЕН-клуба. Кстати, мы с ним вместе переводили когда-то Сенкевича. А вообще он большой мастер перевода. И только что выпустил двуязычный сборник стихотворений Виславы Шимборской, куда вошли все его переводы. Много переводит на русский язык (хотя и живет далеко от Москвы) и пишет о польской литературе Наталья Горбаневская. Это старшее поколение. А более молодые... Тут надо назвать Андрея Базилевского, издателя и переводчика. Каким-то образом ему удается постоянно издавать польских авторов. У него есть маленькое издательство, и часто совместно с другими издательствами он выпускает очень хорошие книги. Например, опубликовал несколько томов Виткация, что просто замечательно. И далось ему это нелегко. Он также переводит и публикует современную польскую поэзию. Вот он — активно работающий представитель уже гораздо более молодого поколения. Вероятно, его ровесник — Юрий Чайников, наш «главный» переводчик Гомбровича, но и современных авторов тоже. Большого количества имен, к сожалению, назвать не могу. Много хороших прозаических книг в последние годы перевела Ирина Адельгейм, она же автор серьезных литературоведческих работ — и принадлежит к уже следующему после Базилевского поколению.

— И будем надеяться, что среди участников твоего семинара есть такие переводчики, которые останутся в этой профессии и многое еще сделают. Из всего того, о чем мы уже поговорили, я полагаю, можно сделать вывод, что русский читатель, если ему это интересно, имеет возможность следить за тем, что происходит в польской литературе. Так ли это?

— В общем, да. Конечно. Мне кажется, что некая довольно представительная картина для нашего читателя, для того, кому это действительно интересно, безусловно складывается. Не знаю, считают ли ее в Польше удовлетворительной... тебе виднее. А вот меня в Польше ждал очень ценный сюрприз. Вчера я получила подарок от Адама Поморского. Поморский — «человек-оркестр», он делает необыкновенно много и переводит литературные шедевры не только с русского языка, популяризирует не только русскую литературу. На этот раз он мне вручил совершенно замечательную, красиво изданную, огромную книгу, в которой собраны все его переводы Анны Ахматовой [рецензию на книгу и отрывок из нее см. в «Новой Польше», 2008, №2. — *Ред.*]. Книга снабжена подробным комментарием, его послесловием, какими-то сносками, пояснениями, то есть для человека, который хочет понять, что такое Анна Ахматова, ничего лучше нет. Я бы хотела видеть такой том по-русски. У нас у всех ее стихи на слуху, но вот получить подобное обстоятельное издание, по-моему, было бы очень ценно и для нашего читателя.

— Да, Адам Поморский то же самое сделал уже с Хлебниковым. В двух томах выпустил.

— И это прекрасно. Где ж еще такое увидишь?

— Давай вернемся к твоим авторам — польским. Мы уже выяснили, что ты переводишь то, что любишь, поэтому, наверно, у тебя завязываются дружеские отношения с авторами. Иначе было бы гораздо труднее работать. Или дружить.

— Да *(смеется)*. Безусловно. Тут я позволю себе похвастаться. Какие-то отношения у меня существуют, пожалуй, со всеми моими авторами, потому что, как только я начинаю переводить, начинаю влезать в шкуру автора, у меня, конечно же, возникает множество вопросов. Мне хочется понять до конца каждую его мысль, каждую аллюзию, ассоциацию, но не всегда удается сделать это самостоятельно. Поэтому я задаю автору вопросы, и неизбежно какие-то отношения возникают. Часто такие формальные, деловые отношения перерастают в дружеские. Я очень горжусь своей дружбой с несколькими замечательными польскими писателями.

— Да, и тут я как участник церемонии вручения премии «Трансатлнтик» могу сказать, что не все, конечно, смогли на нее приехать, но там были прочитаны два прекрасных письма от твоих авторов: Тадеуша Конвицкого и Тадеуша Ружевича.

— Они хотели приехать, но им было трудно это сделать. Я была очень тронута — это замечательные, теплые письма и, не сомневаюсь, абсолютно искренние.

— Это точно. Недавно я по твоей просьбе хотела взять интервью у Тадеуша Конвицкого. Дело было так: я ему позвонила, объяснила, о чем речь, сказала, что Ксения Яковлевна просит... и первый ответ был: нет, у меня нет сил, я не могу. Что ж, нет, так нет. Я, конечно, понимаю... Но через два дня Конвицкий сам мне позвонил и сказал, что его мучают угрызения совести и что Ксении Яковлевне он отказать не может. Ну, для Ксении всё! И пригласил меня к себе.

— *(Смеется.)* И я очень благодарна тебе, Наталья, потому что ты не только поговорила с ним от моего имени, но задала также свои вопросы, и потом, когда я писала о Конвицком для польского номера журнала «Историк и художник», включила туда это интервью. Очень интересный, кстати, номер. Я очень рада, что там есть такая, как бы наша с тобой общая, беседа с паном Тадеушем, который не так уж часто дает интервью.

— Да. Я этот номер только вчера в первый раз увидела, мы (т.е. Русская служба Польского радио) о нем делали отдельную передачу, но вчера мне стало известно, что я тоже участница этого номера. Что было, конечно, очень приятно.

— А как же! Благодаря тебе я услышала его голос, его слова, все это было записано, включая и твои вопросы. Я только записала и отредактировала текст. Это наш общий труд!

— А возвращаясь к авторам: не буду, конечно, спрашивать, с кем ты больше дружишь, а с кем меньше. Это личные вопросы. Но если о книгах: какой из своих переводов ты любишь больше всего?

— Все люблю. Никогда не могу ответить на этот вопрос. Это правда, я не кокетничаю, я люблю все, потому что перевожу то, что мне нравится. Работая над любыми книгами, я к ним очень привязываюсь. Всегда бывает жалко с ними расставаться. А потом я берусь за следующую книгу и ее очень люблю.

— А есть переводы, которые ты считаешь самыми удачными?

— Пожалуй. Может быть, это был не самый удачный мой перевод, но все равно для меня это было огромное достижение. Случилось так, что я много переводила деревенских писателей, и первыми в этом ряду стали «Черти» Тадеуша Новака. Повторю, перевод, возможно, был не очень удачным, но следующая его книжка, «Пророк», которая написана ритмизованной прозой, вдруг из меня как будто вылилась. Я его переводила по какому-то наитию, будто без участия ума. И еще как-то очень легко из меня выскочил «Ханеман» Хвина. Так что, наверно, этими книжками я могу гордиться чуть больше, чем другими, потому что меньше над ними работала, как-то они мне легче дались — и, говорят, получилось неплохо. Почему так — не знаю. Может быть, просто был такой «плодотворный» период в моей жизни. Но это не значит, что я их люблю больше, чем остальные.

— Это называется вдохновение. Переводчик — он ведь тоже творец. А что было наоборот — самым трудным?

— Очень трудно было переводить Сенкевича. Это единственный мой экскурс в классическую литературу, и должна сказать, что я совершенно не стремлюсь повторить этот опыт. Хотя работать было безумно увлекательно, безумно интересно, но и очень трудно: я не сразу нащупала нужный стиль, так сказать, «двойную» стилизацию. Ведь надо учитывать, что о событиях XVII века Сенкевич пишет языком конца XIX — начала XX столетия, стилизуя, может быть, не слишком явственно, и тем не менее.... Все равно понятно, что это написано не современником героев. И тут я в конце XX века начинаю переводить Сенкевича, который писал свой роман почти сто лет назад, о событиях, которые были триста лет назад! Безумно сложная система. И влезть в нее было очень трудно.

— А как вы разделили работу над «Огнем и мечом»? Ты ведь переводила эту книгу вместе с Асаром Эппелем.

— Разделили работу мы вынужденно. Роман нужно было перевести очень быстро, в издательстве уже начало выходить девятитомное собрание сочинений Сенкевича. Эппелю заказали перевод. Было понятно, что за год один человек перевести два тома не сможет. И Асар предложил мне второй том — он переводил первый. Мы работали параллельно. Все время совещались, все время что-то об-

суждали. Не говоря о том, что имена и реалии должны были у нас совпадать, обсуждения постоянно требовали и какие-то конкретные стилистические вещи. А потом, уже когда тексты были готовы, мы друг друга прочитали и немножко подредактировали. Так что работали дружно и сплоченно.

— Вернемся к началу нашей беседы. Расскажи чуть больше о своих учителях.

— Да, с большим удовольствием. Повторю, что мама и тетя в детстве были двуязычными, потом они переехали из Лодзи в Москву и постарались от польского языка избавиться — прежде всего от произношения, хотя твердое «л» у обеих осталось до последних дней. Много лет спустя, просто в силу обстоятельств, тетя занялась переводами с польского, хотя до этого переводила с английского, французского. А вообще она работала в газете. Ей я обязана, во-первых, знанием языка — ей и маме поровну, но мама не была профессионалом, а тетя была, — а во-вторых, муштрой. Первые, пожалуй, десять лет я каждый свой перевод приносила и читала вслух сначала моей тете, а потом, после ее смерти, ее мужу Александру Мацкину, который не знал польского языка (он был театровед), но был блестящим стилистом. И если тетя, человек очень сдержанный и тактичный, просто что-то мне объясняла, поправляла и наставляла на верный путь, то с дядей у нас происходили бурные стычки: иной раз мы кричали друг на друга до хрипоты, и я с чем-то нагло не соглашалась. Но он меня и вымуштровал, он научил меня думать над каждым словом, что я прежде делала не всегда... (И сейчас я учу этому своих учеников.) Так продолжалось, наверно, до середины. Потом я начала переводить деревенских писателей, и эта проза от Мацкина, историка театра, была далека, так что пришлось мне продолжать плаванье самой, но к тому времени я уже многому научилась и увереннее себя чувствовала. Кроме того, тете и дяде я обязана своими первыми польскими дружбами, и в первую очередь, Наташа, дружбой с твоими родителями. В 67-м я приехала на месяц в Польшу. Это было уже после смерти тети, и дядя дал мне письма к некоторым, самым близким их друзьям. А они очень дружили с твоими родителями. И первый дом, в который я пришла в Варшаве, был ваш дом. Меня там встретили так тепло, окружили такой любовью, что Янка и Виктор Ворошильские уже навсегда вошли в мою жизнь, и поэтому тебя я считаю просто своей родственницей.

— Спасибо.

— Но не только поэтому. У тебя есть свои заслуги. Вначале Наташа была девочкой, дочкой моих друзей. Но потом, еще при жизни родителей, мы подружились, и так уж у нас все это срослось.

— Да, к тому же совместный поход на «Рейс» не мог остаться без последствий (смеется). Я даже помню, какой это был кинотеатр... А потом мы встречались и в Москве, в частности, в те годы, когда я там работала замдиректора Польского культурного центра (1993-1997). Ты участвовала во многих мероприятиях центра, так что уже тогда нам приходилось вместе работать. И тогда твой дом был моим родным домом. С тех пор мы регулярно встречаемся в Варшаве и Москве. А сейчас в первый раз встретились в Кракове по случаю премии «Трансатлантик», с которой я еще раз тебя поздравляю.

— Кажется, я всю свою жизнь рассказала...

— Нет, я чувствую, что много еще осталось. Но что-то стоит оставить на следующий раз. А напоследок мне очень хочется спросить — хотя, возможно, это не совсем уместно, — что ты сделаешь со своей премией, потому что, к счастью, это не только престиж , но и деньги...

— *(Смеется.)* Надо сказать, что я немножко ошеломлена, никогда в жизни такой суммы в руках не держала и никогда таких гонораров не получала. Поэтому я чувствую себя необыкновенно богатой, и мне очень хочется в первую очередь купить всем моим друзьям и близким какие-то подарки. А в Москве, может быть, я поучаствую в каком-нибудь мероприятии нашего журнала. Нам трудно живется, журнал «Иностранная литература» очень небогатый, и разные мероприятия проводить нам нелегко, да и разные интересные идеи воплощать тоже трудно. Возможно, я чуть-чуть смогу в чем-то своей редакции помочь.

— Да, насчет того, что Ксения делает с деньгами и как в этом «участвуют» ее друзья, я могу кое-что сказать, поэтому, боюсь, что до Москвы доедет уже далеко не всё...

— Но это же так приятно — думаю, это просто составная часть премии.

Беседу вела Наталья Ворошильская

Мацей Новак

МОСКОВСКАЯ ВАРШАВА

Сколько российских следов осталось в польской столице?

Когда недавно отмечали годовщину Варшавского восстания, я не мог избавиться от впечатления, что уже участвовал в очень похожих торжествах. Цветы ветеранам-фронтовикам, возвышенные речи храбрецов-политиков, молебны за отечество, концерты для толп молодежи, воздающей почести героям, фронтовые песни, дружно распеваемые на улицах. Были ли это попросту реминисценции с прежних повстанческих торжеств? Нет, в аналогичной атмосфере патриотического поп-пикника я уже провел в этом году день 9 мая. Только не в Варшаве, а в Москве. Что же связывает эти два города? Варшава стала московской или наоборот?

Разумеется, трудно сравнивать масштабы. Там только перед эстрадой на Поклонной горе собралось два миллиона молодежи, а по Тверской в парадном строю проехали тысячи танков, бронетранспортеров и БМП, ракет и самолетов. Впрочем, у нас тоже не забывают по-военному напрячь мускулы. Зато, не считая этих отличий, что ни шаг — то аналогия. В Варшаве волонтеры раздавали прохожим бело-красные флажки с якорем сражающейся Польши [эмблемой Армии Крайовой], а в Москве все носили черно-желтые георгиевские ленточки. У нас — полевые кухни с армейским гороховым супом, у них — фронтовая тушенка с кашей, которую к радости подростков подавали в книжных магазинах и клубах. У нас — «Мокотовский марш», который пели прохожие на площади Пилсудского, у них — «Катюша» и «Московские огни» в скверике у Большого театра.

➤ Ворота в Россию

Мало кто осознаёт, что и в будни Варшава — тоже очень русская. Да и чему тут, впрочем, удивляться, коль скоро в течение ровно ста лет она была четвертым по величине городом Российской империи. Здесь, на левом берегу Вислы, оканчивались железнодорожные пути с западноевропейской шириной колеи. Чтобы продолжить путешествие, надо было пересечь реку и сесть в вагоны, которые катились по широким имперским рельсам. Для приезжих из Западной Европы Варшава была воротами в Россию.

Однако сегодня отыскать тут следы правления Романовых — не самая простая задача; это особая география, доступная исключительно посвященным. Обычный турист, а часто и местный житель не заметит этой карты. Петр Пашкевич, один из первых польских исследователей, занявшихся русским искусством Варшавы, сравнивал его вытеснение из сознания с судьбой еврейского наследия. Русскую старину и ее памятники не замечают, не включают в путеводители, пренебрегают ими, однако это существенная часть варшавского колорита. У поляков есть склонность подкраивать свое прошлое под националистически-патриотические мифы. Между тем русская культура — тоже часть нашей истории и нашей современности. Русские жили и живут среди нас.

Обратите внимание на недавно отреставрированную настенную рекламу петербургского Литейного завода на улице Эмилии Платер. Или попробуйте в громаде нынешней гарнизонной евангелической кирхи на Пулавской опознать следы бывшей Петропавловской церкви, построенной для Кексгольмского лейб-гвардейского полка. Присмотритесь к кафедральному собору Польско-Католической Церкви на ул. Подхорунжих — не кажется ли вам, что ему чего-то не хватает? В начале 1920-х с него сняли купол, так как первоначально это был православный храм преп. Мартиниана, принадлежавший лейб-гвардейскому уланскому полку. Русская Варшава продолжает существовать, хотя и глубоко скрыта от неопытного глаза.

> Царский Варшавский университет

Особенно любопытно выглядят следы российского пребывания, относящиеся к 1815-1830 гг., когда после Венского конгресса Александр I, «царь польский», пытался расположить к себе подданных либеральным стилем правления и раздачей денег из казны. С его согласия в 1816 г. был создан университет, названный Александровским, возведены монументальные общественные здания архитектора Антонио Коращи на Банковской площади (дворец Государственной комиссии приходов и казны, дворец Министров казначейства, Дисконтный банк) и на Театральной площади (Большой театр). О временах тогдашнего в меру уживчивого и слаженного сосуществования российской власти с польским обществом напоминают также произведения Якуба Кубицкого (аркады Королевского замка, варшавские городские заставы) и Христиана Петра Айгнера (дворец наместника, костел св. Александра). В это же самое время царь за круглую сумму в миллион злотых купил у наследников Станислава Августа варшавский дворец Лазенки и сделал его резиденцией династии, одновременно распорядившись, чтобы парк вокруг дворца был общедоступным для варшавян.

После восстания 1830 г. российские властители пережили сильное разочарование в поляках. Великий князь Константин не мог поверить, что против него выступили солдаты из его любимых полков, и, сломленный, умер по пути из Варшавы в Петербург. Реакция других российских функционеров уже не носила настолько гамлетовского характера, а повстанческий штемпель, проставленный на непокорном городе, был весьма отчетлив. Собственно говоря, на градостроительство в Варшаве вплоть до сегодняшнего дня влияет решение Николая I о возведении цитадели, которая должна была остужать мятежные настроения жителей. Свою эффективность она доказала в период восстания 1863 г., но заодно еще и полностью приостановила развитие города в северном направлении.

Однако не все российские нормы, действия и постановления порождали скверные ассоциации. На берегах Вислы пользовался симпатией русский генерал Сократ Иванович Старынкевич, президент города в 1875-1892 гг. (отрывки из дневника Старынкевича и статью о нем см. «Новая Польша», 2004, №10. — *Ред.*). Он был настоящим бароном Османом тогдашней Варшавы. В его времена расширили, замостили и осветили улицы, привели в порядок градостроительные планы, построили легендарные фильтры Линдлея в системе городского водопровода и газовый завод в варшавском районе Воля, разбили многочисленные парки, а также устроили кладбище в другом варшавском районе, Брудно; кроме того, была возобновлена деятельность Императорского Варшавского университета. Память о Старынкевиче не исчезла — его фамилию носит площадь в центре города, а на территории водопроводных фильтров восстановили его памятник, разрушенный в период оккупации.

В конце XIX в. поляки составляли самое многочисленное национальное меньшинство среди студентов архитектурного факультета Санкт-Петербургского технологического института. Все, кто его окончил, после возвращения в Варшаву постоянно использовали в своей работе то, чему научились в северной столице. Исследователи указывают на многочисленные проявления российского влияния в строительстве Варшавы на рубеже XIX и XX веков. И нынешнее местопребывание архитектурного факультета Варшавского политехнического института, и здание Ипотечного банка, и корпус Государственного сельскохозяйственного банка, равно как и так называемая высотка ПАСТа (Польской акционерной телефонной компании. — *Пер.*) — все они возникли благодаря вдохновению и исканиям, истоки которых восходили к петербургскому Технологическому. Недавние исследования указывают даже, что следы модерна в варшавских доходных домах пришли к нам через Петербург, а не, как считалось до сих пор, напрямую из Вены или Парижа.

> Свиньи в Большом театре

«Belle époque» тоже была временем интенсивных культурных взаимоотношений между Варшавой и двумя столицами России. На сценах варшавских императорских театров выступали самые выдающиеся артисты тогдашней России вплоть до гастролей Художественного театра. Свои картины выставлял здесь, в частности, великий Айвазовский. И, вопреки видимости, ими восхищались не только представители официальной российской чиновничье-армейской колонии. Точно так же, как патриотическим упрощением было и популярное во времена гитлеровской оккупации убеждение, что «только свиньи сидят в кино».

Сегодня меньше всего заметно российское влияние на пейзаж Варшавы в церковной архитектуре. В течение первых десятилетий Царства Польского власти уважали католический характер города. Но после каждого восстания (мятежа, как говорили о них русские) православие вступало на берега Вислы все более смелой поступью, хотя это не означает, что оно пыталось вытеснить Рим. Даже бесславно знаменитый наместник Иван Паскевич финансировал из собственных средств католические костелы, в т.ч. перестройку варшавского кафедрального собора на улице св. Яна (св. Иоанна Богослова).

Но православие набирало силу. Непосредственно перед I Мировой войной в Варшаве действовало уже свыше 40 православных церквей. Самой крупной и представительной среди них был собор св. Александра Невского, возведенный на нынешней площади Пилсудского — точно в том самом месте, где век спустя был установлен папский алтарь. Строительство православного собора было начато в 1894 г. по инициативе варшавского генерал-губернатора Иосифа Гурко. Собор должен был стать знаком вечной принадлежности польских земель России. Освященный в 1912 г., спроектированный, украшенный и оснащенный самыми выдающимися художниками Москвы и Петербурга, он выглядел по-настоящему горделиво и господствовал над всей Варшавой. Это высокомерие и предопределило его судьбу.

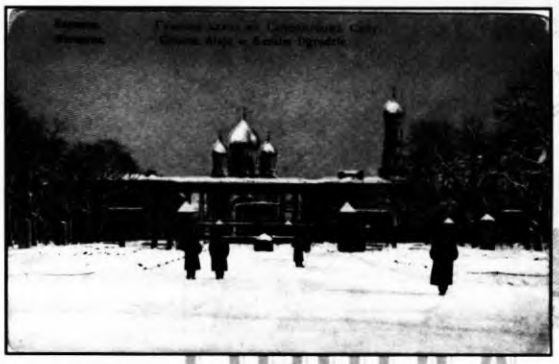
Немедленно после обретения независимости раздались требования снести этот монументальный памятник, оставшийся от захватчика. Не помогли голоса, призывавшие к отрезвлению. Политиков и общественность не убедили ни самые видные архитекторы, ни авторитет Стефана Жеромского. В 1928 г. от собора остались уже только жалкие останки — как и от трех сотен других церквей, ликвидированных в восточной части страны. В межвоенной Польше православие подвергалось многочисленным притеснениям — к примеру, в результате политических интриг был убит варшавский митрополит. В кругах белой эмиграции на Западе даже возник в ту пору Комитет защиты православия в Польше.

> «Русский месяц»*

Склеить макет снесенного собора св. Александра Невского — одна из навязчивых идей Петра Смирнова, героя только что опубликованного издательством «WAB» романа «Русский месяц». Наблюдая за сегодняшней Варшавой, Петр столь же навязчиво задает себе вопрос, почему в антибольшевистской Второй Речи Посполитой разрушали православные храмы, причем как раз в то же самое время, когда в СССР это проделывали большевики. Автор «Русского месяца» — Дмитрий Стрельников, писатель и поэт из России, живущий в Варшаве. Его книга — это бескомпромиссный, утрированный и до боли смешной кавалерийский наскок на польско-российские комплексы и взаимные недоразумения. Бессмысленные и бездумные языковые кальки, исторические стереотипы, хамство в учреждениях по делам иностранцев. Александр I, маршал Конев, Горбачев, советское шампанское и грубые, вульгарные сообщения прессы и телевидения из современной России — вот что образует фон повествования о перипетиях польки и россиянина, которые намереваются заключить брак по церковному обряду. И вот в течение «русского месяца», то есть на протяжении добрых нескольких лет, они не в силах этого сделать. Препятствуют курьезные канонические и правовые постановления, за которыми скрывается неодобрительное отношение польских чиновников и ксендзов к браку католички с православным, европейки с кацапом. Надо углубиться в эту книгу, чтобы понять, насколько сильно картина мира у гражданина Российской Федерации отличается от того, что мы в Польше учим в школах и что представляется нам очевидностью. А ведь это только один из многих возможных исторических и политических нарративов.

Стрельников не пытается затушевать различия. Он их просто объявляет недействительными. Его герой признаётся: «Во время наших встреч (...) мы никогда не разговариваем о том, что нас объединяет и делит. Я имею в виду нас, русских и поляков, — меня, Макса, Стасю и Касю. Для нас ясно одно: все мы ужасно красивые и умные. (...) Словесный поток националистической пропаганды не собьет нас с толку. Мы не слушаем тех, кто хочет нас поссорить, потому что это смешно. Не слушаем мы и

* По-польски «русский месяц» означает неопределенно долгое время. — *Пер.*



тех, кто хочет нас сдружить, потому что это тоже смешно. Зато мы много смеемся. Нам известно, что́ в жизни важно. Мы — граждане вселенной и прекрасно ощущаем в воздухе даже отдельные молекулы тупоумия мирового люмпен-пролетариата. У каждого из нас своя Россия и своя Польша. Инаковость нас не пугает, а поражает (...) потому-то никто нас никогда не спрашивает, почему мы, русские, женились на польках и почему наши жены-польки вышли замуж за русских. Глядя на нас, все понимают, что этот вопрос лишен смысла. (...) Польки — чудесные, а русские — замечательные. Когда смотришь на нас, трудно иметь другое мнение».

На обложке «Русского месяца» Стрельников [в авторской транскрипции — Strelnikoff] поместил замечание: «Эту книгу я должен был написать по-польски». Несколько дней я искал её в книжных магазинах на полках с польскими новинками. Не было ни единого экземпляра. Только после проверки в электронном каталоге оказалось, что «Русский месяц» стоит на стеллажах с зарубежной литературой. Эта книга, написанная прекрасным польским языком, герой которой заявляет: «Россия — моя страна, а Польша — мой дом», — приземляется в отделе иностранной словесности. Не заставляет ли это задуматься, что в начале XXI века русскому все еще трудно найти себе место в пейзаже польской культуры?

Я пользовался публикациями Якуба Левицкого, Петра Пашкевича, Марии Пруссак, Кирилла Сокола, Александра Сосны, Романа Юрыся и Тадеуша Шафара. — *Авт.*

Автор статьи — директор варшавского Театрального института им. Збигнева Рашевского.

wprost

Александра Клих
Юзеф Кшик

ПОЛЯК С АРХИПЕЛАГА ГУЛАГ

Зима 1952-1953 гг. была в Казахстане особенно тяжёлой. Мороз достигал 40 градусов, сугробы — нескольких метров. Зэки лагеря №1 в Экибастузе страдали от голода, их косили болезни. Охрана потеряла контроль над толпой заключенных. «Хочешь кусок хлеба — расскажи, что происходит в бараке», — предлагали они зэкам.

Тех, кто соблазнился, называют стукачами, то есть доносчиками. Если к кому-то прилипла эта кличка — считай, смертный приговор услышал. Рано или поздно он погибнет от рук другого зэка — заколотый ножом или зарубленный топором. Напуганные доносчики упросили начальника запереть их в лагерной тюрьме. Может, здесь они сумеют избежать смерти?

22 января 1953 года охрана увидела, как толпа исхудалых мужчин несётся в сторону тюрьмы.

— Расправиться со стукачами! — орут они.

— Вечером после работы мы были уже всей бригадой в столовой, когда от тюрьмы донеслись крики. Вскоре разнеслась весть, что часть зэков штурмует здание, — рассказывает профессор Ежи Юлиан Венгерский, бывший зэк Экибастуза. Хотя к этому штурму он не имел никакого отношения, его фамилия вошла в историю благодаря Александру Солженицыну, автору «Архипелага ГУЛАГ». — Мы спали в одной клетушке, часто говорили о политике. Солженицын был моим бригадиром, но я знал только, что его зовут Саша. Фамилию его я узнал, лишь вернувшись в Польшу.

Ежи Венгерский и его жена Юзефа

> Мой предок генерал

Микрорайон Тысячелетия в Катовице. Венгерский и его жена Юзефа живут на четвёртом этаже блочного дома. Ему 94 года. Он пенсионер, в прошлом преподаватель Силезского, Варшавского и Краковского политехнических институтов, проектировщик шахт и специалист железнодорожного дела. Щуплый, в жилетке, плохо слышит. Пани Юзефа — низенькая, проворная, красивая женщина.

По стенам гравюры: варшавский Старый Город, Краков, Монте-Кассино. И много книг. Выйдя на пенсию, профессор начал писать работы о деятельности Армии Крайовой на восточных «кресах» (окраинах довоенной Польши). Полтора десятка его работ высоко оценили специалисты.

Детство и юность он провёл во Львове. Среди его предков — поэт Томаш Каэтан Венгерский и генерал Казимеж Пулаский, воевавший в войсках Барской конфедерации, а потом ставший героем американской Войны за независимость.

Самые первые воспоминания? Красивая вилла, много женщин. Отец, инженер, окончивший политехнический, умер до рождения единственного сына. Воспитание? Известно, патриотическое. Дядя — в Легионах Пилсудского, тётка — в Польской военной организации. Во время обороны Львова от украинских войск на рубеже 1918-1919 гг. мать предоставила свой дом на нужды армейского госпиталя. Складывать буквы четырёхлетнего Юрека учили раненые солдаты.

Начало II Мировой войны застало свежеиспеченного инженера по сухопутным и водным коммуникациям, выпускника Львовского политехнического института, на строительстве железнодорожной станции в Закопане. Он вернулся во Львов сразу же, как только смог.

Во время советской оккупации строил дорогу Львов — Ровно, во время немецкой — Львов — Золочев. Его институтский товарищ, до войны польский офицер, привлёк его в АК.

Бюро мастера в Винниках под Львовом стало местом расположения районного штаба АК. Венгерский вербовал в организацию жителей окрестных сёл (ему удалось сагитировать около 400 человек), принимал тонны боеприпасов, обмундирования, которые сбрасывали с самолетов союзники. Мужчина небольшого росточка, который до войны получил категорию «С» (годен к военной службе в условиях ополчения), в конце 1943 г. стал поручиком военного времени. Немцы так и не разобрались, кто у них работает.

Страх?

— Вот уж нет, к страху можно привыкнуть. Важнее было ощущение гордости, что работаешь в подполье, это было почётно. Вы слышите, как это звучит: лесное отделение 14 полка Язловецких улан?

> Два ареста

В июле 1944-го он принимал участие в освобождении Львова от немецкой оккупации. Без поляков советские танки наверняка увязли бы в уличных боях. Как-то раз напротив его отряда появился немецкий офицер, который попытался склонить его к совместной борьбе с большевиками. Было уже известно, что Советский Союз не пойдёт ни на какое сотрудничество с АК.

Но Венгерский отказался, а когда офицер протянул ему на прощанье руку, то он своей руки ему не подал.

— Мы же враги, — сказал он и сухо отсалютовал.

13 февраля 1945 года, в свой тридцатый день рождения, он был арестован НКВД.

За четыре дня до этого НКВД арестовало в городе Эльблонг капитана Красной Армии Александра Солженицына. Предлогом послужило отправленное с фронта письмо другу, в котором автор позволил себе критиковать способ, каким Сталин вёл войну. Солженицына отправили в лагерь.

Венгерского пытали во время следствия — с тех пор он не слышит на одно ухо. Приговорили его к десяти годам лагерей.

Его перебрасывали с места на место и в сентябре 1949 г. он оказался в Экибастузе, на севере Казахстана. Работал на угольной шахте. Там и познакомился с Солженицыным.

> Бригадир, меня не будите

Солженицын так вспоминал первую встречу с Венгерским:

«Иногда на стройке побежишь попросить у заключенного десятника складной метр — замерить надо. Метром этим он очень дорожит, а тебя в лицо не знает, — тут много бригад, но почему-то сразу безоружно протянет тебе свою драгоценность (в лагерном понимании это просто глупость!). А когда ты ему этот метр еще и вернешь, — он же тебя будет очень благодарить. Как может быть такой чудак в лагере десятником? Акцент у него. Ах, он, оказывается, поляк, зовут его Юрий Венгерский. Ты еще о нем услышишь» («Архипелаг ГУЛАГ»).

В последние месяцы жизни Сталина лагерный мир внезапно изменился. Солженицын пишет, что за несколько лет до того никто из зэков и помыслить не мог о забастовке. Любое непослушание немедленно было бы утоплено в крови. И вдруг в 1953 г. в лагерях стали вспыхивать бунты. Один из них произошел в Экибастузе.

Венгерский вспоминает эти события без пафоса.

— В то время вечерняя каша была для нас ценнее, чем желание присоединиться к штурмующим. Мы доедали кашу, когда от тюрьмы донеслись автоматные очереди. Мы попáдали на пол между столами и лавками. Стрельба продолжалась недолго. Наступила тишина, и вскоре кто-то велел нам подняться и возвращаться в барак. Мы быстро шли один за другим, проскальзывая среди притихших бараков.

Забастовки никто не объявлял и никто ею не руководил, во всяком случае не хвастался этим. Венгерский помнит, что в тот вечер все улеглись поздно, вслушиваясь в поступающие новости. На следующее утро до них дошло известие, что в соседнем бараке решили объявить голодовку и не выходить на работу.

Почему? Один из зэков погиб от пули во время обстрела. Он просто лежал на нарах, где его настигла пуля, пробившая деревянную стену барака. Другие зэки решили, что так это дело не оставят.

К удивлению зэков проходили сутки за сутками, а власти лагеря не выгоняли их на работу. Через четыре дня, 26 января, объявили, что вечером всех ожидает обильный ужин. Барак, в котором вспыхнул бунт, решил прервать забастовку. Такое же решение приняли остальные.

— Я был зол, — говорит Венгерский, — что так легко, без борьбы, мы сдаёмся. Ведь речь шла не об одном ужине, а об изменении условий жизни в лагере! Власти могли нам пообещать обильный ужин, ибо сэкономили на наших порциях в течение нескольких дней голодовки. От этой злости я сказал вслух, чтобы все могли меня услышать: «Бригадир, меня не будите, я на ужин не пойду». Я не предполагал, что Солженицын запомнит мои слова и спустя годы приведёт их в своей книге.

«И тут я понял, что значит польская гордость — и в чем же были их самозабвенные восстания. Тот самый инженер поляк Юрий Венгерский был теперь в нашей бригаде. Он досиживал свой последний десятый год. Даже когда он был прорабом — никто не слышал от него повышенного тона. Всегда он был тих, вежлив, мягок.

А сейчас — исказилось его лицо. С гневом, с презрением, с мукой он откинул голову от этого шествия за милостыней, выпрямился и злым звонким голосом крикнул:

— Бригадир! Не будите меня на ужин. Я не пойду!

Взобрался на верх вагонки, отвернулся к стене и — не встал! Он не получал посылок, он был одинок, всегда не сыт — и не встал. Видение дымящейся каши не могло заслонить для него — бестелесной Свободы!

Если бы все мы были так горды и тверды — какой бы тиран удержался?» («Архипелаг ГУЛАГ»).

— Однако голодовка не была столь трагической для меня, как это представил Солженицын, — скромно говорит Венгерский. Он не ел еще несколько дней, нехотя прекратил голодовку, когда ему велели выходить на работу.

Начались репрессии в отношении бунтовщиков. Нескольких расстреляли. Венгерского с группой других непокорных вывезли в каторжный лагерь в Джезказгане.

Здесь он влюбился в Юзефу Гроздей, родом с Виленщины. Это была любовь... по переписке. Она писала письма сидевшему вместе с Венгерским польскому офицеру, старому товарищу ее отца, а Венгерский иногда просил ее кое-что сделать для него на воле. В конце концов он попросил у неё фотографию. Красивая брюнетка в цветастом платье произвела на Венгерского ошеломляющее впечатление. Он перестал начинать свои письма со слов «Глубокоуважаемая пани Зюта», стал писать «Милая, добрая пани Зюта». Было для кого жить.

На свободу он вышел в 1954-м, почти в то же время, что и Солженицын.

> Я узнал его по фотографии

С Зютой они поженились в Караганде, а в Польшу вернулись в 1955 г. в рамках репатриации. Поселились в Силезии, сначала под Гливице, где Венгерский получил работу по проектировке шахт. Он встретил многих своих львовских товарищей по институту, которые теперь работали в Силезском политехническом. Чтобы помолиться за новую жизнь и поблагодарить за спасение, Венгерские отправились в паломничество на Ясную Гору.

Он никогда не вступал в партию.

— Никто даже не предлагал этого мужу, все знали, что он не согласится, — вспоминает пани Юзефа. А сам Венгерский говорит:

— Всё закончилось на попытке уговорить меня вступить в Общество польско-советской дружбы. Я ответил: «После десяти лет советских лагерей я был бы подлецом или дураком, если бы туда вступил».

Начальник отдела кадров в гливицком проектном бюро был недоволен, что Венгерский в биографии всегда указывал, что сидел в лагере.

В декабре 1962 года еженедельник «Политика» начал публиковать с продолжением «Один день Ивана Денисовича».

— Когда я начал это читать, мне и в голову не пришло, что я знаком с автором, — вспоминает Венгерский. — Но меня удивило, что описанная у Солженицын лагерная топография как-то странно напоминает тот лагерь, в котором я сидел. Только когда к третьему отрывку «Политика» опубликовала фотографию Солженицына, меня осенило.

Венгерский вспомнил знакомого по лагерю, симпатичного русского, отличавшегося лучшими чертами старой русской интеллигенции. Деликатного, симпатичного, как из произведений Чехова. В памяти всплыл образ человека, склонившегося над какими-то листочками и старательно что-то записывавшего. Официально это объяснялось так: Саша — ученый, его интересует лагерный язык и он собирает зэковские словечки.

Венгерский написал Александру Твардовскому и попросил передать Солженицыну короткое письмо. Ответа долго ждать не пришлось. Уже 10 января 1963 г. из Рязани в Гливице пришло письмо:

«Дорогой Юрий Юрьевич! Среди сотен писем, которые я теперь получаю, было особенно радостно и приятно получить Ваше. Я искренне Вас любил, часто вспоминал эти годы. Удивительное в Вас сочетание с одной стороны доброты и человеческого расположения, с другой стороны выдержки и чувства чести. Никогда не забуду Вас вечером 26-го января, как Вы отказались идти на ужин. А первого знакомства нашего Вы, наверное, и не помните: вы были десятником на постройке «сто какого-то» жилого квартала, а я работягой и пришел просить у Вас складной метр. И хотя Вы очень дорожили им, а меня не знали — но дали. Спасибо Вам за Ваше теплое поздравление. Жизнь иногда устраивает чудеса — может быть, мы когда-нибудь с Вами еще и увидимся! Мои самые лучшие пожелания Вам и Вашим родным. А.Солженицын».

Писатель прислал ему «Ивана Денисовича» с автографом. Взамен Венгерский послал ему альбом с фотографиями Татр.

После первого письма были и следующие. Переписка с Солженицыным продолжалась до 1968 года. Из попыток встретиться, однако, ничего не вышло, хотя в то время Венгерский несколько раз ездил в Москву и Ленинград в командировки. Он встретился только с тогдашней женой Солженицына, Наталией Решетовской. В 1968 г. Венгерский получил очередное письмо:

«Дорогой Юрий Юрьевич, сердечно Тебя вспоминаю. Не сердись, что так редко пишу. «Много счастья» — так щедро не осмеливаюсь желать, но пусть этот Новый год будет удачным и не слишком беспокойным. Обнимаю, твой А.С.».

Чуда, о котором писал в своем письме Солженицын, не случилось. На пути к встрече бывших зэков встала история.

> Польские «органы» задают вопросы о писателе

Критика сталинизма, которую разрешал Никита Хрущев, закончилась в тот момент, когда новым руководителем СССР стал Леонид Брежнев. Шёл 1964 год. Обстановка вокруг Солженицына накалялась. Официальная пропаганда обвиняла его в том, что он наносит вред образу Советского Союза за рубежом и способствует империалистическим нападкам на завоевания социализма.

В 1965 г. КГБ конфисковал архив писателя. Год спустя был наложен запрет на публикацию его произведений. Распускались слухи, что во время войны он сотрудничал с гестапо. В 1969 г. его исключили из Союза писателей. «Один день Ивана Денисовича» изъяли из всех библиотек. Главным доказательством того, что Солженицын — пособник империалистов, стало присуждение ему в 1970 г. Нобелевской премии по литературе.

В 1974 г., когда на Западе был опубликован «Архипелаг ГУЛАГ», писателя арестовали и выслали. Венгерский потерял всякую надежду на встречу со старым другом — депортированный из СССР не имел права въезда ни в одну страну коммунистического блока.

Однако изгнание Солженицына привело к тому, что «Архипелаг ГУЛАГ» начали читать на радиостанции «Свободная Европа».

— Ну и вскоре знакомые стали сообщать мне, что по радио обо мне говорят, — рассказывает Венгерский.

Тогда профессором заинтересовались польские органы. От него добивались ответов на вопросы, есть ли у него контакты с Солженицыным, знает ли его адрес. Подслушивали телефонные разговоры. В конце концов стали нажимать, чтобы он стал сексотом. Он отказывался.

В своих воспоминаниях он написал, что встречи с офицерами, хоть и вынужденные, «лежат бременем на его совести».

Венгерский принял участие в движении «Солидарность». Во время военного положения работал в комитете епископа Херберта Бедножа — помогал интернированным, среди которых был и его сын, Анджей.

— Из «Солидарности» я вышел только тогда, когда Валенса развязал войну в верхах, — вспоминает он.

> Не тот уже

Венгерский знаком с высказываниями Солженицына последних лет.

— 30 лет тому назад он был символом независимых суждений и демократии, а сегодня это другой человек, — говорит он.

И размышляет, не мешают ли Польша и поляки Солженицыну, который связывает спасение России с русским национализмом, самодержавием, православием, с ценностями «русской души».

— Случались у него высказывания антипольские, такие, будто мы спутали планы его России.

В начале 90-х, после возвращения на родину, Солженицын не появился на открытии польского мемориала в Катыни. Венгерский полетел туда с женой:

— Я был разочарован отсутствием Саши. Как говорили, он дал знать, что у него нет времени. Я раздумывал, не стыдится ли он, что в «Архипелаге ГУЛАГ» написал обо мне так тепло. Быть может, ему даже захочется вычеркнуть меня из книги? Но нет. Недавно в России вышло новое издание. Не вычеркнул.

TYGODNIK POWSZECHNY
KATOLICKIE PISMO SPOŁECZNO-KULTURALNE

Галина Дубик

СОХРАНЕННЫЕ СЛОВА

Беспрецедентные в истории Польши отъезды, которые начались после мартовских событий 1968 года, превратились в последнюю и одновременно крупнейшую волну эмиграции польских евреев. Из 13 с лишним тысяч человек, покинувших в то время Польшу, часть поселились либо в Америке, либо в Европе, но значительная часть выехала в Израиль. Бывший посол Израиля в Польше Шевах Вейс, комментируя в журнале «Ньюсуик-Польша» (2008, 16 марта) инициативу по созданию Музея истории польских евреев, обратил внимание на поразительный факт: при том, что история еврейского народа насчитывает три с половиной тысячи лет, целая тысяча из них — это история евреев на польских землях. Он отметил также, что родом из Польши были не только знаменитые писатели, ученые или композиторы, но и большинство тех, кто создавал Государство Израиль.

Понятно, что тысячи тех, кто в рамках нескольких волн эмиграции (начиная с довоенной — «эмиграции Грабского» — и кончая мартовской) покинул Польшу, чтобы поселиться в Израиле, не могли, а часто сознательно не хотели отказываться от своей связи с польской культурой и польским языком. О них: писателях, публицистах, поэтах, двуязычных или пишущих исключительно по-польски, — рассказывает Мария Левинская в своей книге «Сохранение слова». М.Левинская, сама эмигрировавшая из Польши в 1968 г. молодой выпускницей факультета журналистики, пишет в предисловии: «Мы покидали Польшу, оставляя за собой любимые места, знакомый шум листьев осенью, насиженные уголки, приобретенные профессии, которые не могли пригодиться в других странах (...), а забирали с собой пять долларов в кармане и польский язык. Пять долларов разошлись в первые пять минут пребывания в Израиле, а польский оказался долгосрочной инвестицией».

С помощью интервью, бесед и воспоминаний автор описывает явление, которое сокрушает дуалистическую концепцию польской послевоенной литературы. Ибо невозможно отрицать, что литература на польском языке в Израиле развивалась ***параллельно*** литературе в Польше и эмигрантской литературе; по словам Рышарда Лёве, «она появилась (...) самопроизвольно, вписавшись одновременно в польскую и современную израильскую литературу».

В небольшой по объему книге Марии Левинской ощущается естественный в таких обстоятельствах бег наперегонки со временем: желая запечатлеть как можно больше фактов, записать мемуарные свидетельства тех, кто стоял у начала формирования польской литературы в Израиле, автор вполне сознаёт, что ее работа, не претендующая на роль монографии или научного труда, — это запечатленное мгновение, которое еще длится и будет длиться до тех пор, пока живы пишущие по-польски еврейские писатели.

Левинская взяла ряд интервью у тех, кто творил историю этого исключительного по мировым меркам явления — израильской литературы на польском языке: у Рышарда Лёве, Александра Клугмана, Генрика Шафира, Генрика Векслера, Ежи Германа и других. Кроме того, Левинская включила в книгу либо заметки, либо краткие записи бесед с такими авторами, как Ида Финк, Ирит Амиель, Мириам Акавиа и даже Марек Хласко — ввиду «израильского» эпизода, важного в биографии этого писателя.

Тщательно продуманная композиция книги помогает читателю, даже совсем не знающему реалий, с которыми столкнулись евреи, поселявшиеся в Израиле в послевоенные годы, особенно после 1968-го, увидеть панораму культурной жизни в молодом государстве, создаваемом евреями, которые привезли с собой культурное наследие тех стран, где они на протяжении веков жили в диаспоре. В беседе с автором книги Рышард Лёве, историк литературы и редактор выходящего на польском языке литературного журнала «Контуры», отметил: «Литературная жизнь начинается там, где появляется первое посредническое звено, то есть трибуна периодики». Тем самым собеседник Левинской дей-

ствительно обрисовал контуры обсуждаемого явления, ибо первые периодические издания на польском языке появились в Израиле в 1949 году. Их роль была очень важной по нескольким причинам. Во-первых, они давали возможность публиковаться писателям, уже печатавшимся по-польски, но еще не владевшим ивритом настолько, чтобы свободно развивать свое писательское мастерство. Во-вторых, публикуя информацию и публицистику, они давали возможность вновь прибывшим — а те, кто эмигрировал в Израиль в пожилом возрасте, не всегда могли с той же легкостью, что и молодые, освоить иврит — не терять связи с внешним миром.

Из воспоминаний и анекдотических историй, которые рассказывали Левинской ее собеседники, складывается живая история крупнейших периодических изданий на польском языке — «Новины израэльске» («Израильские новости») и «Новины поранне» («Утренние новости»), которые были в принципе одной и той же газетой, но два разных названия должны были помочь преодолению запрета на издание ежедневных газет на иностранных языках.

Мария Левинская старалась избегать односторонних суждений, поэтому она не только довольно часто позволяет говорить своим собеседникам, лишь изредка с помощью наводящих вопросов направляя ход беседы в самое важное для нее русло, связанное с предложенной темой, но иногда и приводит крайние мнения, далекие от идеализации явления польской литературы в Израиле. Например, Генрик Шафир, постоянный корреспондент варшавского еженедельника «Впрост» и секретарь редакции израильского еженедельника «Новины-Курьер», так комментирует положение уехавших после мартовских событий эмигрантов: «Евреи, оказавшиеся в Израиле, памятуя о пережитых обидах, унижениях и антисемитских нападках, хотели как можно быстрее включиться в новую действительность. Это сопровождалось попытками, чаще всего болезненными, радикально разрубить гордиев узел, который еще связывал их с Польшей». Тем самым записи Левинской приобретают еще большее значение как правдивое свидетельство о явлении преходящем, но не мимолетном.

Отнюдь не мимолетны поэтические описания того ада, через который прошли евреи во время II Мировой войны, хотя, разумеется, эта тема не была единственной, к которой обращались пишущие на польском языке. Кое-кто из них, как например Ирит Амель, овладели ивритом настолько хорошо, что со временем стали двуязычными писателями, но об опыте Катастрофы они писали по-польски. Кое-кто писал исключительно по-польски, как Ида Финк, которая говорит: «В 1957 году я приехала в Израиль — это мое государство, я патриотка Израиля. Но я приехала, не зная иврита, и сразу поняла, что не сумею перейти границу, отделяющую разговорный язык от литературного (...). Так что языком моей словесности остался польский».

Книга Марии Левинской «Сохраненные слова», несмотря на ее кажущуюся простоту и легкость восприятия, которые достигаются благодаря оригинальному способу повествования — свободной беседе со свидетелями и одновременно авторами литературы на польском языке в Израиле, — описывает весьма важное явление, о котором говорится слишком редко. Завершить наши рассуждения следует словами Чеслава Милоша, которые Левинская сделала эпиграфом книги: «Истории разных народов имеют свои мистерии, и к их числу относится миссия польского слова, которое широко распространилось по разным заграницам».

Мария Левинская. Сохраненные слова. Польский Институт в Тель-Авиве, 2008.

Мария Левинская — журналистка и писательница. Родилась в 1935 г., эмигрировала из Польши в Израиль после событий 1968 года. Опубликовала, в частности, книги: «Сдача с моих пяти копеек» (1999), «Первый день эмиграции» (1999), «С маской на лице» (2006). Вместе с мужем, председателем Общества польско-израильской дружбы, принимает активное участие в работе этого объединения. Во время учебы в Варшавском университете (факультет журналистики) ходила на лекции проф. Ежи Помяновского.

Эльжбета Савицкая

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

■ Лауреатом литературной премии «Нике» стала в этом году Ольга Токарчук. Так и хочется воскликнуть: наконец-то! Писательница уже трижды выходила в финал, и трижды ее романы получали призы в плебисците читателей «Газеты выборчей» («Правек и другие времена», «Дом дневной, дом ночной», «Игра на многих барабанах»). Однако лишь последний роман, «Бегуны», обеспечил ей и признание жюри, и читательскую премию.

Председатель жюри Малгожата Шпаковская хвалила мастерство, с каким «автор обрывочностью своего повествования передал прерывистый и поспешный стиль современной жизни, переплетая не связанные друг с другом сюжеты общим мотивом путешествия, спешки, гонки».

А сама Ольга Токарчук, получая премию, сказала, что ее книга — это попытка описать современный мир с помощью метафоры путешествия: «Путешествие, наверное, лучше всего передает образ сегодняшней жизни — движения, нестабильности. Каждой эпохе хочется назвать своего современника одним метким словом. Мне показалось, что сегодня это могло бы быть слово «бегун». Я и сама чувствую себя бегуном», — добавила она.

Заглавие книги «Бегуны» отсылает к названию русской секты XVIII века, члены которой считали, что мир — дело рук сатаны и если остановиться, то Князю тьмы будет куда легче добраться до нас. Чтобы убежать от дьявола, нужно быть постоянно в движении. Без устали путешествовать, нигде не обживаясь и не обрастая пожитками. Токарчук пишет, что встречала современных бегунов, последних могикан той секты, все время ездящих в московском метро. Одна из героинь — это московская мать, которая, смертельно устав от опеки над сыном-инвалидом, бросает всё и становится бомжихой.

«Современное бегунство я понимаю как оспаривание всего, что мы получаем в готовом виде, как неустанные поиски собственного мира», — объясняла писательница на одной из авторских встреч.

■ Лауреатом премии Костельских («для многообещающих писателей до 40 лет») стал в этом году Яцек Дукай, автор романа «Лёд». Вручение премии состоялось 11 октября в Милославле, родовом имении Костельских в Великопольше. В постановлении возглавляемого проф. Яцеком Возняковским жюри сказано: «Роман Яцека Дукая — это попытка написать альтернативную всемирную историю XX века. Автор создает не только иной вариант политической истории, но и разносторонний проект, содержащий необычайно оригинальные идеи из области логики, экономики, истории религии, а также физики и философии. Все эти области объединяет сеть взаимозависимостей, которые вплетены в полный необычайных событий сюжет, использующий апокрифические версии истории Польши и России».

Жюри высоко оценило также язык и композицию книги, поражающей богатством стилей и литературных параллелей.

Русскому читателю роман Дукая может быть исключительно интересен. Он рассказывает о тунгусском метеорите, с которым на нашу планету прибыл... фигурирующий в названии лёд. На месте катастрофы температура составляет -273 градуса по Цельсию (т.н. абсолютный ноль), а волны холода постепенно распространяются на всю Российскую империю. В этой температуре появляются новые минералы, добыча которых приносит огромную прибыль. «Дукаевский «лёд», — написал Войцех Орлинский в «Газете выборчей», — в прямом и переносном смысле замораживает империю Романовых. Поток денег, приносимых добывающей промышленностью, возвращает шатающейся царской России статус великой державы. Согласно этой книге I Мировой войны никогда не было, а следовательно, не было и октябрьской революции, и независимой Польши».

Премия Костельских — старейшая независимая польская литературная премия. Она присуждается с 1962 г. зарегистрированным и действующим в Женеве Фондом им. Костельских. Ее лауреатами (а их уже больше 120) были все звезды польской литературы (начиная с Мрожека, Конвицкого, Херберта, Герлинга-Грудзинского, Загаевского, Рымкевича, Хвина, Пильха, Хюлле и кончая Стасюком, Ольгой Токарчук, Томашем Ружицким, Яцеком Денелем и Миколаем Лозинским).

■ **В сентябре стал известен список 14 книг, прошедших отбор на очередной этап литературного конкурса «Ангелус»: Светлана Алексиевич «Цинковые мальчики» (Белоруссия), Януш Андерман «Новые фотографии» (Польша), Кшиштоф Варга «Надгробие из терразита» (Польша), Светлана Василенко «Дурочка» (Россия), Эмиль Гакль «О родителях и детях» (Чехия), Гюнтер Грасс «Луковица памяти» (Германия), Юлия Зех «Инстинкт игры» (Германия), Ласло Краснахоркай «Меланхолия сопротивления» (Венгрия), Инка Парай «Чем была темнота» (Германия), Тарас Прохасько «Сожженное лето» (Украина), Ольга Токарчук «Бегуны» (Польша), Малгожата Шейнерт «Черный сад» (Польша), Петер Эстерхази «Harmonia caelestis» (Венгрия), Анна Янко «Девушка со спичками» (Польша). 22 октября объявлены участники последнего этапа — «семерка»: С.Василенко, Г.Грасс, Ю.Зех, Л.Краснахоркай, О.Токарчук, М.Шейнерт, П.Эстерхази.**

Намечается напряженная борьба. Два польских автора (в т.ч. лауреат премии «Нике» за этот год), двое немецких (среди них один нобелевский лауреат), двое замечательных венгров. О том, кто получит чек на сумму 150 тыс. злотых и статуэтку авторства Эвы Россано, мы узнаем 6 декабря во время церемонии вручения во Вроцлаве.

■ 13 сентября Янушу Гловацкому, одному из известнейших и любимейших современных польских писателей, исполнилось 70 лет. На его счету проза (от дебютантского «Водоворота абсурда» до «Последнего сторожа»), драмы (мировую карьеру сделала «Антигона в Нью-Йорке»), фельетоны и киносценарии («Охота на мух» и культовый «Рейс» в соавторстве с Мареком Пивовским). Сегодня, после долгих лет эмиграции, он живет то в Варшаве, то в Нью-Йорке. Тем не менее, его автобиографическая книга «Из головы» (2004), одно из лучших достижений польской прозы последних лет, была недооценена критиками и оставлена без внимания жюри «Нике». Почему? «Этот меланхоличный писатель-философ со внешностью уставшего от жизни супермена и головой римского сенатора, — пишет Кшиштоф Любчинский, — во многом расходится с духовной атмосферой сегодняшней Польши, далекой от иронии, скорее погруженной в важную националистическую серьезность, в нестерпимую атмосферу «всерьез», к которой Гловацкий совершенно не подходит».

Издательство «Мир книги» анонсирует очередную книгу Януша Гловацкого. Это будет роман о Ежи Косинском.

■ **Издательство «Вахазар» в сотрудничестве с издательством «Рипол Классик» и Гуманитарной академией им. Александра Гейштора (Пултуск) выпустило в Москве однотомное собрание произведений Юлиана Тувима под названием «Фокус-покус, или Просьба о пустыне». Впервые творчество Тувима представлено русскому читателю в такой полноте и разнообразии (поэзия, театр, проза, эссе). Эта вместившая около 450 произведений, почти тысячестраничная книга стала самым обширным изданием Тувима за пределами Польши. Последнее серьезное русское издание произведений автора «Бала в опере» (108 стихотворений) вышло в свет 25 с лишним лет назад.**

Новый, подготовленный Анджеем Базилевским том содержит публиковавшиеся ранее переводы (в т.ч. Анны Ахматовой, Константина Симонова, Бориса Слуцкого), а также переводы, найденные в архивах или сделанные специально для этого издания. Все это снабжено вступлением, календарем событий и комментариями.

Презентация книги состоялась в Москве, в Музее Маяковского, 21 октября.

■ Найдена пропавшая 50 лет назад книга Станислава Лема «Корни». Полвека текст пролежал в папке с надписью «Неудавшийся детектив». Книга представляет собой незаконченный роман в стиле Чендлера, начатый Лемом в середине 50-х годов.

Написанные еще в студенческие времена «Корни» — это квази-опера о светлом будущем коммунизма и гении Сталина. О книге знали

только ближайшие друзья писателя (как известно, за такие вещи можно было запросто попасть за решетку). «Впервые я услышала это произведение еще в холостяцкий период Сташека, году в 1949-м, — вспоминает вдова писателя Барбара Лем. — Сташек сам играл все роли, но лучше всего у него получались женские. Исполнял он это все время, пока был жив Сталин. Вероятно, ему нужна была такого рода разрядка».

Среди героев «Корней», пишет «Газета выборча», можно встретить бескомпромиссного энкавэдиста Анихвили Тегонерадзе (псевдогрузинская фамилия означает «Ниминуты Этогонесоветую»), отважного советского разведчика Дементия Психова, который потерял глаз, пытаясь подглядывать за империалистами в замочную скважину, идейную коммунистку Авдотью Недонагину, гениального ученого Мичуренко (ученика Лысюрина), но прежде всего Сталина — как и полагается, нечеловечески гениального и нечеловечески улыбающегося.

■ На 33-м Фестивале польских художественных фильмов в Гдыне главную премию «Золотые львы» получил фильм «Малая Москва» режиссера Вальдемара Кшистека. Премии за лучшую женскую роль удостоилась Светлана Ходченкова, сыгравшая в этой картине две роли — матери и дочери.

«Малая Москва» рассказывает о запретной любви русской (жены советского офицера) и поляка (офицера армии ПНР). Действие фильма происходит в 1967-1968 гг. в Легнице, которую называли Малой Москвой (с 1945 г. там располагался советский гарнизон; в 60-х годах в Легнице жило 60 тыс. русских). Прекрасная Вера и Михал знакомятся на балу по случаю 50-летия октябрьской революции. Расстаются они в 1968 г. после вторжения войск Варшавского договора в Чехословакию. Им придется дорого заплатить за свое чувство.

«Я очень рад награде, ведь успех этого фильма для меня был особенно важен, — говорил Вальдемар Кшистек на церемонии вручения «Золотых львов» в Гдыне. — «Малая Москва» — картина очень личная: я родился в Легнице и на протяжении двадцати лет наблюдал вблизи русских, о которых рассказываю, и места, где все происходит. Мне было важно правдиво изобразить эту давнюю историю запретной любви».

■ В интервью Тадеушу Соболевскому («Газета выборча») режиссер, в частности, рассказал:

«Я жил в двухстах метрах от закрытого советского офицерского района, окруженного стеной и колючей проволокой. Район прилегал к казармам, а казармы — к аэропорту. Легница была стратегически важным гарнизонным городом: у русских тут была одна из самых длинных взлетных полос в Европе и антиядерные бункеры для МИГов.

В детстве эта зона казалась мне запретным и потому особо притягательным местом. Как-то мы с братом отправились туда, чтобы посмотреть вертолет. Нас поймали и отвели в отделение польской милиции со словами: «Вот, шпионов захватили».

В Легнице царила атмосфера конфронтации. Я собственными глазами видел драку поляка с русским — поспорили из-за Сталина. Были случаи, когда русские стреляли в поляков. Побеги солдат, вмешательство наших. Поляки противодействовали русским под любым предлогом. О них говорили: кацапы, русаки. К ним относились попросту как к оккупационной армии. Только в лицее до меня начал доходить парадокс: они сами жили, как под оккупацией, взаперти, в страхе. Боялись не только поляков, но и своих. Тогда я стал ценить преимущества нашего положения — свободные разговоры, жизнь без боязни».

■ На этом история «Малой Москвы» и «Золотых львов» не заканчивается. Вскоре после решения жюри фестиваля часть критиков объявила, что это позор («победила слёзовыжималка»), а некоторые члены жюри, как пишет Яцек Раковецкий в полемической статье ««Малая Москва» — большая драка», «публично заявляли, что они лично были против, но их забаллотировали». Стыд и срам.

«Я не нахожу другого объяснения, — пишет главный редактор ежемесячника «Фильм», — кроме нажима критиков из влиятельных газет. Еще в Гдыне после демонстрации «Малой Москвы» я слышал от некоторых из них отзывы по меньшей мере позитивные. Когда накануне объявления результатов появилась утечка информации, их оценки сразу посуровели, а уже через пятнадцать минут после церемонии вручения Тадеуш Соболевский назвал фильм Кшистека телесериалом, что свидетельствовало о степени его раздражения, поскольку трудно предположить, что

этот выдающийся знаток кино не знает, что у классической мелодрамы (какой, вне всякого сомнения, является лауреат «Золотых львов») с телесериалом столько же общего, сколько с лозоплетением».

Фильм вскоре выйдет на экраны польских кинотеатров. И окончательно проголосуют за него зрители.

■ Вальдемар Домбровский, министр культуры в правительстве Союза демократических левых сил Лешека Миллера и Марека Бельки, второй раз в своей карьере стал директором варшавского Большого театра — Национальной оперы. Он уже занимал эту должность в 1998-2002 годах. Именно он привлек к сотрудничеству с оперным театром режиссера Мариуша Трелинского, а теперь вновь планирует сотрудничать с этим выдающимся, всемирно известным режиссером (Трелинский поставил, в частности, «Мадам Баттерфляй» Пуччини в Мариинском театре). «У нас с Мариушем прекрасное взаимопонимание, — сказал Домбровский в интервью газете «Жечпосполита». — У нас есть общий опыт в кино, театре и опере. Мы хотим создать тандем, но правила игры должны быть ясными. Многое мы обсуждаем совместно, однако художественные решения принимает он, а стратегические, в т.ч. касающиеся программы и репертуара, — я. Я вообще хочу собрать сильных личностей, которые создадут единый коллектив».

■ До 28 октября в варшавском Центре современного искусства в Уяздовском замке можно было посмотреть выставку «Fly» авторства Йоко Оно. Джон Леннон, со дня смерти которого прошло уже 28 лет, сказал как-то о Йоко, что это «самая знаменитая неизвестная художница в мире». То было во времена, когда она жила в тени мужа, великого лидера «Битлз». Однако уже много лет она известна как ищущая, независимо мыслящая художница. Одними ценимая, другими — не особенно. Во время вернисажа в Варшаве она представила перформанс с участием зрителей. Зрители, мигая фонариками, говорили друг другу: «I love you». «В день открытия выставка Йоко Оно показалась мне пустоватой и наивной, — написала после вернисажа Дорота Ярецкая. — Один из залов Уяздовского замка был заполнен гробами, из которых вырастали зеленые деревца. Я чувствовала, что в этом есть какая-то банальность, сентиментальное утешение. В последнее время Йоко Оно живет под девизом «I Love You». Это звучит трогательно, особенно когда это говорит столь харизматичная личность, но от бесконечного повторения теряет подлинность». Посетив выставку через несколько дней, рецензентка «Газеты выборчей» вернулась потрясенной. Она открыла, в чем заключается сила Йоко Оно: в провокации. «В маленьком зале в конце выставки, — писала она, — висят плакаты. Это цветные фотографии, на которых повторяются два мотива — женская грудь и женское лоно; подписано: «Моя мамочка — красавица» (так же называется и произведение в целом). Рядом Йоко Оно положила несколько фломастеров: на пустой стене напротив можно писать что угодно. И мы написали.

Это потрясающий текст, общее признание, стон. Когда я это читала, мне стало холодно: «Спасибо, мама, что ты бьешь меня тряпкой, спасибо, папа, что ты делаешь то же самое». «У сатаны в аду тоже есть мама». На стене есть беспомощные признания: «Моя мама меня не любит», — и вульгарные выражения. Есть здесь и страшные, мрачные слова, свидетельства непонимания и одиночества: «Моя мама меня создала и ушла. Ее никогда не было», — или: «Любимая мама, из-за тебя я потерял чувство безопасности и продолжаю бояться». Кто-то через полстены протянул линию: «Мама, перережь пуповину».

Отношения с матерью... Йоко Оно смогла дотронуться до очень больного места. И заставить польских зрителей признаться в боли и беспомощности.

HONORIS CAUSA ДЛЯ НАТАЛЬИ ГОРБАНЕВСКОЙ

24 октября 2008 года в Люблинском университете им. Марии Кюри-Склодовской состоялась торжественная церемония присвоения Наталье Горбаневской степени почетного доктора этого вуза. В актовом зале гуманитарного факультета собрались представители научной среды Люблина и гости из других польских и зарубежных университетов, главным образом с Украины и из Белоруссии, родные и друзья почетного доктора, приехавшие из Москвы, Петербурга, Парижа, Берлина, а также из разных польских городов, студенты и университетский хор. Церемония прошла строго по традиции. В зал вошли члены университетского Сената в мантиях и ритуальных шапочках и в таком же наряде, но пока без шапочки — Наталья Горбаневская.

Ректор приветствовал всех гостей и прочитал невероятно длинный список тех, кто направил Наталье Горбаневской поздравления в связи с присвоением докторской степени. Среди них был президент Польши Лех Качинский, который, как деятель антикоммунистической оппозиции и как президент независимой Польши выразил Наталье Горбаневской благодарность за свидетельство непоколебимой верности идеалам правды, справедливости и межчеловеческой солидарности. Символом отваги и нонконформизма, а также диалога культур назвал ее митрополит Люблинский архиепископ Юзеф Жицинский. Затем профессор Мария Цимборская-Лебода представила биографию и деятельность Горбаневской, говоря и о ее участии в правозащитном движении, в частности о знаменитом символическом жесте — демонстрации на Красной площади 25 августа 1968 года, и о ее деятельности в эмиграции, и об увлечении польской культурой и Польшей, и прежде всего о ее поэзии:

«По мнению критики, поэзия Горбаневской — это лирика par excellence, поэзия обостренного «нравственного слуха» и чуткости к аксиологии. Если бы к лирике Горбаневской отнести вопрос, поставленный в похожей ситуации (...) Станиславом Баранчаком: что спасает поэзия и нужна ли она нам, — то надо бы ответить так: поэзия Натальи Горбаневской спасает фундаментальные и неотъемлемые ценности человеческого бытия, такие как правда и красота».

Рецензии профессоров Жоржа Нивá, Томаса Венцловы и Ежи Помяновского были опубликованы в специально изданной книжке (см. в

этом же номере «НП»), поэтому сразу после выступления профессора Цимборской наступил торжественный момент чтения постановления Сената (по-латыни). Степень почетного доктора была присвоена Горбаневской «за ее глубоко гуманистическую и нравственно чуткую жизненную позицию, бескомпромиссную службу правде, отличающееся глубоким гуманизмом литературное творчество, а также за представление универсальных ценностей культурного наследия народов, в частности за ознакомление русской общественности с достоянием польской культуры».

Вместе с дипломом Наталья Горбаневская получила докторскую шапочку, после чего хор и весь зал спели «Gaudeamus igitur».

Во время церемонии публика многократно выражала свое уважение героине дня аплодисментами, однако самые громкие и продолжительные аплодисменты раздались после речи Горбаневской, произнесенной в конце торжества по-польски (оригинал также публикуется в этом номере). На этом закончилась церемония, но не день Горбаневской в Люблине.

Вечером в залах Музея в Люблинском замке состоялся авторский вечер Горбаневской, на котором была представлена ее новая, изданная в Польше книга — двуязычные «Избранные стихи. 1956-2007», самая обширная из ее польских книг. Вечер начался с подарка организаторов героине дня — прозвучала запись посвященной ей песни в исполнении Джоан Баэз. А потом началось чтение — по-русски и по-польски, в чем Горбаневской помогал редактор сборника и переводчик значительной части опубликованных в нем стихов Адам Поморский.

Можно добавить, что и этим днем не всё закончилось. Через несколько дней Наталья Горбаневская встретилась со студентами, в основном русистами: читала стихи и переводы, отвечала на вопросы, а главное, в ходе разговора в битком набитой аудитории подала идею, как она смогла бы исполнять свои «докторские» обязанности. Она сказала, что готова приехать в Люблин, скажем, на неделю и по полтора часа в день заниматься со студентами. Присутствовавшие на встрече преподаватели — причем не только университета им. Марии Кюри-Склодовской, но и Люблинского католического — с энтузиазмом отозвались на это предложение.

Наталья Ворошильская

СЛОВО НАТАЛЬИ ГОРБАНЕВСКОЙ ПРИ ВРУЧЕНИИ ЕЙ ДИПЛОМА DOCTOR HONORIS CAUSA

В этом городе и в этом университете я оказалась 11 лет назад, когда получал почетную докторскую степень мой покойный друг, большой польский писатель Густав Герлинг-Грудзинский. Мне и на минуту не примерещилось, что когда-нибудь я буду стоять здесь, на его месте. Кроме прямых виновников этого чуда — университета имени Марии Кюри-Склодовской и его гуманитарного факультета — кому еще говорить за это спасибо? Скажу словами своего стихотворения:

Не себе и не Богу, не случаю и не призванью —
языку, что любовному поверил признанью.

Ежи Помяновский

ПОЭТЕССА ГОРБАНЕВСКАЯ ЗАСЛУЖИВАЕТ УЧЕНОГО ЗВАНИЯ

Мнение, вынесенное в заголовок, обходится без вопросительного знака, коим неловкие журналисты снабжают известия о событиях, которые — как учит нас чтение сегодняшней прессы — считаются *спорными*. Нет никакой спорности уже в самом явлении симбиоза поэзии с наукой. Мы знаем научные труды, ставшие шедеврами словесности; пишущий эти слова, например, считает «Очерки гнойной хирургии» Войно-Ясенецкого шедевром русской художественной литературы, хотя автор заботился о величайшей простоте, описывая истории болезней, которые он лечил в жалких лазаретах сибирских лагерей. Сжатые очерки Лешека Колаковского о великих философах — пример образцового и экономного, как эпиграмма, упражнения в стиле. Книга

Лукреция «О природе вещей» — регулярная, хоть и не оконченная поэма, включающая квинтэссенцию науки того времени.

В свою очередь нельзя не счесть труды Чеслава Милоша кладезем познаний по философии и истории, изложенных с беспримерной ясностью и красноречием как раз потому, что автор прежде всего был великим поэтом, то есть знал, что тайна превосходства поэзии (по крайней мере в польской литературе) состоит в ее способности к такой передаче смысла, какая в прозе потребовала бы многословия.

Не будем умножать примеры в столь очевидном вопросе.

Я утверждаю, что одно лишь послесловие Натальи Горбаневской к ее книге «Полдень» отвечает требованиям к образцовому научному труду.

Она обходится без исходного тезиса, т.е. не обращается к спинозовской методике, не ищет доказательств в пользу оного тезиса и не опровергает противоречащие ему постулаты. С суровой сдержанностью она ограничивается доказательствами, собранными простейшим дедуктивным методом. Она приводит известные ей факты, вовсе не делая из себя-рассказчицы непререкаемого свидетеля, объективно сообщает мнения о них и отнюдь не старается подбирать их пристрастно, так, чтобы подчеркнуть бескорыстное самопожертвование и героический характер протеста этой семерки молодых московских интеллигентов, которые 25 августа 1968 года вышли на Красную площадь, развернули там несколько транспарантов, вырезанных из простыней и полотенец, на которых были написаны слова, осуждающие нападение войск Варшавского пакта на Чехословакию. Это были слова «домотканые», без риторики. Вот отрывок из книги Натальи Горбаневской:

«Для западного общественного мнения, как я понимаю, наша демонстрация стала наиболее чистым, наиболее сосредоточенным проявлением всего лучшего, основного в характере нарождавшегося тогда правозащитного движения. Были уже и до того демонстрации — в основном в защиту арестованных по политическим обвинениям (декабрь 1965, январь 1967). Но для постороннего глаза дело все-таки выглядело так, что защищают «своих» — друзей или, в конце концов, просто соотечественников. Демонстрация против вторжения советских войск в Чехословакию, основным лозунгом которой стало «За вашу и нашу свободу», была воспринята как нечто особенно бескорыстное: свободой жертвовали в защиту «чужих».

Уточняя, скажу, что здесь есть известное недоразумение, точнее — лишь половина правды: не такой уж «бескорыстной» была наша демонстрация. Мы защищали все-таки и самих себя, защищали от неизбежного — в случае молчания — чувства соучастия в преступлении».

Скромность и умеренность, нежелание возносить свой поступок и участь на пьедестал принадлежат к самым редким научным добродетелям. Пусть и это будет принято во внимание при оценке труда Натальи Горбаневской — образцового, если говорить о подборе, полноте и точности собранных свидетельств. Книга, о которой я здесь говорил, уже стала и останется источником для серьезных историков, ищущих не легкой добычи для газет, а вещественных доказательств для достоверного суждения о механизмах политических репрессий и проявлений их гротескного разрастания.

Я не смею подчеркивать, насколько важен труд Горбаневской (и докторат honoris causa) сегодня, когда мы видим эксгумацию той же системы репрессий, ищущей поддержки черни — и направленной против той же самой горсточки интеллигентов, скромный пример которой способен, однако, изменить ход событий — как милошевские камни меняют бег лавины.

Автор этих строк пользуется редкостной привилегией. Наталья Горбаневская — член редакции «Новой Польши» — журнала, который Ежи Гедройц еще десять лет назад поручил мне основать и возглавить. Работа Натальи Горбаневской не только гарантирует русскому языку, на котором издается журнал, безупречную форму. Ее работа — еще один пример научной серьезности, с которой относится Горбаневская ко всем деталям текста, который переводит сама или редактирует. Ее замечания, ее способы проверки дат, имен, цитат — образец старательности и доказательство глубоких знаний — филологических, библиографических, исторических.

Прошу комиссию рассмотреть мои рассуждения со всей серьезностью: это не пустые похвалы. Наталья Горбаневская подходит к своим заданиям и замыслам с добросовестностью ученого, наделенного даром художественного размаха и тем самоотречением, истинным символом которого она стала.

Жорж Нива́

СЕВЕРНАЯ СТРЕКОЗА

Поэтический голос Натальи Горбаневской — голос детский, но упорный; без выспренности, но настойчивый; насмешливый, но верный себе на протяжении полувека.

В заглавии недавнего стихотворения [цитате из Ахматовой], посвященного ее друзьям-поэтам Ольге Мартыновой и Олегу Юрьеву, она категорически утверждает: «И Троя не пала». И кидается в свою поэтическую речь, перехватывая: «И не падет. Вовеки устоит. / Покуда жив хотя б один пиит / в подлунном мире».

Историческая Троя — пала. Троя Гомера — не падет.

«Покуда жив хотя б один пиит» — формулировка, характерная для самой личности Натальи Горбаневской. В «Полдне», книге о демонстрации 25 августа 1968 г. (ровно год спустя она выпустила эту книгу в самиздате), Горбаневская протестует против советской формулировки «всенародное одобрение» — ...возможно ли так говорить, если я не одобряю «братскую помощь Чехословакии»? Сколько бы нас ни было — десять, двое, один, — формулировка остается ложной. И в новом предисловии 2007 г. она отвечает: мы «не герои и не безумцы». С поэзией происходит то же самое, что и с протестом этого славного для совести России дня: пока будет хоть один читатель, поэзия устоит...

Но не будем ожидать, что она станет принимать позы а ля Антигона. Троя этой маленькой упрямой женщины, говорящей упрямо и словно все время ловящей равновесие на незримой струне, как канатоходец над пустотой, — это человек сопротивляющийся. Тот, кто говорит «нет» насилию, единогласию, власти, палачу, психиатру, вооруженному нейролептиками.

Она — поэт сопротивления, но отнюдь не трехгрошовый оратор. Скорее она рассказчица стихов детям. Ее голос, стреноженный невидимыми путами, — это голос, который говорит о страдании и, говоря, унимает страдание.

Начиная со своих ранних стихов, распространившихся в самиздате в начале 1960-х, она остается ярмарочным поэтом, поэтом громкого голоса, никогда не прячется, никогда не шепчет. Ее голос колеблется между детской считалкой и Страшным судом. Написанная для чтения вслух и запоминания наизусть, ее поэзия крайне интонационна, хотя в ходе своей эволюции Горбаневская вернулась к почти классическим формам русского силлабо-тонического стиха, одновременно заимствуя фольклорные ритмы.

Ее ритм синкопирован, как марш оловянных солдатиков*. Здесь слышны сильные ритмы, как в стихотворении «Концерт для оркестра», — головокружительные, как ударные Бартока. Или — Телеман, «равнодушный Телеман», безразличный к психологии, которого она услышала однажды в исполнении Андрея Волконского и дает нам услышать в другом стихотворении.

Она привержена к короткой форме, к строфике собранной, но упорной. Остинато — ее любимое музыкальное движение. Солдатик, может быть, станет травой, растоптанной сапогами других солдат, которые пройдут по нему. Но в этих зёрнышках человеческой жизни — не пафос, а что-то иногда персидское, как у Омара Хайяма.

Анна Ахматова признала ее в поэзии, но четыре поэта-питомца Ахматовой — Бродский, Рейн, Найман и Бобышев, — не вполне ее признали, хотя она с ними дружила, особенно дружила с Бродским и посвятила ему прекрасные стихотворения и статьи.

Как она сама говорит, она из партии Ахматовой, а не Цветаевой, ибо нужно выбирать между этими двумя великими женскими голосами в русской поэзии XX столетия. Она за то, чтобы личность не выпячивалась, а отождествлялась со стихами, — не за личность, выставленную напоказ, выходящую за рамки стихов. Как у Бродского, в ее поэзии личность внелична, а лиризм, если можно так сказать, антилиричен.

Троя не падет, но нам не узнать, кто защитил Трою, кроме Гомера. Фортинбрас, король Норвегии, забыт, но Фортинбрас из «Гамлета» спасен Шекспиром от своего собственного легкомыслия, и поэтесса отождествляется с умирающим Гамлетом, колеблющимся отдать свою Данию Фортинбрасу. Так Гамлет ли она? Или Фортинбрас? Речь здесь идет о таинственной передаче поэтической власти...

Да и как выставлять свою личность на первый план, когда могильный ров, где лежат братья, становится немым упреком всякой выспренности:

* Или, посмею добавить, — как марш из оперы Прокофьева «Любовь к трем апельсинам». — *НГ*

... и пусто-пусто, и голо-голо
в прямолинейных моих стихах.

Не все дороги ведут в Рим, они «уходят всё дальше от Рима», они ведут к могильным рвам, которые по-русски зовутся братскими могилами. Они ведут к братству самопожертвования. Афористическая форма, склонность к притче, к таинственному адажио идет от одного сборника стихотворений к другому, — поверх превратностей существования сама она необычайно прямолинейна в действительности, идущей по диагонали... И эта простая и прямая траектория проходит через демонстрацию на Красной площади 25 августа 1968 года. Через психиатрическое заключение, через навеки постыдной памяти Институт Сербского. Через эмиграцию, работу в «Русской мысли», тщательную и неутомимую. Через изучение польского — диссидентского языка par excellence всего ее поколения. Через любовь к польской поэзии и замечательную переводческую работу, которую она продолжает по сей день. (И какой позор для нас, французов, что европейский паспорт ей дала Польша, и какова заслуга Польши, сделавшей это!) И через возвраты в Россию, встречи со старыми соратниками, радости и тревоги за освобожденную и такую хрупкую Россию!

Воскресенье, пишет она, — «день стирки и стихов». Та же точная, внимательная работа и ради мелочей жизни, и ради Трои, которая «вовеки устоит»! Поэзия, по сути дела, — это воскресная стирка!

Эмиграцию она переживала с постоянством, не выдвигаясь на первый план, служа литературе и борьбе за человеческое, — сначала в журнале «Континент», основанном Владимиром Максимовым, потом в газете «Русская мысль». Она обрела свой Париж, скромный и трудовой, и все-таки это чужой город, где «царствует латиница», а она, несмотря ни на что, как и Бродский, — ремесленник кириллицы. Россия — еще и эта оборонительная азбука...

Говорить разучусь,
не совсем, так по-русски,
со всеми разлучусь,
не навек, так на годы,
нет меня ни
у Невы, ни у Таруски,
переменила
я слова и глаголы.

Бродский, с которым она нередко перекликается, тоже написал апологию кириллице и ее оборонительным графическим крючкам.

В своем недавнем цикле «Площадь Несогласия», в спешащих восьмистишиях, прячущих эмоции за иронией и игрой, она создает своего рода автобиопоэму, скоростную инвертированную хронику парижских моментальных снимков и флешбэков своей былой борьбы, «ранних вставаний» в бессонном Париже и «ворованного воздуха» — ворованного у тюремщиков и сжимающего горло, камер-келий, где она добровольно замыкается перед чашкой обжигающего кофе, чтобы заново обдумать и бег времени, и камеру психиатрического заключения. И все эти глотки воздуха, уворованные у истории-палача, — как и вся ее поэзия, одновременно внеличны и интимны: и те, кого нету в живых, и застенки, и все эти «нет!», брошенные в лицо насилию и произволу. Нить Ариадны, которую ей не удается продеть в ушко иголки, эту нить, выводящую из лабиринта, — она ее не желает, рвет ее. Палач спокойно похрапывает в своей постели, поэт упорствуя поет — и никогда не перестанет. Она трогает струны, и струны ее не слушаются.

Написанное Горбаневской не безбрежно, всё ее творчество можно удержать в одной руке.**

«А я откуда?» — спрашивает она; а она — ниоткуда, «из анекдота», такого, из каких соткана жизнь советских неблагомыслящих, из осколка припева, из дыхания жизни на корректурном листе: «...чуточку боли и / капельку терпения» — это великолепное крохотное стихотворение охватывает всю жизнь в сопротивлении, без выспренности, это считалочка на выживание, остинато северной стрекозы, которая никогда не откажется от пения…

** Опускаю в переводе подробный (хотя и неполный) перечень моих книг. — *НГ*

Томас Венцлова

ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ СРОДСТВО

Суждение по поводу присуждения Наталье Горбаневской титула доктора honoris causa Университета им. Марии Кюри-Склодовской

Тот факт, что я имею возможность присоединиться к кругу людей, выступающих сегодня в связи с радостным событием — присуждением титула доктора honoris causa Наталье Горбаневской, — для меня не только большая честь, но и источник личного удовлетворения. В то же время я ощущаю досаду из-за того, что не могу лично присутствовать на этой церемонии в Люблине и в Университете им. Марии Кюри-Склодовской, с которым я связан уже много лет.

Наталья Горбаневская (или просто Наташа, как ее привычно называют друзья) — выдающаяся писательница, журналистка и переводчица, в том числе и польской прозы и поэзии. К тому же она входит в число легендарных фигур российского и восточноевропейского движения сопротивления. Она была и остается образцом порядочности, смелости и гражданского достоинства. Она ежедневно участвовала в войне против коммунистической системы, не уклоняясь от риска, подвергая опасности свою свободу и даже жизнь.

Мы принадлежим к одному поколению, сформировавшемуся около 1956 года. Нам пришлось рано определить свое отношение к окружавшей нас «бесчеловечной земле». Наташа выделялась среди ровесников своей полной бескомпромиссностью. Исключенная из университета в 1957 г., она выбрала внутреннюю эмиграцию, а выражаясь точнее — сопротивление. Она сказала себе и другим, как некогда Мартин Лютер: «Здесь я стою, и не могу иначе». В 1960 г. она сотрудничала со знаменитым подпольным журналом Александра Гинзбурга «Синтаксис», который стал первым неподцензурным периодическим изданием того времени. В нем печатался Иосиф Бродский и многие признанные впоследствии поэты. В 1962 г. ее представили Анне Ахматовой. Наташа переписала ее поэтический цикл «Реквием» той же шариковой ручкой (по выражению Ахматовой, «тем же карандашиком»), что и Александр Солженицын, и сразу же после него.

Все мы знаем, что 25 августа 1968 г. она с небольшой группой единомышленников вышла на Красную площадь, чтобы выразить свой протест против вторжения войск стран Варшавского договора в Чехословакию. Это было одно из самых символических событий послевоенного времени. Я могу сравнить этот поступок лишь с жестом одинокого молодого человека, остановившего танк на площади Тяньаньмэнь. Она была арестована в конце следующего, 1969 г., как раз под западное Рождество, и вышла на свободу через два с небольшим года, которые провела в основном в психиатрическом заключении — и не без причины эта кара считалась гораздо более страшным наказанием, чем тюрьма. Тем временем она создавала то, что определила позднее как «чудо, известное под названием самиздат». С весны 1968 г. вплоть до ареста она успела подготовить и выпустить девять из десяти первых номеров «Хроники текущих событий». Это периодическое издание стало «старейшиной» среди всех неподцензурных изданий в Восточной Европе и образцом для многих из них.

Мы довольно часто встречались в Москве, Вильнюсе, Тарту, а затем — в Париже, куда Наташа эмигрировала в 1975 году. В значительной степени она определяла редакционную политику знаменитого парижского журнала «Континент», работала в еженедельной газете «Русская мысль», была тесно связана с польским журналом «Культура», где печаталась еще до своего выезда на Запад. Я помню, как зимой 1981 года, после введения генералом Ярузельским военного положения в Польше, мы обсуждали с ней, Бродским и одним литовским диссидентом идею создания интернациональных бригад, которые должны были помочь Польше*. Издавна — а можно сказать

* При редактировании перевода текста Венцловы я ограничивалась легкими хронологическими поправками, не отмечая их, но здесь я должна исправить и объяснить ошибку памяти Томаса. Разговор, о котором он рассказывает, происходил в Нью-Йорке в декабре 1980-го (а не 1981-го), когда угроза советского вторжения в Польшу выглядела весьма реальной. На случай этого вторжения и была выдвинута идея «интернациональных бригад». Кстати, в отличие от декабря 1980, когда я действительно была в Нью-Йорке, весь декабрь 1981-го я провела в Париже. — *НГ*

и «всегда» — она ощущала (как выразился Гёте) «избирательное сродство» с Польшей. Впрочем, то же можно сказать и о Прибалтике. Она перевела для «Континента» первое коммюнике КОРа, в течение ряда лет публиковала в «Русской мысли» регулярные обзоры событий в Польше. Ее стихотворение «Господи, Господи, ночь и туман...», посвященное Польше и обращающееся к традиционным мотивам поэзии Мицкевича, было напечатано в первом номере «Зешитов литерацких» весной 1982 года. После падения коммунизма в Польше и России Наташа вошла в состав редколлегии «Новой Польши», получила премию им. Ежи Гедройца. Прошло уже несколько лет, как она получила польское гражданство, что следует считать совершенно естественным, поскольку она заслужила это больше, чем любой другой русский диссидент.

Но я хотел бы поговорить здесь прежде всего о чем-то ином. Ее политическая деятельность частично затмевает в глазах публики тот факт, что Наташа — выдающаяся поэтесса, занимающая в истории русской литературы уникальное в своем роде место. Это крупнейшая поэтесса, чьи стихи наверняка сохранятся в памяти поколений — не только как свидетельство эпохи, но и как великолепный пример поэтического мастерства.

В официальной советской печати Наталья Горбаневская опубликовала девять стихотворений (Бродский напечатал четыре и вдобавок чуть больше десятка стишков для детей). Поскольку в то время граница между самиздатом и печатной поэзией была несколько размыта — это знак чувства собственного достоинства. Первый ее сборник увидел свет в 1969 году в эмигрантском издательстве «Посев». Впоследствии к нему добавилось еще полтора десятка поэтических сборников, таких как «Побережье» (1973), «Перелетая снежную границу» (1979), «Ангел деревянный» (1983). «Цвет вереска» (1993), «Чайная роза» (2006). В 2003 г. был издан довольно объемистый сборник избранных стихотворений [плюс новая книга] под названием «Русско-русский разговор. — Поэма без поэмы» (второе заглавие отсылает нас к ахматовской «Поэме без героя»). Но по большей части это книжки небольшие, почти библиофильские, как бы продолжающие традиции самиздата. Они для меня стоят в том же ряду, что и тетради, заполненные не слишком четким шрифтом, которые доходили до меня и моих друзей в трудные — но и замечательные — времена 60-70-х годов. Нередко эти стихи передавались наизусть, иногда Наташе устраивали неофициальные поэтические вечера в Тарту и других городах. Она писала для небольшого круга читателей, но они были солью тамошней земли.

Бродский говорил, что искушению тоталитаризмом в России не поддались только две дамы — Анна Ахматова и Марина Цветаева. Наталья Горбаневская стала их достойной наследницей. Она распоряжалась этим наследием свободно, по своему желанию, и имела на это право. Ахматова ценила ее стихи и говорила Бродскому и его друзьям: «Берегите ее, она — настоящая». Она считала даже, что Наташа должна войти в поэтическую группу Бродского, потому что, мол, в настоящей поэтической «школе» должна быть женщина (у символистов была Зинаида Гиппиус, у футуристов — Елена Гуро, у акмеистов — сама Ахматова). Этого не произошло, но Бродский всегда любил Горбаневскую и считал ее равноправным поэтическим партнером, что было действительно редкой привилегией.

В эти годы я повторял озорное и веселое стихотворение Наташи «Концерт для оркестра» («Послушай, Барток, что ты сочинил...»), которое было среди моих сверстников по крайней мере таким же популярным, как ранние стихи Бродского. Еще больше я полюбил связанное с Польшей стихотворение «Как андерсовской армии солдат», с точным и прекрасным самоопределением: «Я стихослагатель, печально не умеющий солгать». Всё, что писала Наталья Горбаневская, было явлением не только литературы, но и совести. Самиздатские тетради с ее стихами полностью соответствовали пастернаковскому определению: «Книга есть кубический кусок горячей, дымящейся совести — и больше ничего». Она говорила о крестах, снятых с церквей и переплавленных на металл ядерных стратегических бомбардировщиков; о вагонах с зарешеченными окнами, еженощно отправляющихся с Казанского вокзала на восток; об инвалидах, пьяных рабочих, голодных колхозниках, а также о заключенных, которые были наиболее типичной частью этого народа. Посвящения этих стихов читались как мартиролог той эпохи: Юрий Галансков, Габриэль Суперфин, Арсений Рогинский... Это наверняка не могло пройти через цензуру, да у Наташи и не было такого намерения: наоборот, это была игра на самую высокую ставку — игра со смертью и игра за свободу.

Она писала тогда и любовную лирику, и стихи о музыке, о путешествиях (она много ездила автостопом, особенно по прибалтийским республикам), но на всё это ложилась тень жестокого государства. Несомненно, она в своих стихах обращалась к великому поэтическому циклу Ахматовой, который она переписывала в начале 60-х годов. Стихи Горбаневской не были похожи на «Реквием», но говорили они о том же самом: о беззащитности, одиночестве и страдании, о жалости и сочувствии, о безграничном грехе и великом раскаянии. Немедленное эхо при встрече с человеческим несчастьем переходило в исповедь и молитву; размышления о человеческом несовершенстве — в ощущение собственной вины; ее безошибочное нравственное чутье подсказывало, что за всё надо платить самим собой. Она стремилась к краткости, эллиптичности: ее отличие от Цветаевой и Бродского состояло в том, что она никогда не писала поэм и сложных стихотворений, приближающихся к философскому трактату. Ее произведения были короткими (еще одна черта, роднящая ее с Ахматовой), фольклор и народные заклятья сталкивались в них с городским сленгом, огромную роль играли цитаты — как бы тайный шифр, помогающий вступить в контакт с читателем. Осью и центром тяжести этих стихов было общение. Это не был диалог с публикой или даже с самой собой — она обращалась к конкретной личности, выросшей из той же традиции и задающей себе те же вопросы. Это был быстрый, эмоциональный, ведущийся на высокой ноте разговор — будь то любовный или конспиративный («ночные земляков беседы», как сказал бы Мицкевич), иногда переходящий в бормотание, в котором проскальзывало самое важное, не выразимое словами содержание. Я добавлю лишь, что поэзия Горбаневской как бы родственна поэзии польского послевоенного поколения. В ней можно распознать польскую рыцарскую этику, отвергающую софизмы: евангельское «да — да, нет — нет», в приверженности к которому признавался и Збигнев Херберт.

Наталья Горбаневская, как и большинство крупных русских поэтов ее времени, принадлежит к традиции, которую я бы назвал постакмеистической. Читатель отметит в ее стихах, даже открыто гражданственных, авангардистскую сложность, насыщенный метафорами и сокращениями язык, игру слов, почти сомнамбулические аллюзии. Стих как будто торопится, сразу вводит нас в суть дела, in medias res, начинается с кульминации. Ритмы и рифмы обычно классические, но не слишком точные; интонация, как правило, повседневная, даже прозаическая, построенная на недомолвках — но со всем этим сталкиваются резкие, шокирующие образы, жесткие и даже жестокие метафоры. Иногда это может казаться определенной стилистической, грамматической и семантической запутанностью, но на самом деле это свободная игра языка, стремящегося к собственной упорядоченности, которая выше логики. Для того чтобы понимать поэзию Горбаневской, нужно хорошо знать русскую поэзию и атмосферу эпохи — хотя таинственная музыка стиха все равно очарует и обычного читателя. Это необычайно сконденсированная поэзия, избегающая штампов, но не сторонящаяся случайных ассоциаций. Но в ней нет произвола сюрреалистов или дадаистов, который уводил их на бездорожье бессмыслицы — или же, что еще хуже, к соцреализму. Здесь нет риторики, нет позы Поэта с большой буквы, но нет и легковесной (слишком легковесной) иронии, нигилистического скептицизма, издевательства, пародирования всего на свете, включая самое поэзию как таковую.

Единство поэзии и жизни имеет свою цену. Наташу, как Бродского и многих других, власть стремилась вышвырнуть за пределы общества, а затем вынудила эмигрировать. В эмиграции она осталась верна себе. Ее новые стихи столь же лаконичны и сконденсированы, как прежде (в последнее время она все чаще использует восьмистишия): произведение, как монолит, строится на тезисах и антитезисах, притчах, минималистских формулировках. Одновременно в нем появляется юмор, самоирония, чисто личная тональность. Эти стихи говорят уже об опыте нашего времени, когда прежние ценности и прежние размежевания могут показаться несколько стертыми — с чем, впрочем, Горбаневская решительно не согласна.

И, наконец, последнее, но в определенном смысле самое важное замечание: Наталья Горбаневская всю свою жизнь сохраняла верность польской литературе. В этом она похожа на многих представителей своего поколения, которое училось у поляков, как сражаться «за вашу и нашу свободу», в соответствии со старой формулой Иоахима Лелевеля. Польское чувство чести и польский скептицизм были для всех нас противо-

ядием в отравляющей атмосфере тоталитаризма. Но Наташа и здесь остается несравнимой ни с кем: ее польский язык не только безупречен, но и превосходен, а ее знание польской культуры просто невероятно. Она писала замечательные эссе на польские темы, перевела на русский язык важнейшие произведения Густава Герлинга-Грудзинского, Юзефа Мацкевича, Марека Хласко, Славомира Мрожека, Тадеуша Конвицкого, Казимежа Орлося. Но главная ее заслуга состоит в том, что она ввела в мир русского языка огромное число шедевров польской лирики (ее избранные поэтические переводы вышли два года назад в двуязычном издании). Она переводила самых разных поэтов — от Норвида до современных авторов, в том числе Милоша (в первую очередь «Поэтический трактат»), Марию Павликовскую-Ясножевскую, Кшиштофа Камиля Бачинского, Анну Каменскую, Збигнева Херберта, Виктора Ворошильского, Виславу Шимборскую, Ярослава Марека Рымкевича, Станислава Баранчака, Рышарда Криницкого, Томаша Яструна. Она сумела вложить в эти переводы собственный личный и поэтический опыт, преображая польские произведения в неповторимые, зачастую мрачные и суровые, но всегда великолепные русские стихи.

Мы верим, что великая русская культура навсегда останется тем, чем она и была — частью европейской культуры. Жизнь и творчество Натальи Горбаневской укрепляет эту уверенность, не позволяя угаснуть надежде, что возможна открытая и демократическая Россия.

3 марта 2008 г.

СТРАННОЮ ЛЮБОВЬЮ

«Докторская лекция» Натальи Горбаневской

Я понимаю, конечно, что «doctor honoris causa» не обязательно говорит о настоящей учёности (что бы тут ни говорил мой главный редактор) и вдобавок не относится ни к какой конкретной науке. Тем не менее, наверное, не случайно, что выдвинули меня на это почетное звание люблинские филологи. Мне и самой хотелось бы быть филологом не только по университетскому диплому, но претендовать на это я не могу по простой причине: мне в жизни довелось встретить настоящих — в том числе и, не побоюсь сказать, великих — филологов, например Юрия Михайловича Лотмана. Нескольких его учеников, моих младших друзей с незапамятных времен, я пригласила сюда. Перед ними, знающими меня сорок с лишним лет, мне особенно невозможно важничать и изображать из себя «ученую даму». И вообще изображать кого-то, кем я сроду не была.

Давным-давно я определила себя в одном стихотворении: «...я стихослагатель, / печально не умеющий солгать». Сколько бы мы ни говорили о различиях между поэтом и «лирическим героем», это высказывание я и до сих пор полностью могу применить к себе. Неумение — это не заслуга: просто не умею, и всё тут. Но думаю, что не в последней степени из этого врожденного и взращенного моей матерью неумения солгать вытекли все значительные события моей жизни: и стихи, и гражданские поступки, и переводы, и журналистика, и всё прочее. Неумение солгать может обернуться желанием молчать, просто не присоединяться ко лжи. В этом мне, наверное, помешал темперамент, страсть к труду чернорабочего, или, как я определила в том же стихотворении, готовность быть «рядовым». Отсюда — и безымянная «Хроника текущих событий», и безымянные обзоры польской подпольной печати в «Русской мысли».

Так что можно сказать, что из этой моей «не заслуги» проросли, в частности, и те мои «заслуги перед Польшей», которые, как я подозреваю, и стали подспудным стимулом к присуждению мне почетной докторской степени здесь, в Люблине. Ведь почему-то это произошло не во Франции, где я живу, не в России, где я родилась и прожила бóльшую половину жизни, а в Польше, которая, впрочем, и до того не жалела для меня наград и премий и даже дала мне свое гражданство. Но все-таки я рада отметить, что это было всего лишь стимулом, и что как мой промотор, так и мои рецензенты говорят обо мне реальной, о том, что я в действительности пишу и делаю, — иногда они, может быть, меня перехваливают, но если это и так, то не от желания польстить, а из любви.

Думаю, любовь эта — ответная на мою. Странная любовь связала меня с чужой отчизной. Через кино и иллюстрированные журналы (не забудем про «Пшекруй», по которому не только я, но и Иосиф Бродский учился поль-

скому языку!), а потом уже через историю — последней войны и Варшавского восстания, трех разделов и восстаний XIX века, четвертого раздела и Катыни, и параллельно этому — через польскую прозу и поэзию, и уж совсем дальше — через «Солидарность» и подполье 80-х годов. Я не стала филологом-полонистом, как не стала я филологом-русистом, я не стала «ученым», осталась практиком, чернорабочим, солдатиком, учеником. Впрочем, в слове «ученый» есть хорошая неопределенность: «ученый» — это не «наученный», это тот, кто всё еще учится. И верно, настоящие ученые, которых я знала или знаю, всегда таковы. Постараюсь хотя бы в этом на них походить. И тогда меня не будет так смущать мое незаслуженное докторство.

ПИСЬМО ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬША ЛЕХА КАЧИНСКОГО НАТАЛЬЕ ГОРБАНЕВСКОЙ

Варшава, 24 октября 2008

Глубокоуважаемая госпожа Горбаневская!

Прошу принять искренние поздравления по случаю получения степени doctor honoris causa Люблинского университета имени Марии Кюри-Склодовской. Я рад, что среди присужденных Вам видных премий и наград окажется и это особое проявление признания люблинских ученых. Я убежден, что благодаря этому польское студенчество еще шире ознакомится со страницами Вашей биографии и Вашими выдающимися достижениями как переводчика и популяризатора польской культуры в России. Благодаря Вашему упорному труду мы получили возможность взглянуть на нашу культурную и общественную жизнь глазами человека, выросшего в других, хотя не менее прекрасных и богатых литературно-художественных традициях, вдобавок человека, тесно сблизившегося с Польшей и настроенного к полякам весьма доброжелательно.

По Чехову, в «протесте-то и вся соль жизни» — протесте против зла. Мне хочется воспользоваться этим случаем, чтобы выразить глубочайшее уважение к честности и отваге, которые Вы проявили, открыто противостоя имперской политике Советского Союза, попиравшей права личности и наций. Преследования, которые коснулись Вас после московского протеста против вторжения войск Варшавского договора в Чехословакию, т.е. унизительное заключение в психиатрическую тюрьму, а затем изгнание на чужбину, несли печать личной трагедии. Однако они позволили Вам дать свидетельство неколебимой верности идеалам правды, справедливости и межчеловеческой солидарности. Будучи активистом антикоммунистической демократической оппозиции, а ныне президентом свободной Речи Посполитой, хочу искренне поблагодарить за это вдохновляющее свидетельство.

Желаю Вам еще многих лет плодотворного, приносящего удовлетворение труда ради взаимного познания и сближения польского и русского народов, а также всяческих личных успехов.

Лех Качинский

СИЛЬНО СВЯЗАННЫЙ С ОТЧИМ ДОМОМ

Беседа с Томашем Маевским, олимпийским чемпионом в толкании ядра

— Занимались ли вы изучением генеалогического дерева семьи Маевских из Мазовии и нашли ли в нём таких же сильных родственников?

— Сам я не занимался, но кое-кто из нашей семьи этим делом развлекался, даже забрались на несколько веков назад. Поэтому я знаю, что время от времени такой человек рождался, но мои родители — невысокие, среднего роста.

— А откуда у вас в паспорте Насельск?

— Там была ближайшая к нашему Слончеву больница, остальные мои братья и сестры родились в Пултуске, но тогда там был ремонт, и мама поехала в Насельск.

— Деревня Слончево — это для вас особенное место?

— Да, я чувствую себя сильно связанным с отчим домом. Наверное, я уже не вернусь туда из Варшавы, но на самом деле там мои корни.

— Как выглядит эта деревня — мазовецкий пейзаж и шоссе посередине?

— Эта деревня — не компактная, дома разбросаны вдоль нескольких дорог в долинке, очень нормальное место. Не скажу точно, сколько номеров домов, врать не хочу, может, шестьдесят с чем-то, но это не слишком большое село. Магазин есть, пожарного депо нету, пожарные в соседней деревне.

— А вы, как о вас уже пишут, — самый знаменитый парень на всю околицу.

— Я — второй по счету олимпийский чемпион в гмине Гзы, первым был Юзеф Грудзень*. Так что золотой медалист игр — это для нас ничего нового.

— Люди все равно будут приезжать, чтобы увидеть родной дом чемпиона. Вам это нравится?

— Говорят, уже вроде как приезжают, но я бы их погнал.

— У вас там свой кусок земли?..

— Нет, земля принадлежит моему младшему брату, он хозяин.

— А друзья из родных мест остались?

— Я по-прежнему со многими встречаюсь, одни уже завели семьи, другие уехали. Те, с кем я кончал лицей в Цеханове, все получили высшее образование, многие из них сейчас в Варшаве, и связь поддерживать нетрудно.

— Почему вам пришло в голову, что к занятиям спортом надо добавить учебу в столице?

— Это вышло само по себе. Я сдал на аттестат зрелости, поехал на вступительные экзамены. Ближайший к нам большой город — это Варшава. Я поступал на многие специальности, но никуда не попал. Сегодня я говорю, что к счастью. Год как-то прокантовался, тренируясь в толкании ядра. Потом пробовал попасть на журналистику, снова ничего из этого не вышло, и снова к счастью. В конце концов я пошел на политологию в Университет кардинала Вышинского, поучился несколько лет и защитил диплом.

---

* Чемпион Олимпийских игр 1964 г. в Токио по боксу в легком весе, когда он неожиданно победил в финале В.Баранникова (СССР). В 1968 г. в Мексике получил серебряную медаль. После окончания спортивной карьеры перешёл на тренерскую работу. — *Пер.*

— Вам приходило в голову работать по специальности?

— Моя экономическая ситуация была когда-то такой, что я принимал во внимание возможность пойти на дневные занятия, а потом обычным путем на работу. И если бы в Варшаве тогда не возник учебный центр для метателей, то я, по всей видимости, перестал бы тренироваться и забросил ядро.

— А какой была тема вашей дипломной работы?

— Интересной, как мне кажется. ««Оранжевая альтернатива» как форма антикоммунистической оппозиции». Я написал, чем она была и каким образом способствовала изменению строя. Показал я это по большей части описательно, исследований и цифровых данных у меня было поменьше, потому что люди уже кое-что написали на эту тему, но работа мне самому понравилась. Признáюсь, что и другим тоже.

— Недавно вы говорили, что пойдете еще учиться. Откуда такая страсть к учебе?

— Мне необходимо какое-нибудь другое постоянное занятие — такое, чтобы оно полностью отрывало от спорта. У меня нет времени на нормальную работу, но на вторую учебу, мне кажется, удалось бы сэкономить немного времени. Я бы хотел поучиться еще. Это ничему не мешает, а помочь может. Если человек слишком много сидит в одном деле, он помаленьку сходит с ума.

— Иначе говоря, вы утверждаете, что тренировки отупляют?

— Если посмотреть со стороны, то это глупое занятие. Делается обычно одно и то же, причем нон-стоп. Это почти как работа на заводе у конвейера. Шлифуется и совершенствуется одно движение, всё крутится только вокруг этой задачи. Тяжкое, до мозолей, стремление к совершенству — и ничего больше.

— Я слышал, вы любите смотреть на звезды...

— У меня когда-то была такая юношеская мечта — купить себе телескоп, а когда я теперь могу его купить, то мне он ни к чему: в Варшаве неба не видно. Да к тому же мне бы и негде было его поставить.

— А в Слончеве видно небо?

— По прямой линии это 65 км от Варшавы, но там чистехонькое небо, нет никакого свечения, и можно было бы заняться наблюдением. В столице ничего не получится, и мне придется подождать с этим телескопом еще сколько-то лет.

— У вас есть желание построить дом под Варшавой?

— Да, но на этом этапе карьеры еще слишком рано об этом думать. Я теперь должен почти беспрерывно быть в городе, уже семь лет так кручусь. Я мало езжу на сборы, в основном сижу в столице. Центр метаний — это для нас хорошее место подготовки. У меня там есть спортзал, стадион, тренажеры — я всё могу там сделать. Можно ездить по миру, но нельзя из этих разъездов сделать себе главную цель. Коли я могу свою работу сделать тут, то мне ни к чему всякие безумные вещи. Кстати, для метателей всякие поездки, например, в высокогорье, не имеют особого значения. Разок я там был, меня страшно носило, я вернулся — и перестало носить. Мы временами ездим повыше, чтобы проделать большую силовую работу, это наверняка помогает, но не то чтобы я был обязан сидеть в горах по полгода.

— Есть ли у вас деньги от занятий спортом?

— У меня есть надежда, что олимпийская премия начнет этап, когда я буду зарабатывать побольше. И это меня радует, потому что ядро — не самый выгодный вид спорта. У меня последнее соревнование Золотой лиги прошло два года назад. Мы находимся в глухом конце легкоатлетов, меньше нас наверняка зарабатывают молотобойцы, а уж хуже всех — ходоки и женщины-метательницы. Злотый сейчас сильный, а нам обычно платят в валюте — выходит, и тут мы тоже теряем. Так что на данный момент я жду, пока что-нибудь спокойно насобирается. Я буду делать капиталовложения в себя — так, похоже, лучше всего. А с другой стороны, вы же сами знаете, нет, пожалуй, такой суммы, которую невозможно ухлопать и выбросить на ветер.

— В СМИ вы создали образ мужчины, который с улыбкой на лице рассказывает, что в спорте можно расслабиться, развлечься, выпить пива и даже чего-нибудь покрепче. Как оно обстоит на самом деле?

— Если мне надо сидеть в нашем центре и вкалывать, то я сижу и вкалываю. Нет и речи ни о чем другом, только тренировки. Сейчас я могу, конечно же, весело потрепаться, но ведь основную-то часть года я вкалываю, как вол. В моем спорте надо очень много работать, потому что ядро — это такой вид, в котором из тренировки вполсилы ничего не будет.

— Тогда откуда эти легенды о множестве кружек пива и удачных стартах под мухой?

— Боже милостивый, я же крупный мужик, могу и выпить, но это наверняка мешает, поэтому я просто не перегибаю палку и ничего такого не делаю.

— Имеются ли у вас какие-нибудь дурные привычки?

— Разве что — особенно если посмотреть на уровень чтения в Польше — я запойный читатель. В Пекин тоже взял две книги, но здесь у меня малость не получается, слишком много других занятий. Больше всего я читаю, когда путешествую, — тут страницы быстро летят. А поскольку я ежедневно езжу из одного конца Варшавы в другой, время у меня есть

— Это значит, что вы не ездите на машине?

— У меня нет прав. А если бы и были, я все равно ездил бы на метро, потому что в столице это быстрее.

— Поесть вы любите много и хорошо?

— Я могу съесть много, но это не обязательно. Если тренировки идут полным ходом, я способен проглотить слона, но бывают дни, когда я ем лишь столько, чтобы не рухнуть трупом. В конце концов, я вешу 140 кг, и вполне естественно, что я ем чуточку больше других, но не будем преувеличивать. Я не слишком разборчив и не привередлив. Кроме того, спорт в Польше учит есть всё. Разъезжаешь по разным сборам и спортцентрам, выступаешь на разных соревнованиях и ешь в столовках, по правде говоря, самые разные вещи. Но к гамбургерам я не прикасаюсь.

— Есть ли у Вас образец толкателя ядра?

— Ульф Тиммерман*. Он умел выжать из себя и своей техники максимум. Если б я так толкал, то уфф... — в самом деле не знаю, сколько бы у меня получилось.

— Здоровье вас не подводит?

— В этом году я в порядке: у меня не было ни единой серьезной травмы, не считая растяжения мышцы. У толкателей чаще всего из строя выходят руки, иногда спина стреляет, бедренно-крестцовый участок. Тогда человек чувствует, что жив, а особенно — что не может подняться с постели. В Пекине через три-четыре часа после выступления у меня спина тоже разболелась, мышцы были слегка потянуты, потому что, хоть попыток было мало, это большой напряг для организма. Но всё уже в порядке.

— У вас в жизни есть запасной вариант на тот случай, если судьба внезапно заставит вас прекратить занятия спортом?

— Что-нибудь придумал бы, я не принадлежу к жертвам судьбы. И приучен к тяжелой работе. Много мне в жизни не требуется. Я бы справился — спорт учит смирению.

Беседовал в Пекине Кшиштоф Рава

RZECZPOSPOLITA

* Легкоатлет из ГДР, олимпийский чемпион (1988). В том же году первым в мире послал ядро за 23 м — на 23,06 м. Сегодня никто даже не приближается к подобным результатам. Сам Т.Маевский победил в Пекине с результатом 21,51 м, установив при этом личный рекорд и улучшив свое прежнее достижение сразу почти на полметра. — *Пер*

Виктор Кулерский

ПАРАЛИМПИАДА

Пекин, 6-17 ноября 2008

■ **«Олимпиада для инвалидов еще не началась, но у нее уже есть свои звезды: польская теннисистка Наталья Партыка и пловчиха из ЮАР Натали дю Туа. Обе выступили на завершившейся две недели назад Олимпиаде для здоровых, и уже тогда к ним стояли очереди за автографами. Несмотря на отсутствие правого предплечья, 19-летняя Партыка — теннисистка мирового уровня (...) Это уже третье выступление польки на Паралимпиаде. В Сиднее ей было только 11 лет (...) В Афинах она завоевала золото и серебро (...) Поляки впервые приняли участие в Паралимпиаде лишь в Гейдельберге в 1972 году. Тогда они завоевали 33 медали, в т.ч. 14 золотых, а Барбара Копецкая и Рышард Маховчик пять раз поднимались на пьедестал почета. Восемь лет спустя Польша в первый и единственный раз победила в медальном зачете, опередив США и Германию. Инвалиды состязались тогда в голландском городе Арнем, а не в Москве, потому что СССР не пожелал проводить у себя такие соревнования (...) В Пекине выступает 91 польский спортсмен. Китайцев будет 540».** ***(«Жечпосполита», 5 сент.)***

■ «Трогательное открытие Паралимпиады в Пекине (...) Особенно волнующим был момент зажжения олимпийского огня, когда слепая спортсменка с собакой передала факел спортсмену в инвалидной коляске. Польскую команду, состоящую из 91 спортсмена и 50 тренеров, опекунов и врачей, с трибуны стадиона «Птичье гнездо» приветствовал вице-премьер Вальдемар Павляк». *(«Жечпосполита», 8 сент.)*

■ **«Уже несколько недель подряд Наталья Партыка — китайская звезда (...) «СМИ помешались на Наталье», — говорит Анна Хао, переводчица польского посольства (...) Наталья занимается спортом, который в Китае очень популярен. Где бы она ни появилась, ее тут же окружает толпа болельщиков, желающих получить автограф. Даже волонтеры покидают свои посты, чтобы быть поближе к польке, а китайские журналисты предпочитают разговаривать с ней, а не с соотечественниками. 1 сентября полька была приглашена в одну из пекинских школ на начало учебного года. Ее встретили продолжительной овацией, а затем она сыграла несколько матчей с учениками (...) Наталья родилась без правого предплечья. В настольный теннис начала играть в семь лет (...) В Греции она завоевала золото. «В Пекине я опять хочу победить», — сказала она после первой победы над француженкой Одри ле Морван. Вчера она победила снова, на этот раз китаянку Чуньсяо Хо. Обеих соперниц она обыграла в трех коротких сетах».** ***(«Газета выборча», 9 сент.)***

■ «На второй день Паралимпиады в Пекине поляки завоевали две медали. Серебряная в метании копья досталась Павлу Петровскому, а бронзовая в прыжках в длину — Эве Зелинской (...) 23-летний Петровский (ДЦП) (...) четыре года назад завоевал две медали: золотую (толкание ядра) и серебряную (метание копья), а в метании диска занял четвертое место (...) 36-летняя Эва Зелинская (ампутация нижней конечности) прыгнула в длину на 3,62 м. (...) До серебряной медали ей не хватило одного сантиметра». *(«Жечпосполита», 9 сент.)*

■ **«На соревнованиях среди инвалидов по зрению 19-летняя польская пловчиха Иоанна Мендак завоевала золотую медаль в плавании на сто метров стилем баттерфляй. В Афинах**

она тоже была первой (...) Серебряные медали завоевали пловчихи Кася Павлик и Паулина Возняк, а также тяжелоатлетка Юстина Коздрык (...) В весовой категории 44 кг Коздрык подняла штангу весом 92,5 кг и уступила только китаянке Цуйцзюань Сяо, которая взяла вес ровно 100 кг». ***(«Жечпосполита», 10 сент.)***

■ «Наталья Партыка победила китаянку Фань Лэй и завоевала золотую медаль (...) Серебряную медаль получила пловчиха Иоанна Мендак, а три бронзовые — легкоатлеты Мирослав Пых, Рената Хилевская и Алиция Фёдоров. Финальный поединок Партыки с 25-летней китаянкой длился чуть больше десяти минут. Наталья выиграла со счетом 3:0». *(«Жечпосполита», 11 сент.)*

■ **«Она была героиней долгих программ по общепольскому телевидению, и, пожалуй, ее смотрели чаще, чем всех остальных спортсменов. Самой популярной категорией на государственном телевидении был настольный теннис. Финал смотрело на CCTV более 300 млн. зрителей».** ***(«Газета выборча», 11 сент.)***

■ «Тринадцать медалей — две золотых, шесть серебряных и пять бронзовых — завоевали польские спортсмены, когда Паралимпиада перевалила за середину. Самой популярной спортсменкой стала Наталья Партыка. Польская теннисистка покорила Китай и другие страны уже во время основной Олимпиады, когда играла в групповом турнире (...) Вчера она завоевала золотую медаль (...), а зрители приветствовали ее овациями стоя! «Наталка и в самом деле яркая звезда Пекина. Ее везде узнают, заговаривают на улице. Где бы она ни появилась, вокруг нее собирается толпа. Каждый хочет автограф», — говорит пресс-атташе польской дипломатической миссии в Китае Кристина Хады-Бартковяк». *(«Дзенник», 12 сент.)*

■ **«17-летний теннисист Петр Грудзень стал серебряным медалистом (...) В финале молодой поляк проиграл опытному китайцу Чэнь Гану со счетом 1:3 (...) 40-летний Чэнь, играющий с протезом левой ноги (...) выигрывал сет за сетом. Вторую медаль для польской команды завоевала в четверг Кристина Павлик, показавшая третий результат в заплыве на 200 м комплексным стилем».** ***(«Жечпосполита, 12 сент.»)***

■ «Очередные медали поляков (...) золотая, три серебряных и две бронзовые. Золото завоевал инвалид по зрению 52-летний Анджей Зайонц. Пилотируемый Дариушем Фляком, он победил в шоссейной велогонке, преодолев трассу в 96,8 км за 2 ч. 14 мин. 44 сек.». *(«Жечпосполита», 15 сент.)*

■ **«Шесть польских медалей (...) Наталья Партыка и Малгожата Гжеляк в командном турнире по пинг-понгу, а также метатель ядра Кшиштоф Сморщевский заняли второе место, а штангист Рышард Рогаля и шпажист Радослав Станчук — третье (...) Для Катажины Павлик победа на 400 м вольным стилем с установлением мирового рекорда — самый большой успех в Пекине. До этого она уже завоевала два серебра и бронзу. 23-летний Марек Авижень победил в беге на 800 м и тоже установил мировой рекорд».** ***(«Жечпосполита», 16 сент.)***

■ «Паралимпиада закончилась (...) Польша заняла 18-е место, завоевав 30 медалей: 5 золотых, 12 серебряных и 13 бронзовых (...) Четыре года назад в Афинах медалей было больше (54) (...) Самых крупных успехов добились (...) пловчихи Катажина Павлик и Иоанна Мендак, а также теннисистка Наталья Партыка. Каждая из них возвращается с золотой медалью. Больше всего олимпийских медалей привезет Павлик, которая, помимо золота, завоевала еще серебро и бронзу. Однако самой популярной в Китае стала Партыка. Лишь она, а также пловчиха из ЮАР Натали дю Туа совершили то, что еще недавно казалось невозможным: обе они выступили как на обычных Олимпийских играх, так и на Олимпиаде для инвалидов (...) В Паралимпиаде приняли участие 4200 спортсменов из 148 стран мира. Было установлено более 200 мировых рекордов. Возможности участников растут вместе с техническим прогрессом (протезы за полтора десятка тысяч евро и еще более дорогие коляски)». *(«Жечпосполита», 18 сент.)*

■ **«Китайцев восхитила польская теннисистка Наталья Партыка (...) Однако мало кто помнит, что не далее как месяц назад, накануне основной Олимпиады, инвалидов и бездомных силой изгоняли с улиц Пекина (...) В Китае живет 83 млн. инвалидов (...) Их называют «каньцзи», что означает «деформированный», или «каньфэй» — «бесполезный» (...) «Инвалидов дискриминируют», — признал Ли Каймао, директор правительственной организации, занимающейся правами инвалидов (...) Китайские инвалиды надеются, что благодаря Паралимпиаде что-то наконец изменится».** ***(Моника Рембала, «Ньюсуик-Польша», 21 сент.)***

• «Томашу Валисевичу 44 года, у него ампутированы обе ноги (...) Поехать на соревнования в Пекин ему помешала контузия пальцев правой руки — два из них пришлось ампутировать. Он взял шпагу в левую руку, но отдавал себе отчет, что на Олимпиаде (...) у него нет надежд на медаль. Это было ниже достоинства фехтовальщика, который в Сиднее завоевал две серебряных медали, а в Афины ехал фаворитом и лидером мировых рейтингов (...) После Паралимпиады в Атланте (1996) он занялся фехтованием на колясках (...) Следующие шесть лет польские фехтовальщики на колясках были безусловно лучшими в мире. Они побеждали в Сиднее и в Афинах (...) Томек лишь улыбается, когда я спрашиваю, не должен ли спорт быть для инвалида прежде всего реабилитацией. Если для отдыха — да. Но профессиональный спорт — такой же, как у здоровых: в нем многое зависит от денег, случаются аферы и допинг. Чемпионат мира по фехтованию 2006 г. в Турине был общим для здоровых и инвалидов (...) Может быть, когда-нибудь Олимпиада и Паралимпиада сольются воедино (...) Как говорит Томаш, профессионал не занимается спортом ради здоровья. Он здоровьем рискует». *(Дариуш Воловский, «Газета выборча», 8 сент.)*

■ **«21 медалист остался без вспомоществования (...) Два года назад к олимпийским медалистам, имеющим право на т.н. олимпийские пенсии (в размере средней зарплаты) присоединились спортсмены-инвалиды. Но не все. Было решено, что Паралимпийская пенсия предоставляется только тем, кто завоевал медаль после 1992 года. Позже пенсию выделили и остальным, но, в свою очередь, в эту группу не включили 21 человека (...) Министр спорта Мирослав Джевецкий считает, что (...) были такие ситуации, когда в соревнованиях участвовали только три спортсмена и все получили медали (...) «Экономия минимальная, а обойденным спортсменам причиняется зло», — говорит сенатор Петр Вах. Паралимпийский комитет признаёт и нумерует Паралимпиады начиная с самой первой в Риме в 1960 году (...) Председатель Высшего административного суда Януш Тщинский (...) подал по этому делу иск в Конституционный суд. Он написал: «Общая черта медалистов олимпиад для инвалидов, которая имеет решающее значение при предоставлении им пенсии, — это их участие в спортивных соревнованиях олимпийского типа и завоевание по меньшей мере одной медали»».** ***(Януш Пиндера, Ярослав Стружик, «Жечпосполита», 24 сент.)***

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

ЗБИГНЕВ ХЕРБЕРТ
1924–1998

Выдающийся поэт, драматург, эссеист, писатель высокого художественного уровня и человек исключительного морального авторитета. Его биография наполнена трагическими эпизодами, связанными с историей XX века и поэтому его творчество стало жизненным компасом для многих поляков. Збигнев Херберт является лауреатом многочисленных премий в области литературы. Он является одним из наиболее переводимых на иностранные языки польских писателей.

В своих стихах и эссе Збигнев Херберт обращается к истокам культуры, хотя видит их через трагизм современности, с точки зрения человека, познавшего ужасы воен и политического террора. Он старался спасти этические заповеди, а его завет сохранять мужество и объективность стал неотъемлемой частью общественного сознания.

Однако Херберт был поэтом, полным восхищения красотой окружающего мира, радостью контакта с искусством. А прежде всего чувствительным по отношению к окружающим предметам. Он усиленно старался понять людей, строя мосты над разделяющим нас пространством и временем, стараясь чтоб фантазия стала "инструментом сочувствия"...

ПОСЛАНИЕ ГОСПОДИНА КОГИТО

Иди до темной границы как те что шли до тебя
за своей последней наградой золотым рунам небытия

иди не склоняя головы средь тех что на коленях
средь повернувшихся спиной и повергнутых во прах

ты уцелел не для того чтобы жить
времени мало нужно дать пример

будь мужествен когда подводит разум
будь мужествен ведь только это в счет

а Гнев твой бессильный пусть будет как море
каждый раз как услышишь голос униженных и битых

пусть ведают всю меру твоего презренья
стукач палач и трус – но выиграют они
и на твою могилу бросят ком земли
а короед напишет жизнеописанье

и не прощай ты воистину не имеешь права
прощать от имени тех кого предали на рассвете

бойся однако ж гордости ненужной
и в зеркале вглядись в свое лицо шута
тверди я призван – разве не было лучших

бойся черствости сердца любя ручей журчащий
птицу с неведомым тебе именем зимний дуб
свет на стене великолепие неба
они не нуждаются в тепле твоего дыхания
они существуют чтоб знал ты никто тебя не утешит

бодрствуй – когда же свет на горах даст знак – встань и иди
покуда кровь вращает в груди темную твою звезду

тверди заклятья сказки легенды что создали люди
ибо так ты добудешь благо которого не добудешь
тверди великие слова упрямо их тверди
как те что шли через пустыню и гибли в песках

а наградит тебя тем что есть под рукой
хлыстом издевки убийством на мусорной куче

иди только так будешь принят в чреду черепов
в чреду твоих предков: Гильгамеша Гектора Роланда
защитников царства без границ и города пепелищ

Будь верен Иди

ТРЕН ФОРТИНБРАСА

для М. Ц.

Теперь оставшись одни
мы можем с тобой побеседовать принц
/как мужчина с мужчиной
хоть ты лежишь на ступенях и видишь не больше
/мертвого муравья
черное солнце со сломанными лучами

Я никогда без улыбки не мог вспоминать твои руки
и теперь лежащие будто сброшенные с деревьев гнезда
они так же беспомощны как раньше Это и есть конец
Руки лежат отдельно Шлага отдельно Голова отдельно
и ноги рыцаря в мягких туфлях

Похоронят тебя по-солдатски хоть ты и не был солдатом
но это единственный ритуал немного знакомый мне
Не будет ни свеч ни молитв лишь фитиля да залпы
Шлемы грохот сапог бой барабанов артиллерийские лошади
/ничего изящного я и сам понимаю
это будут мои маневры перед принятием власти
нужно взять этот город за горло и слегка потрясти

Так или иначе ты не мог не погибнуть Гамлет ты был
/не для жизни

ты верил в кристальные понятия а не в людскую глину
как во сне ты ловил химеры судорожно хватая
жадно глотал ты воздух И тут же тебя тошнило
ничего не умел как люди даже дышать не умел

Ты сложен Гамлет ты сделал то что тебя касалось
и сложен А все дальнейшее касается только меня
Ты выбрал самое легкое эффектный удар

но что геройская смерть по сравнению с вечным бдением
того кто снимает холодный скипетр сидя на высоком кресле
с видом на муравейник и циферблат часов

Прощай же принц мне пора обратиться к проекту
/канализации
и к декрету о проститутках и нищих
я должен также обдумать улучшение системы тюрем
ведь Дания это тюрьма как ты справедливо заметил
Пора заняться делами Сегодня ночью родится
звезда по имени Гамлет А мы уже не столкнемся
то что остается после меня не будет предметом трагедии

Нам не встретиться ни проститься мы живем на архипелагах
а эта вода эти слова что могут что могут принц

Минувший год был объявлен в Польше Годом Збигнева Херберта, что принесло невероятно богатый урожай в виде посвященных писателю статей, очерков и даже книг. Ибо автор «Господина Когито» несомненно принадлежит к самым популярным поэтам послевоенного периода — тем более что он входил в число немногочисленных представителей своего поколения, которые никоим образом не вступили в сотрудничество с коммунистическим режимом. Его поздний — сегодня уже легендарный — дебют ознаменовал собой произошедший около 1956 г. перелом в развитии современной польской поэзии, хотя мало кто из исследователей его творчества обращает внимание на то, какую роль в формировании поэтики Збигнева Херберта сыграла лирика Тадеуша Ружевича. Это, впрочем, вопрос не первого плана: с самого начала Херберт широко использовал накопленное к нашему времени культурное достояние, и нетрудно указать многочисленные литературные точки отсчета, откуда исходит созданное им самим.

Оригинальность Херберта, однако, определяет специфический способ, каким он «перерабатывает» культурную материю. Об этом свидетельствует, например, недавно дошедший до польского читателя текст его радиовыступления «Образ Европы» (1973), которым открывается последний номер **«Зешитов литерацких»** (2008, №3):

«Гессенское радио обратилось ко мне с предложением написать свои заметки на тему образа Европы. Я мог бы привести целый список доводов и причин, по которым считаю невозможным браться за эту задачу. (...) Нынешний исторический момент особо щекотлив; решения, которые наступят в ближайшее время, могут перечеркнуть множество спекуляций. А кроме того — и это, пожалуй, важнее всего — у меня нет единого образа Европы, есть по меньшей мере два, причем совершенно противоречащих друг другу, — катастрофический и идиллический. Это вовсе не поэтическая метафора — это ситуация, далекая от внутреннего комфорта. (...)

У меня на родине живет писатель, зачарованный Европой, ее историей и культурой. Был период, когда подобная зачарованность была попросту опасна. Он написал немало произведений, посвященных иудео-греко-христианским традициям. Те же самые работы, будь они напечатаны в Пуатье или Тюбингене, позволили бы оценивать его как человека спокойного, глядящего на жизнь отстраненно, неохотно включающегося в жаркие споры современности. И трудно было бы ему объяснить своим западным коллегам, что, когда он писал о нашествии афинян на остров Самос, о процессах тамплиеров или об альбигойцах, он имел в виду современные события. Ради этого он пускал в ход тяжеловесные исторические машины, ради этого использовал аллегорию и надевал маску — ибо не мог говорить иначе, и даже не хотел говорить иначе. Борьба с любым президентом или секретарем сводит литературу в ад публицистики. Когда его рукописи прибывали на Запад, их оценивали обычно доброжелательно как труды, демонстрирующие большую начитанность автора, культуру и достоинства его мастерства. Жалкие это были для него комплименты. Как будто вся страсть и бунт внезапно улетучились в силу простого факта пересечения границы. Я использовал слово «граница». Это означает, что я буду говорить о двух Европах».

Paulina Zielona

Херберт, разумеется, говорит о Восточной и Западной Европе, но в то же время и о чем-то большем. Начав с того, что родился в городе, который «лежал на великом перекрестке путей с запада на восток и с юга на север», он продолжает:

«Поэтому ему всегда были чужды искусственные и часто служащие политическим целям поиски того, что мы называет национальным характером, все эти безумные попытки установить, что такое «чисто романское», «исконно германское» или «истинно славянское». (Веками в моем городе работали итальянские, нидерландские, немецкие, армянские, польские, русские художники. (...) ...таким образом, моя первая Европа — а я привязан к ней и по сей день — была огромным базаром языков, обычаев и культур. Один из незамеченных результатов II Мировой войны — факт, над которым стоит задуматься, а именно: возникновение этнически чистых государств. Политические границы, как никогда прежде в истории, совпадают с границами наций. Можно, правда, сказать, что развитие обмена материальными и культурными благами, массовый туризм этому противостоят, мне, однако, кажется, что те, кому близко объединение Европы, обязаны над этим задуматься. С политической точки зрения, этнически чистое государство может быть идеалом, но сомневаюсь, остается ли оно идеалом в мире культуры».

Будучи человеком культуры, Херберт никогда не переставал быть варваром, и более того: он заботливо старался не утерять того, что важнее всего для варвара, — свежего, нового взгляда на достижения цивилизации. Об этом пишет Лукаш Мусял в большой статье «Не-действительность», посвященной эссеистике Херберта и опубликованной в гданьском **«Пшеглёнде политичном»** («Политическом обозрении», 2008, №89). Говоря о сборнике «Варвар в саду», Мусял замечает:

«Кто такой «варвар» и чем таким он занимается в «саду»? Подозревать автора «Камня от собора» в интеллектуальной и эстетической незрелости, а то и примитивности ума было бы, разумеется, крайне бестактно. Тем не менее мы ясно видим, что этому пришельцу из-за железного занавеса слегка не по себе в странах западно- и южноевропейской культуры. Ибо он — из государства, где царят насилие и тьма. Его неуверенная, слегка неловкая походка — походка человека, привыкшего ступать в темноте, — должно быть, сразу бросается в глаза в царстве солнца, запаха, красок. Но путник — еще и по другой причине варвар. (...) Путешествующий поэт видит самого себя — полу в шутку, полувсерьез — человеком, который в цивилизованных европейских странах движется как бы ощупью. Чтобы не заблудиться до конца, он старается избегать опасностей абстракции и держаться продуктов твердой реальности (...). Хербертовский варвар рассматривает красоту как вечно длящийся «предмет», учась лелеять в себе и развивать традиции культуры. (...) Но варвару не страшен тяжкий, кропотливый труд. Он отважно (хоть и осторожно!) протаптывает свою тропинку в саду традиций. К вопросу он приступает методически, а то и прямо научно. Правда, писательская легкость или вовсе литературное легкомыслие Збигнева Херберта наводят нас на мысль, будто его тексты написаны почти в приступе вдохновения, одним росчерком пера, тем не менее за этой «беззаботностью» таится, как мы знаем, мощный труд архивиста».

В заключение автор статьи пишет:

«Немалая часть читателей сочтет густую, чувственную эссеистику Херберта антитезисом его высокоинтеллектуальной, местами прямо философской поэзии. Насыщенные вещественностью описания, смелые сравнения и нежный восторг перед зримой красотой — всё это как будто доказывает утверждение, согласно которому эссеистика Херберта ознаменована пристрастием к миру вещей, своеобразным почтением к действительности (...). Это почтение якобы особенно заметно в последнем томе очерков, где с помощью голландского искусства XVI-XVII веков Херберт наконец утоляет, притом раз и навсегда, свою «жажду действительности». Однако можем ли мы это искусство с чистой совестью назвать реалистическим? (...) Восхищаясь реализмом голландских мастеров, мы должны иметь в виду, что уж если это и был реализм, то скорее магический — искусство, которое желало быть ближе к действительности, чем... сама действительность. (...) Эссеист Херберт поступает подобно голландскому художнику: умышленно подсовывая читателю вкус, запахи и краски мира, о котором с такой страстью пишет, он по существу поворачивается спиной к тому, что мы можем потрогать, понюхать, увидеть. Взгляд свой он устремляет к произведениям, ускользающим от разрушительной власти времени».

Херберту и его творчеству посвящен и последний номер быдгощского **«Квартальника артистичного»** («Художественного ежеквартального журнала» 2008, №2). В отдельном приложении к номеру собраны полтора десятка высказываний, относящихся как к связям их авторов с героем — по счастью, удалось избежать типичных в такой ситуации манифестаций на тему «Я и Херберт», — так и самого творчества автора «Господина Когито». Среди них я обратил внимание на мини-эссе прекрасного поэта Петра Матывецкого:

«Стихи и эссе Збигнева Херберта читают нас с момента своего возникновения, от дебюта поэта до последних записанных им слов. Что-то было в прозрачных предложениях Херберта такое, что, пронизывая ум и воображение читателя, они не только свидетельствовали о своей меткости и силе, но и воспроизводили содержание и архитектуру наших индивидуальных и общих мифов, подсознаний, мечтаний, обид. Произведения Херберта обращены к нашему восприятию мира, которому присуща легкая и естественная вразумительность, который при-

способлен к нашему иррациональному и рациональному познанию. На этом и строилась интригующая ясность и простота Херберта: его поэзия сразу и целиком поддавалась и усвоению, и восхищению. А все-таки тут была «хитрость»: благодаря этой вразумительности поэзия Херберта холодно, клинически и иронически наблюдала, что мы такое в нашем потаенном нутре! Нам нравилось, что поэзия нас так легко и глубоко просвечивает. Нам это даже льстило: мы, оказывается, прозрачны для великой поэзии! Но нас должно было мучить то, что открывается при просвечивании...

А после смерти Збигнева Херберта? Смерть поэта меняет и его поэзию, и его читателей. Как будто параллельно литературоведческим исследованиям творчества Херберта — исследованиям, которые в силу вещей объективизируют то, что в его поэзии дано словно помимо времени, в которое она возникала и читалась при жизни автора, — совершается таинственный и неуловимый процесс: теперь стихи и эссе Херберта читают нас и уже не могут до конца понять. Мы взаимно становимся темными: перестаем быть понятными для этой поэзии, а она для нас полнится тайнами. Неизвестно, вопрос ли это обычной или кризисной перемены времени и мира. Началась другая жизнь этой поэзии в нас. Какова будет эта жизнь? Отвечать еще рано.

Хочу только сказать что-то от себя. Меня всё больше трогают такие стихи, как «Ворожба», «Остров», «Чувство тождественности». Банальное слово «трогают» подчеркиваю, так как оно противоположно «просвечиванию». Раньше мне нравились те стихотворения, которые просветляли мое читательское нутро, выводили его на свет, были подобны моментальному снимку, который тут же закрепляет то, что обнаружил. Сегодня я люблю те произведения, тихий, лишенный эффектов импульс которых приводит в движение все стихии материи и воображения, наблюдательности и человеческого нутра. Обычно это стихи «без темы», вероятно, неясные и самому автору, ибо они уклоняются от его умышленной композиционной нацеленности. Попросту люблю Херберта таинственного».

И наконец — в том же номере журнала — эссе Стефана Хвина «Золотое руно Збигнева Херберта»:

«Никто до сих пор не написал, какое жестокое, леденящее и безжалостное стихотворение — «Послание господина Когито». И ничего не меняет напоминание, что герой стихотворения — не сам Херберт, а воображаемая фигура, от которой Херберт себя литературно отдалял. Ибо кто из нас — на самом деле — обращал к себе самому страшные хербертовские слова: «ты уцелел не для того чтобы жить»? (здесь и далее в пер. Владимира Британишского). Кто был бы готов сказать своему юному сыну или дочери: «Иди до темной границы (...) за своей последней наградой золотым руном небытия»? Стихотворение о «царстве без границ» и «городе пепелищ», куда поэт звал своих читателей помладше и постарше, функционировало как прекрасное алиби для нашей «нормальной жизни» в реальном социализме, за что мы были Херберту благодарны. Мы не были господами Когито, но, ссылаясь на славные хербертовские фразы, могли сказать о себе, что в любой момент можем быть таковыми, даже если это было патетическое, ничем не покрытые обещание. Тем самым Херберт давал нам неоценимый дар — королевскую мантию для нашего отчуждения, которое досаждало нам, польским интеллигентам, весь XIX и XX век. Этой пурпурной мантией мы могли придать возвышенность нашей социальной маргинальности, что и делали охотно. В свете «Послания господина Когито» мы были чужаками в реальном множестве социалистических поляков конца XX века не потому, что были чужими как обычные польские интеллигенты, а лишь потому, что на возвышенную отверженность осудили сами себя, героически выбирая нелегкий нонконформизм, с которым большинство поляков не имело ничего общего. Мог ли быть более прекрасный дар, которого мы в своей массе, признáемся, скорее не заслуживали?»

Текст Хвина, в этом фрагменте патетический почти настолько же, насколько патетической — несмотря на иронию — остается поэзия Херберта, написан со страстью, благодаря которой автор может указать и сомнения, касающиеся Херберта. Приведу один отрывок:

«Вкус прощения — несмотря на многочисленные стихотворения, полные сострадания и снисходительности к людям, — не принадлежал к его излюбленным вкусам. Так же как и слово «компромисс». С некоторого времени я приглядываюсь не только к писателям, но и к людям, которых писатели притягивают, как магнит. (...) Довольно быстро я заметил, что к Херберту тянутся «сенсаты», люди с вертикальной морщиной между бровями (...) сосредоточенные на себе, как детонатор от взрывчатки, заостренные на вопросе ценностей, твердые и непреклонные. (...) Не случайно и то, что рыцари Справедливости и Права со стиснутыми зубами и вертикальной морщиной на челе, жестко люстрирующие человеческую беду и потрясающие совестью людей, как грязной половой тряпкой, которую следует дезинфицировать хлоркой морального оздоровления, льнули к нему, как пчёлы к мёду — что его самого вовсе не порадовало бы, хотя, ничего не поделаешь, в своих стихах он много лет вырабатывал идейное топливо для их морально-патриотического запала. Так оно и бывает, когда мы теряем самый ценный дар — божественное зеркало иронии по отношению к себе, в которое стоит смотреться всю жизнь, а не только время от времени».

Магдалена Байер

КРАКОВ — ВАРШАВА — МИР

Семья Дитлей

Среди польских династий ученых встречается много иностранных фамилий. После многочисленных встреч с представителями таких династий я знаю, что им не надо искать каких-то особых доказательств в подтверждение своего патриотизма или гражданского самопожертвования на службе отечеству, которое когда-то выбрали для себя их предки. Это относится и к семье Дитлей. Профессор Ежи Дитль, живущий ныне в Константинове под Лодзью, хранит книгу родоначальника семьи Георга, написанную по-немецки, готическим шрифтом, в начале XVIII века. Несколько ранее семья прибыла в Галицию, а многочисленные ее члены служили экономами в имениях, главным образом Любомирских и Сангушко. Служили они и в местной администрации.

■ Знаменитый доктор из Кракова

Известнее всех в этой семье Юзеф Дитль, его именем названа в Кракове одна из центральных улиц. Он был внуком австрийского офицера. Учился в Вене, и там же началась его научная деятельность. Затем он стал профессором Ягеллонского университета, где основал медицинский факультет. Начиная свою первую лекцию, он обратился к студентам с такими словами: «Вы будете учить меня польскому языку, а я вас — медицине». Как бальнеолог он много способствовал развитию курортов в Татрах — Криницы, Щавницы, Рабки.

Согласно традициям того времени, он участвовал в общественной жизни, а следуя велению собственного патриотического духа — и в политической, заседая в Верхней палате австрийского парламента как представитель от Галиции. В течение многих лет он был президентом (мэром) города Кракова; незадолго до войны ему был воздвигнут памятник работы Ксаверия Дуниковского.

Однако прежде всего Юзеф Дитль был прекрасным врачом, а также учителем и воспитателем не одного поколения врачей; он был олицетворением достоинств, ума и добродетелей, которые лежат в основе того, что иногда мы называем призванием врача. Его коллега граф Станислав Тарновский, тоже профессор, правда, специалист в другой области, на протяжении многих лет ректор Ягеллонского университета, писал об этом в своем очерке о художнике Матейко. Фрагмент этого очерка он посвятил портрету Юзефа Дитля кисти прославленного художника. «Похож так, что от живого не отличишь, тот же проникновенный взгляд, тот же гениальный блеск в глазах, который памятен всякому, кто видел Дитля с больными, кто знает, как вместе с Дитлем вступала в комнату больного надежда». Важно также заметить, что автор портрета оказался в 1860 г. пациентом своей модели и очень с ним подружился. Этот портрет считается лучшим среди существующих, он хранится в университетском музее «Collegium Maius».

■ Великопольша и Галиция

В традициях польской семьи Дитлей можно обнаружить множество самых разных направлений. Ученое направление продолжают внучатый племянник знаменитого доктора из Кракова профессор Ежи Дитль, о котором уже было сказано выше, и его сын профессор Томаш Дитль — у каждого из них своя специальность.

Отец и дедушка моих собеседников, брат Юзефа, изучал право в Ягеллонском университете, ибо это вменялось в обязанность сыновьям из семей помещиков и интеллигенции. В Галиции, пользовавшейся относительной автономией, образованным полякам предоставлялись должности в австрийской администрации. Поэтому и он занимал должность старосты в разных местностях до тех пор, пока [уже в независимой Польше] его не вызвал в Великопольшу министр в администрации бывшей прусской части Польши Леон Янта-Полчинский, который оказался его родственником по женской линии.

Бронислав Дитль стал президентом Торуни, где ему удалось в значительной мере полонизировать свое учреждение; потом был старостой в Иновроцлаве. После майского переворота 1926 г. он занялся главным образом общественной работой — в «Католическом действии», в Польском Красном Кресте, отделение которого он возглавлял в Познани, куда переехали «куявские Дитли» перед войной.

Будущий профессор Ежи Дитль родился в Иновроцлаве и был воспитан в традициях скорее великопольских, чем галицийских, хотя и последние в семье не забывались. Немало представителей семьи Дитлей осталось в Галиции, там жили многие ее поколения, а «на Куявах», где пустила свои корни прибывшая

из Пруссии семья матери профессора, в девичестве Знанецкой, близкими соседями были: Ян Каспрович, Людомир Ружицкий, Станислав Пшибышевский. Его тетушка, в девичестве Беньковская (отсюда родство с краковским профессором египтологом Петром Беньковским), обучавшаяся живописи в Мюнхене и Дрездене, где подружилась с Дагной Юэль, первой женой Станислава Пшибышевского, «привносила в семью художественную атмосферу».

Хозяева всех этих куявско-великопольских поместий культивировали характерные для тех мест рациональность и бережливость, о чем мой собеседник выразился лапидарно: они «больше заботились о лошадях батраков, чем о верховых».

■ Познань с дядей Флорианом

Ежи Дитль родился в 1927 г., рос и воспитывался в Познани, где сад родительского дома соседствовал с садом семьи Знанецких и где его родителей связывала сердечная близкая дружба с их дальним родственником — дядей Флорианом, как все его называли, — отцом польской социологии, а также одним из создателей мировой социологии. Дочь профессора Флориана Знанецкого, известный в Америке социолог Хелена Лопата, воспитывалась вместе с будущим профессором-экономистом. Молодой человек проводил зимние каникулы в Яворнике в долине Вислы, где у Знанецких был дом; он учил дядю играть в бридж и кататься на лыжах, хотя, как он вспоминает, почти безуспешно. Гораздо более эффективными были уроки и наставления, которые Ежи получал от дяди Флориана.

Когда юноша запальчиво отстаивал свое мнение, например о превосходстве творчества Кервуда над творчеством Лондона, профессор объяснил ему свой взгляд на авторитетных личностей, сказав, что если более умные люди о чем-то судят, то следовало бы поразмышлять, почему они судят так, а не иначе, и принять во внимание, что они выражают мнения какой-то высокоинтеллектуальной группы общества. И, памятуя об этом, следует искать согласия с мнением этой группы. Ежи Дитль принял это близко к сердцу, а так как в доме Знанецких довольно часто бывали многие представители ведущей интеллигенции того времени, прежде всего социологи — Юзеф Халасинский, Ян Щепанский, Чеслав Знамеровский, тогда совсем юная ассистентка Антонина Клосковская, ставшая позднее известным профессором в Варшаве, — то он тоже выбрал путь, ведущий к интеллектуальному и духовному лидерству, которое в Польше всё ещё остается за интеллигенцией.

■ Стойкость

В семье Дитлей с ее многочисленными родственными связями детей воспитывали в чрезвычайной скромности. Сегодня профессор считает, что его самого воспитывали даже чересчур скромно; в результате этого им надолго овладела, например, боязнь публичных выступлений, и даже спустя многие годы он довольно часто ее испытывал.

В доме с большим пиететом относились к знаниям и образованию, само собой разумелось, что высшее образование необходимо, родители мечтали о научной карьере для своих детей.

Во время оккупации Ежи оказался в Островце-Свентокшиском, где в возрасте 13 лет ему пришлось зарабатывать на жизнь, начав с торговли по домам, которую он называет своей юношеской «частной инициативой». Параллельно он учился в подпольной школе — как солдат Армии Крайовой — у своих командиров, многие из которых были до войны преподавателями.

В военное время, когда духовное и интеллектуальное формирование личности происходило чрезвычайно интенсивно, в молодом человеке окончательно возобладала невосприимчивость к идеологии, которую предложила после войны новая власть, хотя сам ученый склонен считать, что бóльшую роль в этом сыграла познанская среда, особенно университетская. Я специально об этом спрашивала, потому что Ежи Дитль после войны пошел на экономический факультет, где давление марксизма было особенно сильным: «В нашем кругу о таком выборе (принадлежность к ПОРП. — *М.Б.*) и речи быть не могло». Он учился у довоенных профессоров, защищавших студентов, которых сажали в тюрьму за забастовки. В тюрьме он познакомился почти со всеми своими будущими друзьями — молодыми людьми, настроенными патриотически и готовыми спорить на все важнейшие темы.

Закончив учебу в 1950 г. и быстро защитив кандидатскую, а затем и докторскую диссертацию в Главной школе планирования и статистики*, он долго ожидал получения профессорской кафедры, и это было репрессивной мерой властей за позицию, занятую им в 1968 году. Кафедру он получил в 1971 г., значитель-

* После 1989 г. вуз вернул себе традиционное название: Главная торговая школа.

но позже стал ординарным профессором. Переехав из Познани в Лодзь, он организовал в университете кафедру маркетинга. Преподавал во многих странах мира. Среди сделанного им — 450 научных работ, в том числе 30 книг.

К наследию Дитлей следует отнести их активность в общественной жизни. Профессор Ежи Дитль, член «Солидарности» с 1980 г. (во время военного положения ему запретили преподавать), принимал участие в переговора «круглого стола», а после выборов 1989 г. стал сенатором, работал в нескольких комиссиях, в связи с чем часто участвовал в международных конференциях и переговорах. Был одним из учредителей и председателем Образовательного фонда, имевшего целью обучать предприимчивости.

■ Аналогии

Дочь профессора Анна — психолог, а сын Томаш, участвовавший в нашей встрече, — профессор-физик.

Он родился в 1950 г. и рос в то время, когда родители его были всецело поглощены работой и общественной деятельностью и не могли посвящать детям столько времени, сколько ему самому удается посвящать своим детям. «В доме существовали определенные стандарты. Мы знали, что такое порядочность, что научная работа — это не профессия, это... стиль жизни, требующий самоотречения, например в ущерб некоторым семейным обязанностям, а также постоянного сравнения своих исследований и своих результатов с результатами мирового уровня».

Важную роль играла забота родителей о той среде, которая окружает детей. Из товарищей Томаша Дитля по познанскому лицею им. Кароля Марцинковского восемь человек стали профессорами.

Он сам, окончив Варшавский университет в 1973 г., получил звание профессора в 1990-м, а спустя восемь лет стал членом-корреспондентом ПАН (уже имея звание ординарного профессора). Много раз он выезжал за границу, сначала как стипендиат, затем как профессор-преподаватель. Его приглашали во Францию, США, Японию и в другие страны. Новаторские исследования ученого способствовали становлению новой области физики — полупроводниковой спинтроники, которая вообще открывает новые перспективы перед всей электроникой. За это его неоднократно награждали, в частности в 2006 г. он получил премию Фонда содействия польской науке, которую называют «польским Нобелем».

Как и его отец, он участвует в работе ученых советов нескольких институтов и редколлегий научных журналов. Количество публикаций Томаша Дитля превышает две сотни, есть среди них и обзорные статьи, и главы в монографиях, многие его работы напечатаны в самых значительных научных журналах мира.

Среди его многочисленных научных достижений отдельно следует отметить, как мне кажется, два: 13 научно-популярных публикаций, а также участие в создании Школы точных наук — негосударственного высшего учебного заведения (первого в этой области), которое было создано по инициативе ученых из Института физики ПАН. Дитль-младший стал первым проректором этого вуза, продолжив тем самым семейную традицию участия в общественной жизни — соответствующим нынешнему времени способом.

Отец-профессор отговаривал его от занятия общественными науками, что впрочем, не требовало больших усилий. Сегодня он поощряет внуков к изучению гуманитарных наук. В семье Дитлей продолжает жить традиция открытой приверженности католичеству. Оба мои собеседника вспоминали дискуссии, которые вели два поколения семьи о философии Маритена и Жильсона, о взгляде на марксизм с позиций томизма. Профессор Дитль-старший замечает, что взгляд этот был всегда довольно отстраненным — никому в его кругу не пришлось ощутить на себе «гегелевского укуса».

Внуки, дети Томаша, воспитываются в среде Клуба католической интеллигенции, где теперь особое внимание уделяется тому, чтобы необходимыми современными навыками поддержать основополагающие добродетели, такие как честность, альтруизм, готовность служить людям и делу.

■

Дедушка Томаша Дитля по матери Станислав Ростворовский, защитив диссертацию по химии во Фрайбурге, вернулся в Ягеллонский университет в 1917 г., но тогда первой обязанностью молодой интеллигенции было служить отечеству либо в политической деятельности, либо с оружием в руках. Он выбрал второе и принял участие в силезских восстаниях. Во время войны он был генералом АК; одна из улиц Варшавы названа его именем.

Когда подрастал его внук, лучшей формой патриотического служения была научная работа и воспитание молодежи. Потом произошел новый поворот колеса истории, и энтузиазм самых талантливых среди тех, кто нашел для себя надежное политическое убежище в лабораториях и библиотеках, оказался востребован. Им выпало участвовать в устройстве свободного государства после 1989 г., при этом вовсе не обязательно отказываясь от научной деятельности. Научные традиции семьи Дитлей, начало которым было положено в Кракове, продолжают сегодня ее наследники, активно участвуя в совместных поисках знаний о мире.

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

О новой книге Виктории и Ренэ Сливовских
Р. Капустинский: фрагменты интервью
Беседа с Лешеком Бальцеровичем
Эссе К. А. Еленского
Б. Поцей о Ванде Ландовской
О. Закиров: из воспоминаний
Поляки в Бурятии
К. Яновская и П. Мухарский: Беседы к началу столетия
Наши за границей: А. Северин, В. Пшоняк, З. Рыбчинский, А. Холланд, Р. Полянский, А. Кшивицкий и др.
Беседы Сильвии Фролов

СТИХОТВОРЕНИЯ

Милоша, Стахуры, Бялошевского, Хартвиг, Яструна, Херберта и др.,

в переводах

Бродского, Базилевского, Астафьевой, Ройтмана, Британишского, Горбаневской, Свяцкого и др.

Журнал «Новая Польша»
допущен к распространению на территории Российской Федерации
Решением Министерства Российской Федерации по делам печати,

телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

(Свидетельство регистрации средства массовой информации **ПИ №77-1063** от 3 ноября 1999 года)

Приглашаем всех читателей посетить интернет-сайт «Новой Польши»:

www.novpol.ru

Лучшие писатели и критики

Национальная Библиотека представляет журналы:

twórczość

Старейший польский литературный ежемесячник, посвященный современной прозе, поэзии и литературной критике. Оказывает влияние на перемены в польской литературе.
тел.: +48 (22) 627-15-52;
тел./факс: +48 (22) 628-95-07
e-mail: tworczosc@bn.org.pl
www.culture.pl/pl/culture/artykuly/cz_tworczosc

NOWE KSIĄŻKI

Ежемесячник. На протяжении более полувека незаменимый источник информации о книгах. В каждом номере рецензии, интервью, статьи о писателях, публицистика, библиография, анонсы.
тел.: +48 (22) 826-62-60;
тел./факс: +48 (22) 826-62-35
e-mail: noweksiazki@wp.pl

Dialog

Ежемесячный журнал, посвященный современной театральной, телевизионной и радиодраматургии.
тел.: +48 (22) 608-28-80, +48 (22) 608-28-81;
тел./факс: +48 (22) 608-28-82
e-mail: dialog@bn.org.pl
www.dialog.waw.pl

ruch muzyczny

Старейший и единственный в Польше журнал, посвященный музыкальной жизни, творчеству и вопросам музыки. Выходит 26 раз в году.
тел.: +48 (22) 608-28-70, +48 (22) 608-28-71;
тел./факс: +48 (22) 608-28-72
e-mail: ruchmuzyczny@onet.pl
www.ruchmuzyczny.pl

LITERATURA na świecie

Ежемесячник. Единственный журнал, уже многие годы публикующий все достойные внимания новинки современной мировой литературы.
тел.: +48 (22) 827-47-91;
тел./факс: +48 (22) 828-64-96
e-mail: litnasw@free.art.pl

НОВАЯ ПОЛЬША

Ежемесячник. Единственный журнал о Польше на русском языке. Богатая подборка публицистики польских и российских авторов. Переводы малоизвестных в России произведений польских поэтов и прозаиков.
тел.: +48 (22) 608-25-65, +48 (22) 608-27-95
тел./факс: +48 (22) 608-27-96; +48 (22) 608-25-05
e-mail: nowpol@bn.org.pl
www.novpol.ru

odra

Ежемесячный журнал, широко представляющий современные проблемы общества и искусства. Форум критической гуманитарной мысли. Польша и мир, история и возможное будущее.
тел.: +48 (71) 344-77-37;
тел./факс: +48 (71) 343-55-16
e-mail: odra@odra.net.pl
www.odra.net.pl

a akcent
literatura i sztuka ● kwartalnik

Ежеквартальный журнал, посвященный литературе и другим областям искусства в контексте последних достижений гуманитарной мысли. Выходит в Люблине с 1980 года.
тел./факс: +48 (81) 532-74-69
e-mail: akcent_pismo@gazeta.pl
www.akcent.glt.pl

TEATR

Ежемесячник, посвященный современному театру. Обзор последних премьер в Польше и за границей, критика, эссе, комментарии.
тел. +48 (022) 692 88 19;
тел./факс: +48 (022) 692 88 18
e-mail teatr@bn.org.pl

BIBLIOTEKA NARODOWA

Zakład Wydawniczy Czasopism Patronackich

02-086 Warszawa, al. Niepodległości 213, tel. +48 (022) 608 23 74; tel./fax +48 (022) 608 24 88
e-mail: czaspatron@bn.org.pl; www.bn.org.pl

Cena 7 zł w tym 0% VAT

ISSN 1508-5589